Нижегородцы на чеченской войне

Валерий Киселев

SHOUT
SHARE
IT

- Киселев Валерий

Киселев Валерий
Нижегородцы на чеченской войне

Валерий Киселев
Нижегородцы на чеченской войне
Сборник статей о войне в Чечне
1994-2000 годы

Автор сборника - нижегородский журналист Валерий Киселев, лауреат премий Нижнего Новгорода, Министерства обороны и Союза журналистов России, победитель всероссийского конкурса "Журналисты в "горячих точках". С первых дней начала событий в Чечне пишет о судьбах нижегородцев, представителей различных силовых структур, принимавших участие в боях. Побывал в Чечне в марте 1995 года, во второй военной кампании в Чечне - три раза. Впечатления от командировок стали основой этого сборника статей.

* ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ *

1. МОСКВА В ДЕНЬ НАЧАЛА ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ

В седьмом часу утра 12 декабря 1994-го на Красной площади еще не было ни души, на окрестных улицах - тоже. Только у Мавзолея жалобно выл бездомный пудель. Впечатление было такое, что население оставило город, а неприятельская армия в него еще не вошла. Первый повстречавшийся прохожий занимался тем, что расклеивал листовки на стенах домов.

Листовка приглашала на митинг протеста женщин, который должен пройти у ВДНХ. Протеста против начавшейся войны в Чечне. К 12 часам, времени начала митинга, Москва окончательно проснулась. На площади перед ВДНХ уже несколько тысяч человек, колышутся красные знамена. Какой же митинг в Москве без Виктора Анпилова - "агитатора, горлана, главаря".

- Англия... Америка... Буржуазия... - заглушает громогласный Анпилов плач Танечки Булановой из ближайшего "комка". Двое мужчин пробираются через толпу с импортным телевизором, только что купленным где-то на выставке. Некоторые старушки с кастрюлями и ложками в руках. Это при трещащих-то от изобилия прилавках московских магазинов!

Из облаков боязливо выглядывает Останкинская игла. В листовке было сказано, что после митинга - поход на Останкино.

В. Анпилов предоставляет слово "национальной героине СССР" Сажи Умалатовой. Она только что из Чечни, у нее там под гусеницами российских танков погиб отец. Толпа заводится еще больше.

Вот слово берет дьякон Виктор Пичужкин. Такой безобидный с виду и фамилия более чем скромная, но сколько же энергии в этом человеке! Ему бы в свое время комиссаром в Чапаевской дивизии вместо Фурманова, а не дьяконом в наши дни. Не дали бы тогда бойцы погибнуть Василию Ивановичу, а как бы обогатился фольклор после его комиссарства!

- Да здравствует советская власть! - от души восклицает дьякон.

После выступления представителя Украины над площадью несется призыв:

- Слава социалистической Украине!

В.Анпилов предлагает собравшихся быстрее переместиться на Пушкинскую площадь. Несколько пересадок на метро вместе с толпами людей, в основном бойких бабушек. На постамент памятника Пушкину уже взгромоздился Анпилов. Тут же группы людей из "Выбора России":

- Это наше место! Уходите к себе на Манежную!

В.Боксер строит цепочку из решительно настроенных мужчин, чтобы "красные" не занимали их место, но тщетно, толпа анпиловцев все прибывает.

Демократы отходят чуть в сторону, появляются трехцветные флаги, лозунги: "Борис, очнись!", "Борис, на сей раз ты не прав!", "Военщина подставила президента". Портреты Б.Ельцина и А.Сахарова, лозунг "Демсоюза": "Независимость Чечне". У "красных" лозунг - "Свободу чеченскому народу!" Тут же несколько групп из чеченской диаспоры, все в новых дубленках, но стоят молча.

Обстановка накалялась с каждой минутой.

- Стрелять, стрелять и стрелять! - рычит мужчина в потертом пальтишке в сторону "красных".

- Я тебя запомнила, демократ проклятый, первого повешу! - кричит женщина с портретом Ленина.

Сцепились две старухи:

- Это вы, коммунисты, во всем виноваты!

- Это вы, демократы, все развалили!

Обе наверняка выполняли одни пятилетки, да и пенсии получают одинаковые.

- Я не гражданин, а господин, - цедит сквозь зубы мужчина из "новых русских", когда какая-то женщина попросила его посторониться.

- Я "Белый дом" два раза защищал! - кричит какой-то старик.

- Ну и дурак ты старый! - отвечает ему бойкая бабулька.

Демократы тщетно пытаются организовать здесь свой митинг, но переорать Анпилова невозможно и они отходят к ступенькам

кинотеатра "Россия". Многие из толпы перебегают туда-сюда, чтобы послушать ораторов из обоих лагерей. Оказывается обе стороны против ввода войск в Чечню, и те и другие осуждают президента.

- Давайте объединимся, если сейчас мы вместе!

- С коммунистами? Ни за что!

"Гай-дар! Гай-дар!" - скандирует толпа. Появился Егор Тимурович, что-то говорит сразу в три мегафона, но у Анпилова глотка как луженая. Выступают один за другим С. Юшенков, К. Боровой, еще несколько депутатов Госдумы. Все осуждают ввод войск в Чечню.

Появилась Валерия Новодворская, в роскошной шубе, с группой седых мальчиков. И она тоже против решения президента: "Ввод войск в Чечню - это крах демократии в России!"

- На Кавказ хочу ездить отдыхать! - орет какая-то баба пудиков этак шести-семи весом.

"Красные", услышав выступления Гайдара и Новодворской, напирают все сильнее и вот уже оттесняют митинг демократов с площадки перед кинотеатром. Чудом не дошло до схваток, насколько разгорелись страсти.

- Я спрашиваю майора милиции, - говорит В.Новодворская, - почему вы не разгоняете коммунистов, у них же несанкционированный митинг. Так он мне отвечает: "Мы их боимся!"

Ее осторожно, поддерживая за локотки, сводят вниз по лестнице.

- Давайте уйдем, а то опять начнут про жидо-масонский заговор кричать, - говорит она. Вокруг нее суетятся ее сторонники: "Лера! Лера! Скорей в машину!"

Анпиловцы берут верх, сопровождая победу радостными возгласами. Одна группа затянула "Вставай, проклятьем заклейменный...", другая - "Вставай страна огромная...", но тоже кто в лес, кто по дрова. Еще час-другой кипели страсти, люди доказывали друг другу, что нельзя было вводить войска в Чечню. А Александр Сергеевич стоял и грустно смотрел на своих потомков...

2. Первый пленный

Обреченные

Одиннадцатого декабря 1994 года батальон подполковника Виталия Серегина в составе Шумиловского полка оперативного назначения внутренних войск двигался колонной по дороге от Хасавюрта к чеченской границе. Полк, охраняя важные объекты и поддерживая общественный порядок в населенных пунктах вдоль шоссе, должен был обеспечивать ввод в Чечню танкового корпуса

генерала Льва Рохлина.

По численности батальон был чуть больше роты - 120 человек. Большинство солдат - молодые, необстрелянные, всего пять дней, как прибыли в Дагестан, собраны из милицейских частей округа. Стрелять, тем более по мирным жителям, к этому солдаты были не готовы психологически.

Командиры боевиков хорошо просчитали ситуацию. Они понимали, что русские солдаты не будут стрелять по женщинам с грудными детьми, окружившим колонну бронетранспортеров. Возможно, боевики знали, что полк получил приказ: "Огонь не открывать!" Дагестанская милиция в это время самоустранилась от конфликта между Чечней и Россией и не мешала боевикам.

У подполковника Серегина было два выхода: пролить кровь мирных жителей или сдаться в плен, надеясь на помощь своих или на политическое разрешение конфликта.

Боевики, прикрываясь толпами женщин и детей, захватили в плен 58 солдат и офицеров батальона, в том числе и подполковника Серегина. Предчувствуя трагический поворот событий, он сделал все, чтобы к боевикам не попало тяжелое оружие его батальона. Успел сообщить о ситуации командиру полка. Тот послал помощь - пропагандиста с громкоговорителем. Он разделил участь своих товарищей.

- То, что мы в этой стцации не применили оружие на территории Дагестан, было правильным решением, - считает Виталий Серегин, - Если бы мы начали стрелять, против нас поднялись бы все дагестанцы. Это привело бы к расширению конфликта. Чеченцам только этого и надо было, чтобы пролилась кровь.

Но если бы батальон тогда применил оружие, по-другому сложились бы судьба многих его солдат, в том числе и подполковника Серегина...

- Сейчас, в такой же ситуации, на этом же месте, первая моя команда была бы: "Огонь!" - сказал Виталий Серегин.

"Наши стоят, копошатся вдали..."

Тогда, 11 декабря 1994-го, никто не мог представить, что в Чечне начинается настоящая война.

Пленных, всех 58 человек, отвели в школу Хасавюрта. Офицеров держали отдельно.

Парадокс ситуации был в том, что чеченцы захваитли российских военных на территории Дагестана, неподалеку до границы с Чечней стояли другие подразделения полка. Пленные надеялись на скорую помощь товарищей. Вы...

- В час ночи, откуда ни возьмись, вдруг приезжают корреспонденты ОРТ, Си-эн-эн, потом НТВ, - вспоминает Виталий

Серегин. - И стали нас снимать, расспрашивать, зачем мы сюда приехали. Мы отвечали, что прибыли охранять важные государственные объекты на территории Дагестана..

Корреспонденты российских телекомпаний быстро примчались на приглашение боевиков снять первых пленных, но никто из них не рассказал о месте их нахождения российскому командованию, чтобы то могло предпринять попытку их освобождения.

- Около шести утра двенадцатого декабря нас подняли. Вижу, на улице стоят две "Волги" и иномарка. Нас, восьмерых офицеров, посадили в машины, -продолжает Виталий Иванович. - Вокруг стояли чеченцы в форме президентской гвардии, увешанные оружием. И повезли нас из Хасавюрта в сторону Чечни по трассе Ростов - Баку. Проехали мимо места, неподалеку от которого находился командный пункт нашего полка. Кто-то нас должен спасти! Наши стоят, копошатся вдали...

Чеченцы совершенно открыто провезли пленных по дороге, вдоль которой недалеко стояли подразделения полка. Никаких наших блокпостов не было. На границе с Чечней стоял дагестанский ОМОН. Милиционеры не проверили кавалькаду машин с вооруженными людьми и спокойно подняли шлагбаум.

Первая встреча с Масхадовым

Через несколько часов пленные росийские офицеры оказались в Грозном, на площади Минутка.

- Нас поместили в подвале библиотеки рядом с Домом правительства Чечни, - рассказывает Виталий Серегин. - На следующий день привезли еще одиннадцать человек, экипаж бронетранспортера, который ночью заблудился и "залетел" в Чечню.

К пленным пришел сам Аслан Масхадов, стал расспрашивать кто и откуда. Случайно подполковник Серегин увидел его карту с обозначением дислокации российских войск, готовившихся к походу на Чечню. Потом начали допрашивать прокуроры Чечни: "Зачем вы пришли в Ичкерию?" Завели на пленных дела, сфотографировали.

- И опять приехали корреспонденты - из Египта, Иордании, других стран, кого только не было. С особым удовольствием снимали нас поляки, "братья-славяне", - вспоминает Серегин.

Сразу вспомнили о Боге

А через несколько дней российские войска начали штурм Грозного.

- Кто-то из чеченцев накануне предупредил нас, чтобы мы легли спать на пол. Так и сделали. Начались бомбежки. Все почему-то сразу вспомнили о Боге. За стенкой в подвале стояли

ящики с противотанковыми минами. Если бы в наш дом попала бомба, от нас ничего бы не осталось. Видел, как на площадь 31 декабря влетели наши танки и БМП, как они горели. Когда начался бой, дед-чеченец сломал замок в подвале и предложил всем нам уходить. А куда мы пойдем? Везде чеченцы и идет бой. Решили остаться в подвале.

Подвал стал пополняться пленными из Майкопской мотострелковой бригады, которая первой вошла в Грозный вечером 31 декабря.

-За ночь привели двадцать четыре человека, в основном танкистов, вспоминает Виталий Серегин, - Из них человек шесть-восемь - раненые. У меня был фельдшер, оказал им первую помощь. Одного лейтенанта чеченцы стали допрашивать и он рассказал, что из своего БМП сделал сто выстрелов. Чеченцы вывели его и расстреляли. Был среди пленных штурман вертолта. Тоже расстреляли бы запросто. Мы посоветовали ему говорить так: отказался бомбить и был направлен в наказание в пехоту, так и попал в плен.

Сгоревшие солдаты

Несколько дней относительного затишья, а потом - новый штурм. Пленных в подвале прибавилось.

- В Рождество к нам пришел батюшка, - говорит Серегин. - Спрашиваем его: "За какие грехи мы здесь? Людей не убивали, не калечили". - "Крест божий!" Потом пришли правозащитник Сергей Ковалев, кто-то из "Яблока", похожий на Ленина. Опять снимали на видеокамеру. Правозащитники говорили, что нечего нам было сюда приходить. Кинули нам по пачке сигарет, да и то неполные... Ковалев предлагал подписаться под петицией о прекращении войны. Я отказался.

На следующий день после Рождества пленных вывели на площадь перед дворцом собирать в кучу трупы убитых русских солдат, чтобы их не ели собаки.

- Сгоревшие в БМП солдаты были такими маленькими... - вспоминает Серегин.

Кольцо российских войск вокруг дворца Дудаева сжималось, и пленных перевели в подвал этого здания.

- Здесь нас было семьдесят шесть человек. Из них шестнадцать - офицеры, прапорщики и контрактники. Я был старшим по званию, все меня слушались. Хлеб и воду делили поровну, следил, чтобы раненые поели. Каждую ночь к нам на артиллерийском тягаче приезжали солдатские матери, искали своих сыновей среди пленных и забирали, если находили. Я попросил одну женщину переслать домой записку, что я жив. Отказалась. Потому что я офицер, а не солдат. Зато этот же тягач

привозил не только солдатских матерей, но и боеприпасы чеченцам.

Надежда висела на волоске

Семнадцатого января боевики, защищавшие дворец Дудаева, начали одеваться в марлю, готовиться к прорыву. Пленных разделили на группы и заставили нести раненых и убитых чеченцев.

- Мне досталось нести "жмурика". Вышли из дворца - никто не стреляет, продолжает Серегин. - Ушли за Сунжу. Как можно было не заметить три сотни людей, уходящих из дворца в разных направлениях...

Российские войска заметили прорвавшихся, но поздно. Постреляли вдогонку. Догонять не стали. Еще несколько дней пленные и охрана, а с ними и штаб Масхадова находились в черте Грозного, в какой-то больнице. Там всех пленных солдат разобрали матери. Чеченцы освобождали их тогда охотно. Отпущенные из плена российские солдаты были информационным оружием Мовлади Удугова, этого чеченского Геббельса.

Подполковника Серегина и майора Дедегкаева вскоре отделили от этой группы пленных и они оказались в роте охраны президентской гвардии Дудаева. Чеченцы переезжали с пленными с одного места на другое.

- Видел, как наши вели бой за Аргун. Несколько раз приходилось видеть Масхадова и "товарища" Басаева, - вспоминает Виталий Иванович. - Возили в Шали, Ведено. Здесь нас бил каждый желающий, дней восемь подряд. Отольют водой и снова бьют. Предлагали перейти к ним на службу. Особенно били пацаны 13-15 лет, это настоящие зверьки. Но не так тяжело было физически - дадут пару и теряешь сознание, как морально, выслушивать оскорбления.

В боях с российскими войсками таяли отряды боевиков. Казалось, вот-вот свобода.

-Летом девяносто пятого, например, в первом мусульманском батальоне оставалось всего двенадцать человек, во втором - десять, - рассказал Виталий Серегин, - Это были дагестанцы, кумыки, ногайцы, казахи, узбеки. Оставалась их горсточка. Но наши объявили очередное перемирие и чеченцы стали собирать новые отряды из пацанов, учить их воевать.

Они узнали друг друга

Без девяти дней девять месяцев провел подполковник Виталий Серегин в чеченском плену. Девятнадцатого августа 95-го через посредников чеченцы обменяли его на нужного им человека.

- На следующий день я был в Ханкале, у генерала Романова, рассказывает Виталий Иванович. - Он обнял меня, расцеловал.

Еще немного - и встреча дома с родными и друзьями.

После возвращения из плена Виталию Серегину по делам службы не раз приходилось бывать в Дагестане, в тех самых местах, где он был взят в плен. Дагестанские милиционеры, не без помощи которых попали в плен российские солдаты и офицеры, теперь радушно улыбались полковнику Серегину. Он пытался найти своих старых знакомых, которые держали его в плену. Одного, это было до начала второй кампании, встретил на границе Чечни с Дагестаном. Чеченец стоял за шлагбаумом и ухмылялся. Они узнали друг друга.

3. "ТОЛЬКО РАНЕН? ОЙ, СПАСИБО ВАМ..."

Гарнизонный дом офицеров, комната No26, здесь расположен временный информационный центр, где по телефону можно справиться о судьбе военнослужащих 22-й армии, подразделения которой находятся сейчас в Чечне.

- Центр был создан третьего января, - рассказывает старший офицер отдела воспитательной работы штаба армии А. Яковлев, - по приказу командующего армией генерала Ефремова. Части были подняты по тревоге, поэтому, чтобы не было слухов и чтобы успокоить родителей, и организована "горячая линия".

В сутки раздается несколько десятков звонков, телефон действительно "горячий".

- Вот сегодня до обеда - 24 звонка, - говорит дежурный офицер, Обращаются к нам родители военнослужащих не только нашей армии, но и частей внутренних войск, ВДВ, погранвойск.

В комнате на стенде - длинный ряд телефонов, по которым надо звонить, чтобы узнать о судьбе сына, у дежурного - списки воинских частей, находящихся в Чечне, раненых. На списке госпиталей, куда направляют раненых в Чечне, насчитал 9 адресов. Одно это уже говорит о масштабе боевых действий.

- Много раненых прибыли на излечение в медсанчасти армии, а 14 человек мы отправили на излечение домой, - рассказывает дежурный офицер. - Сначала были в основном с ожогами и контузией, потому что действовали в бронетехнике, потом - с пулевыми ранениями, и чаще всего в конечности.

Наш разговор прерывает звонок.

- Кемеровская область? Очень плохо слышно! Назовите фамилию сына.

Через несколько секунд дежурный отвечает: - Ваш сын убыл в Чечню, находится в селе Толстой-Юрт, в боевых действиях не участвует, занимается патрулированием и сопровождением колонн.

По этому телефону звонят со всех концов России, даже из Петропавловска-Камчатского.

- Мамы часто плачут? - спрашиваю дежурного.

- Очень, - отвечает дежурный офицер. - Многие пытаются на нас злость сорвать, многим надо выговориться.

На гневные звонки матерей здесь стандартный ответ: "Мы выполняем приказ Верховного главнокомандующего, президента России, он избран всем народом и, значит, выполняет волю всего народа".

Стало быть, и по воле матерей их сыновья находятся в Чечне...

- Младший сержант Макаров? - переспрашивает дежурный офицер. - У вашего сына сквозное ранение плеча, он госпитализирован. Не плачьте, успокаивает офицер мать солдата. И тут же мне: - Скажешь, что их сын ранен, - рады...

Очень часто, однако, оказывается, что сын служит далеко от Чечни и в таких войсках, которые никак не могут быть использованы, но ленится написать домой.

- Вот, например, Васин Николай, - говорит дежурный офицер, - с ноября матери не пишет, хотя служит в ПВО.

А родители с ума сходят от неизвестности.

... В МЕШКЕ - ОДИН КОНВЕРТ

По сообщению прессы, все желающие поддержать морально солдат из подразделений Нижегородского гарнизона, проходящих сейчас службу в Чечне, могут написать письма и прислать их в редакцию. В ближайшие дни в Чечню пойдет авиаборт с гуманитарной помощью и почтой.

И много ли, думаете, писем своим землякам написали нижегородцы? Да всего одно. Это от полуторамиллионного города. Чем это объяснять, не беремся сказать, равнодушием ли, или тем, что жалко денег на конверт.

В годы Великой Отечественной, если вспомнить, девушки писали нашим солдатам гораздо чаще.

4. КОЕ-КТО УЖЕ ПОПРАВИЛСЯ

В гарнизонном военном госпитале сейчас на лечении 9 военнослужащих, выполнявших свой долг в Чечне. Причем ранен из них только один, остальные попали с обморожениями и воспалениями легких.

Всего же из подразделений Нижегородского гарнизона, принимающих участие в операциях в районе Грозного, ранения получили 54 человека, в основном средней тяжести. Часть из них, 14 человек, уже отправлены на побывку домой.

5. ДОБРОВОЛЬЦЫ - ВПЕРЕД!

Начавшие циркулировать по городу слухи, что будто бы в

городе проходит частичная мобилизация резервистов, в областном, военном комиссариате решительно опровергли.

А вот набор добровольцев в Чечню, желающих служить там по контракту, продолжается. Туда отправлена первая группа из 10 человек.

6. БЕГУЩИЕ ОТ ВОЙНЫ

Как нам сообщили из миграционной службы областной администрации, количество беженцев из Чечни за неделю увеличилось с 8 семей еще на 7.

В 8 семьях, прибывших в город ранее, было 16 человек, в 7 других - 21 человек. В числе беженцев и семья, где ранен девятилетний ребенок, его, оперировали в нашей больнице.

Все беженцы - русские. Работникам миграционной службы они рассказали страшные истории о своем пребывании в Грозном.

7. КОГО СОЛДАТУ СЛУШАТЬ - МАМУ ИЛИ КОМАНДИРА?

Дом архитектора, актовый зал, сюда по приглашению клуба "Гражданская инициатива" пришли родители солдат, чтобы создать в Нижнем Новгороде комитет солдатских матерей.

Родители надеялись получить какую-то практическую помощь: как узнать о судьбе сына, что делать, если он уже ранен, однако депутат областного законодательного собрания, председатель комитета по правовой политике С. Сперанский сказал откровенно:

- Вас здесь собрали, чтобы вы сами смогли решать свои проблемы.

Зачем же тогда, спрашивается, мы выбирали депутатов, зачем власть вообще, если матери должны сами решать проблемы, которые государство им создало?

Попытка зачитать какую-то резолюцию на имя президента России вызвала гневные реплики:

- Да он не может проспаться, ваш президент!

- Сейчас будут забирать всех подряд, не смотря на болезни! У меня ребенка с тремя сотрясениями мозга взяли!

Когда консультант по работе с военнослужащими областного законодательного собрания Ю. Новиков предложил, было обсудить вопрос, как надо готовить молодежь к армии, из зала закричали:

- Надо детей оттуда вернуть, а не нас воспитывать! На нашу страну никто не напал! Они не только детей, а и нас убивают, будущее наше убивают!

Когда матери высказались и отвели душу, желающим работать в комитете солдатских матерей было предложено поднять руки. Таких оказалось всего семь человек.

В зале находились представители облвоенкомата и

гарнизона, которые много могли бы рассказать, но слова им никто не предоставил.

8. СОЛДАТЫ ГОТОВЫ ВЫПОЛНИТЬ СВОЙ ДОЛГ

Штаб Нижегородского гарнизона, короткий разговор с Н. Прозоровым, старшим офицером по связи с общественностью, который только что вернулся из Чечни:

- Сводный полк туда был отправлен 15 января. Все солдаты прошли боевую дополнительную подготовку, нет ни одного первого года службы. Укомплектованность до штата, техника и вооружение тоже полностью, с собой везли даже дрова. Наша часть после выгрузки находится в районе сосредоточения, в боевых действиях в Грозном до моего отъезда участия не принимала. Солдаты живут в палатках, питание отличное, сколько хочешь, обмундирование теплое. Каждый знает свою задачу и общую цель операции. Моральное состояние хорошее. Случаев обморожения в полку нет, нервно-психических срывов - тоже, очень жесткий контроль командиров за гигиеной. Когда мы туда входили, население встречало нас в целом дружелюбно, особенно когда ехали эшелоном по Ставропольскому краю. Противник явно почувствовал: идет сила. Хотел бы успокоить родителей: у нас опытные командиры и хорошо обученные солдаты, все они готовы выполнить свой долг.

Итак, если многие родители хотели бы как можно скорее вернуть своих сыновей, сами они готовы слушать своих командиров и выполнять приказы.

Но помощь нашим солдатам все же нужна. Они рады будут получить от земляков домашние консервы, сладости, сигареты. А посылки можно приносить на Нижневолжскую набережную, в красные казармы. Оттуда они будут направлены по назначению.

9. ИВАН СКЛЯРОВ: "НАДО НЕМЕДЛЕННО ОСТАНОВИТЬ ВОЙНУ!"

В Чеченской республики побывала делегация в составе председателя президента России по Нижегородской области Е. Крестьянинова, губернатора области Б. Немцова, главы администрации Нижнего Новгорода И. Склярова и командующего Приволжским округом внутренних войск генерала Б. Максина. Делегация доставила в распоряжение Шумиловского полка внутренних войск гуманитарный груз и на месте ознакомилась с обстановкой в регионе.

Вот что рассказал об этой поездке И. Скляров:

- Побывали мы в Хасавюртовском районе Дагестана, где Шумиловский полк сдерживает группировку боевиков Дудаева, численностью до 7 тысяч человек, в Северной Осетии, подъезжали и на 30 километров к Грозному. В Моздоке встречались с

Грачевым, Ериным и Степашиным. На месте ознакомились с жизнью наших солдат. Сколько там сейчас нижегородцев, никто точно не скажет, потому, что подразделения переброшены со всей России, даже с Дальнего Востока. В Моздоке видели, как идет перегрузка убитых и раненых, впечатление, конечно, осталось тяжелое. Шумиловский полк располагается в поле, люди живут в землянках, по 15 человек. Настроение у солдат нормальное, но очень много больных. Подаркам от земляков все обрадовались. Осталось впечатление, что внутренние войска организованы лучше, чем армия. Вручили наиболее отличившимся 20 наручных часов, как раз в это время вручали в полку правительственные награды - 4 ордена и 13 медалей.

Много неразберихи, а ее не должно быть, угнетает и большая гибель солдат. Очень много беженцев, в Хасавюртовском районе их до 150 тысяч. На встрече с Грачевым мы заявили ему, что быстрее должны решаться вопросы снабжения, особенно лекарствами, замены войск.

В целом же обстановка в Чечне очень серьезная, и чувствуется, что это надолго. Нужна переоценка действий правительства. Надо спрашивать с правительства: почему военные действия начались без должной подготовки? Солдаты вообще не понимают, зачем они там. Главная задача сейчас остановить войну любыми средствами.

Ночью была у нас встреча с полевыми командирами чеченцев, обсуждали вопрос о возвращении наших солдат, взятых в заложники, их 18 человек. Это дело осложняется тем, что все они раскиданы по разным населенным пунктам. Но все же чеченские командиры обещали разрешить этот вопрос.

Все мы должны понять: в Чечне идет самая настоящая война, без всяких прикрас.

10. МЕРТВЫМ НЕ НУЖНЫ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

В Чечне побывали С. Дмитриевский и И. Каляпин, которые находились там в качестве наблюдателей от нижегородской организации Международного общества прав человека. Вот что рассказали они вашему корреспонденту.

- Какова была цель вашей поездки?

- Мы хотели уяснить, были ли основания для ввода войск в Чечню, в каком положении находятся там военнопленные федеральных войск и как поступает туда гуманитарная помощь. В Чечне мы были 5 дней, из них 3 дня в Грозном, в расположении чеченских ополченцев. Ходили везде свободно, где хотели.

- Какие у вас самые яркие впечатления от этой поездки?

- Прежде всего, мы испытали шок от сталинградской панорамы Грозного. Город - как после ядерной бомбардировки,

многие дома в развалинах, кругом остатки реклам, на улицах то и дело попадаются хвосты ракет. Чеченцы показывали нам шариковые и игольчатые бомбы. И в те дни, когда мы были - это 18, 19 и 20 января, - город подвергался интенсивному беспорядочному обстрелу из всех видов оружия.

- Вы видели пленных российских солдат?

- В общей сложности около пятидесяти человек. Говорили со многими из них. Жалоб на плохое обращение со стороны чеченцев не было. Разговаривали с нашими земляками, подполковником и майором, документы майора привезли, это Афонин Вячеслав Сергеевич, воинская часть 3671, Богородск, передадим их его жене. Находятся пленные в районе площади Минутки. Среди них есть раненые, много контуженных. Говорили долго с одним старшим лейтенантом из Новокузнецка. Он написал матери письмо, в котором в конце добавил: "Мама, берегись бомбежки". Многие пленные в шоке...

- Какова, на ваш взгляд, степень боеспособности чеченцев?

- У них кадровые командиры, все настроены воевать до последнего. Думаем, что и сейчас чеченцы контролируют около половины города. Сплошного фронта там нет. В Грозном, нам сказали, действует постоянно не более тысячи ополченцев.

- Вы были и в сельском районе, там тоже все с оружием?

- С оружием примерно 80 процентов чеченцев, автомат у них уже как часть национального костюма.

- Как сами чеченцы относятся к Дудаеву?

- Его поддерживают примерно половина населения. Многие ругают за мясорубку, которая происходит в Грозном, другие говорят, что Дудаева чеченцам сам Аллах послал. Мы почувствовали, что защищают там не столько Дудаева, сколько свои дома. К русским там отношение в целом нормальное. Но Ельцин для них теперь - второй Сталин.

- На ваш взгляд, когда там все закончится?

- Прогноз у нас самый мрачный. Победить чеченцев невозможно.

- Вы видели гуманитарную помощь?

- В Грозном - нет. Она вся прибывает в Моздок.

11. ЧЕЧЕНСКИЙ КОНФЛИКТ ГЛАЗАМИ...

"Нижегородской гвардии"

Из командировки в Чечню вернулся отряд "Нижегородской гвардии" (так называется подразделение ОМОНа УВД), который нес там в течение 45 суток службу по охране шоссе Беслан-Грозный. Пять человек из этого отряда встретились с представителями нижегородской прессы, рассказали подробности командировки, а также выразили свою точку зрения на

происходящие там события. На всякий случай мы опускаем фамилии этих парней, тем более что говорили они, дополняя друг друга.

- На шоссе Беслан-Грозный всего 19 застав, мы несли службу на трех, ближайшая к Грозному - в двух километрах. Обеспечивали продвижение колонн с продовольствием, боеприпасами, техникой.

- Стрелять приходилось каждую ночь. Но первыми огонь мы никогда не открывали. Палили по нам с 800, 600 и даже с 200 метров.

- Отряд во время этой командировки убитых не имел, но ранен был командир, подполковник А. Васильев. Ранили его из проходящих "Жигулей", автоматной очередью.

- Наше присутствие помогло сохранить жизни многих солдат и беженцев. Часто можно было слышать: "Ребята, быстрее расправьтесь с Дудаевым". Говорили это не только русские, но и ингуши, и осетины.

- С первым сопротивлением мы столкнулись еще в Назрани. Там горели грузовики, были толпы людей, вперед боевики запускали женщин и детей.

- Нашу авиацию мы видели только один раз - пролетала пара самолетов, а так обычно вертолеты.

- Средства массовой информации события в Чечне освещают необъективно, только с точки зрения чеченцев. Почему никто не призывает к милосердию, к нашим солдатам?

- Моральный дух наших солдат очень высокий. Многие плохо обучены, это правда. Десантники и морская пехота действовать не умеют, были случаи, когда у них чеченцы отбирали оружие.

- То, что комитеты солдатских матерей приезжают в Чечню, чтобы забрать своих детей, свидетельствует о слабости нации. Это пресса во многом виновата, что так упал престиж армии. Пресса часто берет непроверенную информацию. Мы еще только в Ростов прибыли, а уже пошли слухи, что мы в плену.

- К миссии депутатов Госдумы относимся отрицательно, они зарабатывают себе политический капитал. Сергей Ковалев больше жалеет чеченцев, чем русских солдат.

- Мы не знаем, почему армия Дудаева оказалась такой сильной...

- Мы были желанные гости в каждом доме, мы не воевали с народом.

Эти бойцы и командиры "Нижегородской гвардии" убеждены, что они находились на территории России. То есть Чечня - это сначала Россия, а потом уже Чечня, и чеченцы обязаны выполнять, прежде всего, законы России, а потом уже жить по

своим обычаям.

... нижегородского губернатора

Б. Немцов вместе с делегацией из Нижнего Новгорода побывал в расположении Шумиловского полка внутренних войск на границе с Дагестаном, встречался в Моздоке с Грачевым, Ериным и Степашиным. Беседовал со многими официальными лицами, солдатами, беженцами.

- Моральный дух наших солдат действительно высокий. Молодые солдаты не приспособлены к жизни в полевых условиях. Много больных, есть педикулез. Правда, с медикаментами очень плохо, нет даже аспирина, а чистое белье привозят уже со вшами.

У Дудаева не бандформирования, а профессиональная армия, которую возглавляют выдающиеся по своим боевым качествам командиры. Это армия жестокая и хладнокровная. Много наемников, в том числе и русских. Есть и бандиты, выпущенные из тюрем, им нечего терять. Армия Дудаева отлично вооружена.

Этот конфликт отчетливо показал, что нашей армии нужна реформа. Но я против того, чтобы Генеральный штаб выводить из подчинения министра обороны.

Надо немедленно изменить призывной возраст: в 18 лет солдаты еще дети.

Главная опасность - в "афганизации" конфликта. В Чечню надо послать генерал-губернатора, найти бы такого, как Ермолов. Этот человек не должен быть участником боевых действий, он должен быть из тех, кто против войны. У нас, к сожалению, летчика посылают на реформы сельского хозяйства, а бывшего председателя колхоза - руководить бомбардировкой города. Грачеву надо дат возможность довести военную операцию до конца, а потом уже разбираться, как попало оружие к Дудаеву. А вообще надо было там блокировать дороги, запустить "Альфу", чтобы она взяла Дудаева, и обойтись без войны. Ввод войск был авантюрой, ошибкой. С Дудаевым требовалось разобраться еще в 1991 году. А теперь всем нам придется участвовать в восстановлении хозяйства Чечни.

12. "ИГРАЛИ" МАЛЬЧИКИ В ВОЙНУ...

Нижегородский гарнизонный военный госпиталь. Здесь на лечении находятся 9 военнослужащих, пострадавших в Чечне. Полковник И. Курилов, начальник медицинского госпиталя, коротко рассказывает о состоянии здоровья каждого солдата.

Четверо из них служат в Шумиловском оперативном полку внутренних войск, остальные - армейцы. С осколочно-пулевыми ранениями - двое, десантники, у остальных - обморожения ног, флегмона, реактивный полиартрит, сотрясение мозга, воспаление легких. Состояние у всех сейчас удовлетворительное, в госпитале

им уделяют повышенное внимание.

Попросил разрешения поговорить с ранеными десантниками. Представить их в форме и с оружием в руках трудно - на вид совсем мальчишки, таких много в 8-9-ч классах. Даже еще не бреются, наверное. Только глаза уже как у много повидавших мужчин.

Игорь Н., рядовой, Псковская воздушно-десантная дивизия, призван 10 января 1994 года, воинская специальность - гранатометчик:

- Только из гранатомета я не разу не стрелял, некуда было, как пошли потери, мне автомат дали. Вылетели мы 30 ноября в Беслан, рота была укомплектована по штату, 53 человека. Половина солдат прослужили всего полгода. Командиры взводов только что из военных училищ. Первый бой у нас был 28 декабря, со спецназом Дудаева. Из роты потеряли двоих убитыми и человек пять-шесть ранеными, Новый год встречали у Грозного на горящей нефтебазе. Потом были на центральном рынке, там нас своя артиллерия накрыла, четверых ранило. С железнодорожного вокзала духи угнали 10 наших танков и сожгли много...

Ребята при разговоре ни разу не сказали "чеченцы", только "духи"...

- Как объясняли вам командиры политические цели операции?

- О политике с нами вообще не говорили. Сказали, что наша главная цель - выжить. На центральном рынке батальон наш окружили. Пехота должна была занять здание вокруг рынка, но солдаты водки напоролись и бросили нас. У нас тогда снайперы убили из взвода троих. Командир взвода был ранен в ноги, а другому сильно обожгло глаза. Бомбили нас и обстреливали из орудий постоянно, часто, наверное, и свои.

- Как вас там кормили, Игорь?

- А там же полно магазинов и ларьков, все брошено, - и осекся: - Сухпай давали на 2-3 суток, горячее - иногда.

- Где вы спали?

- В подвале, в спальных мешках.

- Почему так много обмороженных?

- Ноги все время сырые в сапогах, сушить негде.

- А запасных портянок разве не было?

- Не было, не выдавали.

- При каких обстоятельствах ты был ранен?

- Седьмого января мы танк охраняли, и снаряд попал в башню, наши по нам стреляли, не было слаженности. Четверых ранило, меня осколком в ногу. В медсанбат сходил, там перевязали, потом нога стала отекать, и командир отправил в

медсанбат. Ехали на броне, и БМД (боевая машина десанта. - В.К.) перевернулась в овраге. Один парень сразу умер, а мне еще палец на ноге сломало.

Олег С., Тульская воздушно-десантная дивизия, старший стрелок, до отправки в Чечню прослужил 5 месяцев:

- Из Тулы в Рязань прибыли своим ходом, оттуда на "Руслане" - в Моздок, там мы были 30 ноября. Несколько дней готовились - стреляли, бросали гранаты, тактикой занимались в поле. Сказали, что мы будем только блокировать город. В роте было 6 БМД и человек 50-55. Когда пошли колонной, попали под обстрел "Градов", в полку у нас тогда погибли 6 человек и 13 ранены, 2 БМД разбило. Встали 18 декабря под Долинской, окапались. Там нас опять "Градом" накрыло, и пулеметчики сильно обстреливали. В нашей роте было трое убитых и пятеро раненых, а в восьмой из 44 человек осталось 11, их духи в одном доме гранатами закидали.

- Олег, как ты оцениваешь боевую подготовку дудаевцев?

- Они не боятся открытого боя, и все старше нас. Мне еще повезло, что я служил в разведроте, хорошо был подготовлен, а другие у нас были сильно истощены и изнурены, их даже на операции не брали. Это, когда мы дома от духов очищали, квартиру за квартирой. Ночь их выбиваем, а днем обороняемся.

- А местных жителей там много было?

- Много, и все русские, кто не смог раньше уйти. Из-за этого и пострадали многие. Когда берешь дом, даешь очередь в комнату, а потом смотришь - бабушка с дедушкой мертвые лежат...

- Можешь ли ты точно сказать, что убил кого-нибудь из дудаевцев?

- Пятерых. Я из "ночника" (прибор ночного видения. - В.К.) стрелял на поражение.

- А как ты был ранен?

- Мы были в боевом охранении у моста, ночью идет кто-то в белом маскхалате, я дал очередь, он упал, а других не заметил, мне и попали в руку.

- Вы все время были в бронежилетах?

- Никакого толка от них нет. Я свой повесил на дерево испытать - из моего автомата, АКС, только вмятина, а у духов АК-47 - насквозь пробивает, вместе с телом.

- После всего пережитого, какие чувства у вас к чеченцам? Ненависть?

- Конечно, - оба в один голос.

- А согласились бы снова туда?

- Не знаем...

Эти мальчишки, похоже, в войну наигрались досыта.

13. ДВАЖДЫ ПЛЕНЕННЫЙ

События на Северном Кавказе дают такие сюжеты, что романистам, пожалуй, ничего не надо будет придумывать: записывай рассказы, например, российских солдат, участвовавших в чеченской войне, вот вам и роман с кипением человеческих страстей. Мой сегодняшний собеседник - солдат, которого угораздило дважды попасть в плен к чеченцам. Он рассказал о своих приключениях с единственной просьбой: не называть фамилию.

Счастье - это спецназ

- В армию был призван весной 1994-го, служить пошел охотно, гордился, что попал в элитную часть. В августе того же года часть перебросили в Дагестан. Занимались в поле боевой подготовкой, немножко стреляли, охраняли КПП и мосты. Втягивались в армейскую жизнь, служба шла хорошо.

О Шамиле и Ермолове только слышали

- Что происходит в Чечне, не знали, представления не имели. Один раз командир роты пытался что-то объяснить, но было непонятно. Чувствовали, что обстановка нагнетается. Все было непонятно, какой-то хаос, неразбериха. Окопы роем - женщины из соседних сел приходят, не дают копать.

Война кончилась 50 лет назад, и вдруг стреляют

- Можно было уйти, если бы действовали тактически грамотно. Когда нашу колонну окружила толпа, тысячи две чеченцев, командиры растерялись, в этой обстановке у нас стали отбирать оружие. Побили немного, не без этого. Думали - на клочки разорвут. Это сейчас понимаешь, что надо было закрыться в бронетранспортерах и уехать. Но мы и так троих тогда задавили из толпы. Захватили нас больше пятидесяти человек. Развели по домам, по 2-3 человека, и стали объяснять, что происходит в России. Запомнил слова одного чеченского командира: "Вас сюда Борька послал, а сам с гайморитом в больницу лег". Посадили смотреть телевизор. Диктор "Вестей" говорит, что информация о захвате большой группы пленных не подтвердилась, это провокация дудаевцев. Но мы же в плену! Чеченцы вокруг нас были от 14 лет и до бородатых. Почти все вооружены: от израильских автоматов "Узи" до самопалов.

Жилин тоже мечтал о побеге

- В принципе, можно было бежать, охраны не было. Но в какой стороне свои? Сначала мы не знали даже приблизительно, где находимся, в Дагестане или в Чечне. Не обижали, кормили, работать не заставляли. Они не знали, что с нами делать. Чем занимались? Смотрели телевизор, разговаривали, спали. Женщины смотрели на нас с жалостью, хотя знали, что мы к ним

пришли не для того, чтобы защищать их. Через некоторое время с помощью посредников из правительства Дагестана больше половины, захваченных в плен российских солдат чеченцы вернули. На каких условиях - никто из нас не знал.

Стали дальше выполнять священный долг

- Свои встретили нормально, никто из офицеров не ругался, что мы вернулись без оружия. А отобрали у нас тогда чеченцы много: 4 бронетранспортера, в каждом из них было около десятка "мух", 2 гранатомета, много боеприпасов к ним. Люди из ФСБ Дагестана записали наши показания, и все. Потом в части нам выдали новые стволы.

Между тем приближался новый 1995 год...

- Встречали мы его в засаде у дороги, по которой, как нам сказали, должен будет бежать Дудаев. Сказали, что наша морская пехота взяла Грозный, а мы должны ловить тех, кто оттуда побежит. Приказ - решетить все машины, которые не останавливаются.

Постепенно настроение стало меняться

- В пример нам приводили вертолетчиков, которые без приказа подняли свои машины и расстреляли ракетами какое-то село, откуда их обстреляли. Вспомнил семью "бандита", у которого меня держали: своих 10 человек детей, да еще 30 беженцев. Вспомнил 15-летнего пацана, у которого наши убили родителей. Бросалось в глаза: это не та война, в которой стоило бы отдать свою жизнь. Погибнуть за дело, которое никому не нужно? Все больше стал думать, что нашими руками здесь разжигают войну. Так надоело быть пешкой в чьей-то игре... Мы сидели в круговой обороне и обороняли сами себя. А грязь в лагере была такая, что даже утренние построения отменили. Ни "подъема", ни "отбоя", свободен - спи, если найдешь место. Большинство из нас так ничего и не понимали, зачем мы здесь? Помню, как один солдат спросил офицера: "А мы за Дудаева или за оппозицию?" Это уже дома я узнал, что чеченцы грабили поезда на железной дороге, русских изгоняли, фальшивые деньги делали, нефть сосали из проходящих нефтепроводов.

Однажды утром он решился

- Оставил ствол и боеприпасы в роте и ушел из лагеря. Направление держал на Кизляр, к железной дороге. Прошел километров десять, кругами, два раза возвращался на одно и то же место. О том, что поймают свои или чеченцы, тогда не думал. Вечером вышел на трассу. Навстречу автомашина, ВАЗ-2106, с чеченцами. "Куда?" - "Домой". - "Садись, довезем". - "Смотря куда". Из окна автомашины показался ствол. Привезли меня в какой-то штаб. Там меня узнал один из чеченских командиров: "А ты разве

не дома?" - "Почему я должен быть дома?" - "Мы вас же тогда отпустили под честное слово вашего генерала, что всех вас, кто попал в плен, отправят в Россию".

О честном слове генерала он не знал

- Начали возить меня по селам, как экспонат. Лопочут что-то по-своему. Иногда говорили по-русски: "Завтра тебе хана, расстреляем". - "Ну, хана, так хана". Попал к другим - предлагают воевать против русских: " Мы тебе такое оружие дадим, какое ты еще не видел". - "Нет, ребята, если я не стал в вас стрелять, то в своих не буду и тем более". Потом сказали: "Завтра к мулле поедем, в мусульманство тебя будем принимать". Люди вокруг меня менялись постоянно. В одном из штабов снова встретил чеченца, который нас из первого плена отпускал. "Теперь, - говорит, - я тебя командирам не отдам, только матери".

Через неделю приехала мама

- В части по отношению меня было возбуждено уголовное дело. Светил дисбат. Потом пришла бумага, что в связи с 50-летием Победы мне положена амнистия. Но преступником я себя не считал, поэтому, зачем мне амнистия? Поехал в полк, там мне сказали, что здесь я не нужен, езжай в округ. Там сказали - езжай в полк. Потом встретился с генералом, он предложил мне поговорить по-мужски. Стал мне говорить, какие они хорошие и какой я плохой.

Мужского разговора с генералом не получилось

- "Не знаю, - говорит, - что делать с тобой. - Форма у тебя где?" "Чеченцы переодели". - "Ищи форму". Бесполезно было ему объяснять, почему я ушел из полка. Для генерала я был робот, недоумок. Удивился, почему он меня не арестовал. Решил съездить в Москву, в главную военную прокуратуру. Там сняли показания и отправили на сборный пункт, в Лефортовские казармы. И там, что со мной делать не знают. "А давай, - говорят, - мы тебя в психбольницу положим?"

Месяц отлежал в госпитале

- Это называется реабилитацией. Лекарств никаких не давали, просто отдыхал. Дали справку, что из-за депрессии нарушено психическое состояние, чтобы по ней уголовное дело можно было закрыть.

Со справкой в прокуратуре не ждали

- Военный прокурор написал командиру части, чтобы меня уволили в трехдневный срок, а уголовное дело в отношении меня прекращено. В военном билете на записи, что я находился в Чечне в боевых условиях, наискось написали, что она сделана ошибочно, а на другом листке написали, что я самовольно оставил воинскую часть в Чечне во время боевых действий и что в

отношении меня возбуждено уголовное дело. Отметок о плене не поставили. В общем - сами запутались в этих записях.

О том, что, было, не жалеет

- Есть чувство неловкости перед товарищами, понимаю их осуждение. Но я понимаю что-то такое, чего не понимают они. Если бы остался, кто знает, что было бы дальше. Пришлось бы стрелять в людей, не видя в них врагов. Знаю парней, которые вернулись оттуда с чувством ненависти. Но кто заставил их ненавидеть чеченцев, а чеченцев ненавидеть нас? От многих слышал, что это бандитское племя, и они понимают только язык выстрелов. Меня же удивило, что чеченцы очень образованные люди, с высоким интеллектом. Понравились их традиции: уважение к отцу, матери, старшим. Многие чеченцы и не хотели выходить из России, это сейчас они говорят, что лучше погибнем, чем будем жить под Россией. Можно было найти компромисс в самом начале конфликта, если бы не амбиции. Обидно, что наш полк должен был быть гарантом безопасности, а стал одним из винтиков машины, которая провоцирует конфликт. Хотелось, когда уходил, совершить поступок, показать, что я против всего этого. Не думал, что совершаю воинское преступление, хотелось почувствовать себя человеком. Обидно было, что с тобой поступают, как с бараном, ничего не объясняя и не спрашивая, и тем более заставляют исполнять приказы, спекулируя на чувстве воинского долга. По сути, нашими руками и кровью правительство исправляет наши ошибки.

А жизнь висела на волоске

- Тогда об этом не думал. Это сейчас понимаешь, что первый же чеченец мог бы пристрелить, потому что я был в форме. Зато много узнал, когда попал между молотом и наковальней. Если бы тогда ушла рота или весь полк - было бы лучше: правительство бы задумалось. А офицеров я понимаю, что не протестуют, выполняя чисто полицейские функции и стреляя в народ. Им даже застрелиться нельзя: дома дети, жена без работы и квартиры нет. Кто в случае чего позаботится? Вот и пришлось выполнять приказы, от которых иной раз вреда больше, чем пользы.

14. ПРАЗДНИК С ЧЕЧЕНСКИМ ПРИВКУСОМ

В расположении одной из танковых частей побывали губернатор области Б. Немцов, начальник Нижегородского гарнизона И. Ефремов и заместитель губернатора по делам военнослужащих генерал Л. Павлов. В солдатской чайной они встретились с военнослужащими, вернувшимися из зоны конфликта в Чечне.

Их около 40 человек, вчерашних мальчишек, за несколько недель ставших в Чечне настоящими мужчинами, побывавшими в

адском огне, узнавшими, что такое смерть друга. Все они здесь после ранений или контузий, как говорится, понюхавшие пороху.

Праздник, но получается он с чеченским привкусом. Губернатор сердечно поздравил солдат, пожелал всем побыстрее поправиться, пообещал, что его следующая поездка в Чечню будет обязательно в расположении частей 22-й армии. Сейчас там из ее состава находятся более 400 солдат, офицеров и прапорщиков, много и контрактников, все добровольцы. К сожалению, не обошлось без потерь в этой необъявленной войне. Из состава танковой дивизии 22-й армии погибли четыре человека, а всего же из призывников Нижегородской области, как сказал Б. Немцов, 19 человек, и эта цифра постоянно увеличивается.

Какой же праздник без подарков, хотя и был он не очень веселым. АО "Нител" подарило каждому солдату по очень красивой куртке, а акционерный банк "Нижегородский кредит" вручил всем им по сберегательной книжке.

Потом был чай со сладостями. Присаживаюсь к одному столику, знакомлюсь с ребятами.

- Евгений Ляхов, старший механик, из Курска.

- Оджес Юрий, старший механик, из Иркутска.

- Котов Алексей, пулеметчик, из Ижевска.

- Вечтомов Алексей, старший стрелок, тоже из Ижевска.

Все они в Чечню попали из разных частей, со всей страны один даже из Берлинской бригады, переведенной в Россию из Германии прошлым летом. А в Грозном встретились, вместе воевали. Теряли товарищей, получали ранения.

- У нас во взводе из 25 человек пятеро осталось, остальные убиты и ранены...

- Я был ранен в бэтээре, когда туда попала граната. Все там сгорело, даже не успел из своего пулемета пострелять...

- А меня ранило, когда в люк БМП залез вниз головой, пуля попала в стопу...

- Офицеров много погибло, и таких хороших... - вздохнул один из них.

Приходилось этим ребятам быть и под огнем "белых колготок", хотя в одной из газет и опровергалось их участие в боях за Грозный.

- Одну такую мы сами поймали, оказалась москвичка, на ее снайперской винтовке было восемнадцать зарубок...

- У них на нас даже свои расценки были: пехотинца убить - дешевле, десантника - дороже...

Долго еще будут вспоминать эти ребята свою службу и свою войну, где все было по- настоящему. Но хотелось бы, чтобы запомнили они и этот день, 23 февраля, Нижний Новгород.

Вышли все на улицу, сфотографироваться на память с губернатором и командующим армией. Как раз в расположение части пришли учащиеся из школ Сормовского района познакомиться с жизнью российской армии. По возрасту их разделяют какие-то год-два, но одни еще дети, другие уже совсем мужчины...

- А война в Чечне еще только начинается, - задумчиво произнес генерал И.Ефремов.

15. ЧЕЧЕНСКИЙ УЗЕЛ, ЗАВЯЗАННЫЙ ПОЛИТИКАМИ, РУБИТ АРМИЯ

Моздок

Заснеженные поля России как-то незаметно сменились кубанским черноземом. В иллюминатор ИЛ-62 хорошо видны поднимающие столбы пыли трактора на пахоте. Как будто танковая рота идет в атаку. Война отсюда совсем близко. Там сейчас наши земляки. Огромный ИЛ-62 забит ящиками с подарками. На просьбу губернатора области Б. Немцова помочь нашим солдатам в Чечне откликнулись многие предприятия и банки. В общей сложности 20 тонн грузов на 155 млн. рублей. Торговый дом "Мещера" приготовил каждому солдату-нижегородцу, а их в Чечне 150 человек, подарок в своих фирменных пакетах: тельняшка, шапочка, шоколад, сигареты, письменные принадлежности. Несколько коробок с книгами. Солдатам, прошедшим ад Грозного, предлагают прочесть "Флибустьеров" и "Ночь в Лиссабоне". Самолет тяжело садится на бетонную полосу. Здесь весна в разгаре. То и дело садятся и взлетают самолеты. Моздок - это последний перевалочный пункт для грузов идущих на Грозный.

- Больше десяти рейсов уже сделал, - говорит командир ИЛ-62, - особенно много было десантников перед Новым годом, по 126 в каждом рейсе.

Ящики с подарками перегружают в вертолет МИ-26 . Вернулся ездивший в штаб генерала А. Куликова Б. Немцов:

- Больше стало порядка, как начальников поубавилось.

Пересаживаемся в вертолеты. Летчик, закрывая дверь, привычно инструктирует:

- Попрошу не курить, пить мелкими глотками и не совращать экипаж. Летим низко. В степи только начинает пробиваться зелень. Кое-где попадаются отары овец, разбегающихся от винтов вертолета. Чем ближе к Грозному, тем чаще следы войны - поля, словно исхлестанные гусеницами и колесами, разбросанные на земле зарядные ящики, блестят заборы из гильз на позициях самоходных установок.

На Сунже все спокойно

Аэропорт Грозный-Северный. Здание цело, но ни одного стекла. Выходим из вертолетов и сразу же попадаем в окружение солдат с автоматами наизготовку: конвой из разведроты. Запыленные лица, из карманов камуфляжей торчат гранаты и запасные магазины, на шеях жетоны с личным номером и крестики. На площади у здания аэропорта - колонна бронетранспортеров, на одном из них надпись: "Н. Новгород".

Все окружили коменданта Грозного генерала И. Рыбакова:

- Ежедневно в город возвращаются 3-4 тысячи человек, сейчас жителей примерно 130 тысяч. Работают 6 хлебозаводов, газ есть, вода будет, через неделю все нормализуется...

Пересаживаемся в бронетранспортеры. До расположения 166-й гвардейской отдельной мотострелковой бригады примерно полчаса по улицам Грозного, а потом поворачиваем на юг, в район Чечен-аула. Стою в люке рядом с водителем, чтобы увидеть все своими глазами. Далеко справа полнеба закрыто черным дымом.

- Нефтепромыслы горят, - комментирует сидящий рядом на броне офицер.

Слева на горизонте сполохи от залпов ракетных систем.

- Это Аргун обрабатывают, - слышу за спиной. Повсюду многоэтажные дома с сожженными окнами , испещренные пулями и осколками, по обочинам разбитые и сгоревшие автомашины и автобусы. Три изрешеченных трамвая. Целая улица полуразбитых частных домов без крыш, у некоторых девятиэтажек снарядами выбиты угловые комнаты, так что над ними еще висят три-четыре этажа. На полностью разрушенной улице - целехонький киоск с надписью "пиво". Вдоль улицы перебитые снарядами бетонные световые опоры - это какая же была плотность огня! Попадаются дома, в которые были всажены, наверное, сотни снарядов, местами снесены целые этажи. Парк вдоль Сунжи - от сотен деревьев одни расщепленные пни. Вот и знаменитая площадь минутка. Да-а... Это что-то среднее между Сталинградом и Хиросимой.

Прохожих на всем пути через город я насчитал не более десятка. Две женщины тащат на тележке телевизор, у одного из уцелевших частных домов собрались посудачить соседки. На перекрестке стоит бородач, смотрит исподлобья. Маленькая девочка то ли машет, то ли грозит вслед ручонкой. Кое-где на воротах уцелевших особняков надпись мелом: "Здесь живут".

- Отсюда бригада вводилась в бой, - показывает сопровождающий офицер на развалины домов и строений.

Сгущаются сумерки. Кое-где на улицах горит вырывающийся из трубы газ. У одного из блокпостов со спецназовцами

пропускаем колонну "бэтров". На броне - узкоглазые солдаты с автоматами, первая мысль: "Господи, неужели китайские добровольцы?"

- Дивизия из Бурятии, - комментирует сопровождающий офицер.

Президентский дворец, за который шли особенно тяжелые бои, весь в надписях, как рейхстаг: Ростов, Ярославль, Вологда, Челябинск - похоже, брали со всей России... Плитка на площади перед дворцом превратилась в щебенку. Остановились снять окрестности на видеокамеру, подошла группа увешанных автоматами и гранатами людей в разномастной форме, давно не бритых. Оказались, однако, не дудаевцами, а спецназовцами из Владивостока.

На окраине города картинка грозненской весны: солдат, обнимая рыжеволосую женщину, учит ее стрелять из автомата. Пули летят куда-то в белый свет.

ДАН ПРИКАЗ - ЕМУ НА ГРОЗНЫЙ...

Штаб 166-й гвардейской отдельной мотострелковой бригады. На стене карты. Красные и синие линии и кружки. Генерал-майор В. Булгаков, командир бригады, докладывает обстановку командующему 22-й армией генерал-лейтенанту И. Ефремову и члену военного совета губернатору Нижегородской области Б. Немцову.

Бригада была переброшена из Твери 12 эшелонами на станцию Терская, в конце января закончила сосредоточение в районе Моздока. Две недели шла дополнительная боевая подготовка. Потом бригада поступила в распоряжение командующего оперативной группой "Север" генерала Л. Рохлина, совершила 120-километровый марш в район Толстого-Юрта. В бой была введена 2 февраля, в Грозном студгородок взяла без боя, но на следующие сутки в районе обувной фабрике отбивала атаки боевиков Дудаева, которые применяли бронетехнику и минометы. Бой шел пять часов, дело доходило до применения ручных гранат. В последующие дни бригада действовала совместно с десантниками и морской пехотой в направлении трамвайного депо, кожевенного завода, на площади Минутка и в районе железнодорожного моста через Сунжу.

В первых числах февраля бригада рывком продвинулась в обход города в район Гикаловское, преодолевая сопротивление бандформирований, потом в юго-западном направлении, через каналы, насыпи, дамбы, с боями, но в основном обходами, мощными атаками с сильной артподготовкой. Сейчас бригада по фронту занимает 32 километра.

Двадцатого февраля бойцы 166-й получили приказ захватить

господствующие высоты в районе южнее Грозного. Операция была проведена ночью, четырьмя штурмовыми группами. Бой вели 4 часа, в тумане, высоты взяли и удержали при поддержке артиллерии. Противник начал отход в район Чернореченского леса, где был блокирован.

Последние несколько дней бригада активных действий не ведет, огневой бой - эпизодически.

Во время доклада командира бригады очень хорошо были слышны залпы реактивных систем из ближнего тыла. Каждые 20 минут. Где-то неподалеку то и дело стреляют самоходные установки "акация", изредка - пулеметы. Всю ночь внук бабушки "Катюши", "Град", метал свои огненные стрелы, "уговаривая" боевиков Дудаева принять ультиматум и сложить оружие.

ПОЗЫВНОЙ ДУДАЕВА - "ЯЛТА"

По данным штаба бригады генерала М. Булгакова, на 22 марта ее подразделения с начала военных действий уничтожили 142 боевика, 29 автомашин, 1 танк, 1 БМП, 1 бронеколпак, подавили огонь22 минометов, уничтожили 63 огневые точки, обезвредили 71 мину, взяли 15 пленных.

Против бригады, по данным разведки, действуют полк спецназа "Борз" ("Волки"), две казахские группы (засечен их радиопозывной - "Али-мум") общей численностью 1200-1500 человек. Могут поддержать их и 5 тысяч боевиков с направления Шали. Воюют на этом участке наемники, группа украинских националистов и даже какой-то донской казак. Две недели назад один наш солдат был убит женщиной-биатлонисткой. Обезвредили женщину-снайпера, чеченку, которая прикрывалась детьми.

- Насколько подтверждается, что против российских войск боевые действия ведут простые чеченцы, мирные люди, вынужденные взять в руки оружие?

- Из пятнадцати взятых нами пленных, - рассказал генерал В. Булгаков, все были обыкновенными бандитами: в наколках, со шприцами, наркотиками. Один попался - отсидел 17 лет. Автомат его кормил и поил. Простых чеченцев эти бандиты силой заставляют брать в руки оружие под угрозой уничтожения их семей.

Много случаев, характеризующих подлость и звериную жестокость дудаевцев, например:

- В первом бою мы потеряли семь человек. Потом нашли их - глаза выколоты, тела изуродованы, все добиты выстрелами в голову. Матери приехали на опознание... Извините, дальше не могу...

Была попытка затопить позиции бригады путем взрывов

дамбы, потом сжечь бензином из 4-тонных бензозаправщиков.

Командующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник А. Куликов, с которым мы встретились в Моздоке перед отлетом, рассказал:

- Вот сегодня утром, например, мне, доложили, что боевики расстреляли в спину двоих стариков, которые в Аргуне шли с белым флагом к нашим позициям. В Самашках бандиты уже три раза взрывали трижды отремонтированный мост, из-за чего невозможно доставлять по железной дороге для мирного, чеченского же, населения. У Дудаева сейчас осталось 500-800 головорезов, которым нечего терять, они готовы воевать до последнего. Бандиты выгоняют людей из сел, убивают своих же чеченцев и сваливают это на наших солдат

Все офицеры, с кем удалось поговорить в эти дни, отмечают, что в первое время боевики действовали организованно, умело, но после взятия Грозного моральный дух бандформирований резко пошел на убыль.

- Трусоваты стали, выскочат на "уазике" с минометом, сделают несколько выстрелов или из автоматов - та-та - и смылись, - рассказывает начальник штаба 245-го мотострелкового полка подполковник С. Чипусов, - напрямую в бой не идут, поэтому засечь их трудно. Но вот здесь, - офицер показал в сторону подбитых танка и БМП, - у них был очень грамотно оборудованный взводный опорный пункт на 40-50 человек.

В бинокль за окопавшимися в поле танками хорошо виден Алхан-Юрт, где-то здесь и проходил передний край.

- Ночью ранили четверых наших, - рассказал С. Чипусов, - обстреляли из минометов.

Наша радио разведка знает и позывной Дудаева - "Ялта", не так уж трудно определить и его местонахождение, но...

- Если нанести удар артиллерией или авиацией, значит, погибнут и мирные люди, - сказал генерал-полковник А. Куликов, - а в планы поимки Дудаева я не посвящен.

В 245-м мотострелковом полку, куда мы проехали из бригады генерала В. Булгакова, уже в конце встречи Б.Немцов спросил офицеров полка: "Какие еще проблемы остались?" "Не знаете ли, когда Дудаева поймают?" - ответили ему вопросом на вопрос. - "Ну вот, а я вас хотел спросить. Вы должны искать". "Что ж, будем мы его искать. Не найдем - назначим", - пошутили.

Вместе с тем бандформированиям все сложнее удается держать между собой связь, уже и полковник Масхадов, начальник штаба Дудаева, предлагает связаться с ним по позывному "Интернационалист", чтобы начать переговоры, но...

МЫ МНОГОМУ НАУЧИЛИСЬ

Почему так затянулись боевые действия в Чечне? В чем причины больших потерь нашей армии? Эти вопросы мы задавали многим офицерам.

- Анализ первых боев был очень жесткий, - сказал генерал В. Булгаков, уроки из них извлекли все. Не ожидали мы встретить такое сопротивление дудаевцев. Сначала надо признать было и боязно, но после первого боя мы поняли, что можем решать любые задачи. После того как увидели трупы мирных людей, своих погибших товарищей, у солдат появилось ожесточение, боевая злость, больше стало смекалки и хитрости. Солдаты научились многому, никого не надо заставлять окапываться.

Если в первых боях не было еще должного взаимодействия между частями и родами войск, то потом управление войсками значительно улучшилось. Но многие офицеры с недоумением говорили, что не надо было после взятия Грозного давать дудаевцам передышки, соглашаться и тем более предлагать переговоры это дало им возможность перегруппироваться, подготовиться к новым боям. После Грозного все пришлось начинать практически с нуля. Всю операцию надо было и можно было провести значительно быстрее и организованнее.

Еще в первых разговорах в госпитале с ранеными десантниками пришлось убедиться, что солдаты не знают цели военной операции, не понимают, зачем вообще пришли они в Чечню. Что изменилось в настроении солдат и офицеров за это время?

- Земля эта наша, - говорят солдаты, - мы защищаем Россию, будем стоять здесь столько, сколько нужно.

Я пытался сбить их вопросом, что, наверное, сначала это все же Чечня, а потом уже Россия и надо уважать национальные чувства чеченцев. Нет, все считают, что это сначала Россия, а потом уже - Чечня. Многие, оказывается, хорошо знают, что Грозный был основан казаками, что в предгорьях издавна были казачьи станицы. Мало кто верит, что у дудаевцев преобладают сегодня национальные чувства, потому что они действуют, как бандиты.

Генералу В. Булгакову Б. Немцов задал прямой вопрос: как он относится к самому приказу Б. Ельцина о вводе войск в Чечню? Генерал ответил, как нам показалось, совершенно искренне:

- А нам и некогда было политически оценивать этот приказ. Просто не задумывались. Надо было решать задачи подготовки к операции.

- Скажите, вам хочется воевать? - спросили генерала.

- Конечно, нет, - ответил В. Булгаков, - Я два года воевал в Афганистане, хорошо знаю, что война - это грязная работа, что

потеряю здесь своих товарищей.

ОТЦЫ-КОМАНДИРЫ

За эти два дня, которые мы провели под Грозным, было много встреч и разговоров с офицерами. Внимательно слушал, как они говорят, что они говорят, как держат себя друг с другом и солдатами. В бригаде генерала В. Булгакова невольно поймал себя на мысли, что где-то все это видел, в каком-то кино. В "Живых и мертвых", в дивизии Серпилина, когда туда приехал политрук Синцов! Такая же уверенность в победе, порядок, организованность, даже в мелочах. Порой казалось, что находимся мы не под Грозным, а под Могилевом. Такая же ночь, взлетают ракеты, грохочет артиллерия, впереди подбитые танки врага.

Понравилось, как четко и уверенно доложил генерал В. Булгаков обстановку командующему армией, как он говорил о своих солдатах. Словом, настоящий профессионал, такому командиру любая мать может смело доверить своего сына.

Полковник С. Морозов, командир 245-го мотострелкового полка, его начальник штаба подполковник С. Чипусов - оба тоже с опытом войны в Афганистане, боевые офицеры. Представляю, как, должно быть, любят солдаты гвардии майора И. Касьянова, начальника разведки бригады - окончил Суворовское училище, в Афганистане командовал разведвзводом, разведывательно-десантной ротой в Герате, награжден орденом. Здесь под Грозным, за организацию боя по взятию важной высоты он и командир разведроты гвардии капитан И. Баталов представлены к званию Героя России. Эту операцию они провели без потерь и, как говорят, классически.

Запомнился командир ремонтно-восстановительного батальона подполковник Л. Крупский - очень похож на капитана Тушина из "Войны и мира". Настоящий труженик войны. Когда он привел цифры, сколько техники отремонтировал его батальон, начиная с января, не хотелось верить, что это возможно: 236 единиц бронетанковой, 487 автомобильной, 119 единиц ракетно-артиллерийского вооружения, да сколько ее эвакуировали с поля боя! В строю стояли его солдаты - обыкновенные парни, в большинстве своем - механизаторы, ремонтники, водители, запыленные, чумазые, в промасленных комбинезонах.

- Золото у нас солдаты, - часто приходилось слышать от офицеров.

- Берегите людей, поменьше бравады, больше бдительности, - то и дело можно было слышать от командующего 22-й армией генерал-лейтенанта И. Ефремова.

О человеческих качествах Ивана Ивановича можно судить

всего лишь по одному эпизоду: к нему подошел пожилой прапорщик, рассказал, что семья, пятеро детей, в Ашхабаде, надо бы вывезти их оттуда, помогите решить этот вопрос.

- Полетите сегодня же вместе с нами, собирайтесь, - сказал генерал.

У прапорщика от неожиданности, что его просьба так быстро решена, мгновенно брызнули слезы из глаз.

Офицеры выполняют свой долг, делают все, чтобы было меньше потерь, чтобы у солдат было все необходимое, но сами и их жены, как оказалось, до сих пор не имеют российского гражданства, потому что в Россию прибыли из Германии.

Губернатор области Б. Немцов был просто потрясен:

-Как? Служите в российской армии, воюете за Россию, а вы и ваши жены формально еще не граждане России?

ЕСЛИ РАНЫ - НЕБОЛЬШОЙ

Утром командир мотострелковой бригады генерал В. Булгаков сообщил, что ночью боевики обстреляли позиции седьмой роты, ранены трое солдат.

Едем в медсанроту. Здесь в палатках на лечении солдаты с легкими ранениями. Семеро из них за период боев уже вернулись в свои подразделения. Губернатор и командующий армией поговорили с каждым, вручили им подарки, побеседовали с врачами и медсестрами. Условия для раненых созданы нормальные, медикаментов достаточно. Встретили здесь и земляка - Леонида Ерохина с улицы Есенина. Поправляется, скоро к своим друзьям.

- Через наш операционно-перевязочный взвод за все это время прошло 270 человек, - рассказывают врачи, - ранения огнестрельные и осколочные, в конечности, есть в голову.

Начальник медслужбы 2-го батальона бригады лейтенант О. Паховчук рассказал, что в первом бою, самом тяжелом, в батальоне было 30 раненых. Эвакуированы все были в течение двух часов, до ближайшего госпиталя довезли меньше чем за полчаса.

Из Моздока мы вылетели вместе с бригадой врачей из ГИТО, которые работали в госпитале МЧС в Грозном. Семь врачей во главе с А. Алейниковым пробыли здесь два месяца. Везут с собой сувенир: солдатскую каску, изрешеченную пулями и осколками. Дуршлаг, а не каска.

- В сутки обрабатывали до 120 человек, - рассказала анестезиолог Н. Гамова, - в основном мирных жителей. Немало было летальных исходов, потому что многие ранения несовместимы с жизнью. Я работала в Уфе, Арзамасе, Спитаке, но здесь все было гораздо страшнее.

ЖИЛИН И КОСТЫЛИН

Одной из главных целей поездки в Чечню было узнать, как идет работа по освобождению наших солдат, попавших в плен к дудаевцам. Из частей 22-й армии таких там 10 человек.

- Делаем все возможное, - сказал командующий внутренними войсками МВД России генерал-полковник А. Куликов, - чтобы быстрее их вернуть. По нашим данным, у боевиков сейчас в заложниках 50-60 наших солдат и офицеров, из них одна треть у Дудаева, остальные спрятаны по аулам. Знаем, что они живы, получали записки. Принимаем все меры, вышли на чеченских авторитетов, чтобы выкупить наших солдат, не пожалеем никаких денег на это.

В расположении 245-го полка нам показывали колодец с решеткой, где, наверное, когда-то сидели еще Жилин с Костылиным больше 150 лет назад. История повторяется. Где-то в горных аулах томятся сейчас в таких же колодцах наши ребята...

Я ТАК ДАВНО НЕ ВИДЕЛ МАМУ

Только раздалась команда "Становись!" в расположении мотострелковой бригады, как из тыла с грохотом полетели снаряды от "Града". Несколько раз Б. Немцову в своем выступлении перед солдатами-нижегородцами, построенными для передачи подарков от земляков, приходилось делать паузы - ничего не слышно из-за выстрелов.

Отличившимся за это время в боях и службе губернатор вручил часы, радиоприемники, конверты с деньгами, пять гитар, на бригаду и полк - десятки ящиков со сладостями и всем, что необходимо солдату.

Когда торжественная часть закончилась, подошел к строю:

- У кого дома есть телефоны, чтобы можно было позвонить родителям?

Оказалось, много сормовичей, автозаводцев, записываю телефоны в Кстово, Дзержинск, Балахну, Городец.

- Маме позвоните, пожалуйста, Лидии Ивановне, - говорит Алексей Кокурин, - что жив, здоров, скоро домой.

- И моей, запишите: Лариса Александрова, в Балахну, от Шемина Алексея...

- А на Украину можно привет передать?

- А в Казахстан?

- Всему Брянску привет!

-Скажите маме, что у меня все нормально...

Честно говоря, трудно было сдержать слезы, глядя на этих совсем еще мальчишек в солдатской форме. Многие еще даже не бреются, хотя с оружием в руках каждый день рискуют жизнью... Господи да когда же это кончится!

- Заканчивать надо эту войну к чертовой матери! - прямо и от души сказал Б. Немцов.

Да, прокатить бы по улицам Грозного и провести вдоль солдатского строя всех, кто завязал этот чеченский узел, заставить бы их звонить матерям по телефонам, что их дети вчера были живы, а что завтра будет - не знаем...

Интервью с генерал-полковником А. Куликовым заканчивалось, когда в кабинет вошел полковник:

- Аргун взят, товарищ командующий!

Еще немного, еще чуть-чуть - хотелось бы верить в это. Остались Гудермес и Шали.

16. КОМАНДИРОВКА ГЕНЕРАЛА КЛАДНИЦКОГО

Из Чечни вернулся начальник регионального управления по борьбе с организованной преступностью генерал-майор И. Кладницкий, который командовал там сводным специальным отрядом быстрого реагирования МВД России из 415 человек.

- Иван Иванович, в каких районах Чечни действовал ваш отряд и какие задачи выполнял?

- В Грозном, Аргуне, Гудермесе, населенных пунктах на юго-востоке республики. Кроме чисто оперативных, мы выполняли задачи по добыче информации о дислокации бандформирований, их вооружении.

- Можно ли узнать об основных итогах работы вашего отряда?

- В ходе огневых контактов взяли в плен 157 боевиков, из них 32 передали для обмена на наших военнопленных. Изъято свыше 150 автоматов, захвачено 5 единиц бронетехники и артсистем, 2 тысячи снарядов, 1,5 тысячи гранат, более 800 мин и огромное количество патронов.

- Многих удивляет: откуда у дудаевцев столько оружия?

- К войне они готовились заранее. Импортного оружия нам не попадалось. Перехватили 2 грузовика со снарядами, следовавших из Дагестана. Как они попали туда сказать трудно. Границы с Азербайджаном и Грузией фактически открыты, в тех условиях - горы - обеспечить надежно их охрану очень сложно.

- Кто были по своему социальному положению взятые вами пленные?

- В основном это криминальный элемент. От станка и от сохи, как говорится, не было. Попадались и бывшие работники правоохранительных органов Чечни, служащие. На стороне Дудаева действовал спецбатальон из бывших заключенных местной колонии. Взяли, например, одного: Дудаев присвоил ему звание полковника, хотя этот человек был осужден за изнасилование. Еще пример: взяли одного из руководителей бандформирований, который оказался начальником одного из

управлений нынешнего МВД Чечни.

- Наверное, этот вопрос вам задают все: когда там закончится война?

- Войсковые операции фактически закончились, но очистка территорий от мелких бандгрупп еще будет продолжаться.

- Рейд дудаевцев на Буденновск, это что - новая форма борьбы? Есть ли реальная опасность, что такие их группы проникнут и в наш город?

- Дудаев давно объявил, что готов перейти к террористическим действиям и в глубине России. Наша главная задача сейчас: блокировать территорию Чечни, не допустить, чтобы оттуда террористические группы проникали в наши города. Взяты под охрану все важнейшие объекты, резко усилен контрольно-пропускной режим. У нас в области проживают около 20 чеченцев, все они под контролем. Все "загорелые", приезжающие в наш город, тоже сразу же попадают в поле нашего внимания. Очень важно, что в Чечне во время этой командировки мы добыли списки многих бандформирований, это должно облегчить контроль.

- Как вы оцениваете моральный дух дудаевцев сегодня? Были сообщения, что они устали.

- Многие стали возвращаться в свои родные места, сдают оружие. На севере республики обстановка стабилизировалась заметно, в горных районах сложнее. Хотя очень много тайных складов оружия мы захватили. Там действуют, как правило, из засад, небольшие группы по 5-7 человек.

- Попадались ли вам наемники?

- Только в качестве специалистов, инструкторы, это, как правило, единоверцы из Афганистана, Ирана, Пакистана.

- Неужели так трудно взять Дудаева?

- Да, мы знали, где он находится, но не наносить же туда удар авиацией, могут погибнуть сотни невинных людей. Отдавать за него жизни своих людей во время операции - я не могу.

- В вашем отряде во время этой командировке были потери?

- Раненых из отряда - 16 человек, один скончался, не из нашего города. Потери эти были во время операции в Гудермесе.

- Как вообще показали себя нижегородцы в этой командировке?

- Достойно. Все представлены к наградам.

- Иван Иванович, какое у вас самое тяжелое впечатление от этой командировки?

- Тяжко, что там люди научились убивать друг друга с невиданной до этого жестокостью и беспощадностью. У нас даже появился своеобразный синдром: не ходить по траве. В Москве,

когда была возможность пройти по траве, все, не сговариваясь, пошли по асфальту. В Чечне запросто можно попасть на мину. Открыл дверь - взрыв мины над головой, на растяжке. Был случай: только вошли в дом, щелчок мины на растяжке - все тут же в окна, но один был ранен.

- И все же: опасаться ли нижегородцам террористов из Чечни?

- Готовыми надо быть ко всем неожиданностям. Со своей стороны мы сделали все, чтобы не допустить подобного тому, что произошло в Буденновске.

17. БОРИС НЕМЦОВ: "ПОСТАВЛЕНА ЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧКА НА УЧАСТИИ НИЖЕГОРОДЦЕВ В ЧЕЧЕНСКОМ КОНФЛИКТЕ"

Как уже сообщали центральные средства массовой информации, губернатор Нижегородской области Б. Немцов принимал участие в поездке президента России Б. Ельцина в Чечню. Вернувшись оттуда, нижегородский губернатор встретился с журналистами, чтобы поделиться своими впечатлениями.

- Я узнал, что еду в Чечню, - сказал Б. Немцов, - когда накануне Ельцин вызвал меня в Москву. Идея ехать в Чечню вместе появилась 29 января во время встречи с президентом. Ельцин позвонил и сказал: "Собирайся". Это было его личное решение, в списках делегации меня не было. Я спросил Бориса Николаевича, что он сказал утром Наине Иосифовне, когда собрался лететь в Чечню. "Сказал, что еду в Кремль". В 10.50 были в Моздоке, через 35 минут в селе Правобережном Грозненского района. Село не бомбили, разрушений там нет. Авторитет Яндарбиева в этом селе равен нулю. Сначала встретились с военнослужащими внутренних войск, потом была встреча с населением, пришло около тысячи человек. Затем сели в вертолеты и перелетели в аэропорт Северный, в 205-ю бригаду. Там же была и встреча с общественностью Чечни. Президент не скрывался от народа, мосфильмовских декораций, как в телепрограмме "Куклы", не было.

Оценка личных качеств З. Яндарбиева со слов военных:

- За ним стоят сепаратисты, это однозначно. Другое дело - контролирует ли он всех полевых командиров, это неясно. В рядах сепаратистов нет единства. Сам Яндарбиев достаточно последовательный сепаратист, но с ним можно вести переговоры.

Как сами военные оценивают итоги переговоров с сепаратистами и перспективы мира:

- Под Бамутом, по данным генералов Квашнина и Тихомирова, были уничтожены основные силы боевиков. После взятия Бамута в Чечне остались незначительные группы боевиков, неспособных оказать существенное сопротивление. Однако

солдаты считают, что банды могут воскреснуть через несколько месяцев.

Итоги поездки Б. Ельцина в Чечню Б. Немцов оценил так:

- Теперь есть возможность для воцарения мира. Ельцин при мне сказал Грачеву, что оторвет голову, если не будет выполнен его приказ о прекращении боевых действий. Президент строго наказал не поддаваться ни на какие провокации. Мир в Чечне сейчас могут сорвать только какие-то крупные террористические акты. Сейчас очень важно, чтобы жесткая политическая воля президента была подкреплена низовыми чиновниками. Эта поездка сильно увеличила число сторонников Ельцина. Поставлена и логическая точка на участии нижегородцев в чеченском кризисе.

О поведении Б. Ельцина в Чечне:

- Я считаю, что президент у нас очень умный. Я гордился, что он так сделал. Ни один кандидат в президенты не поехал в Чечню, ни один царь туда не ездил.

18. ПРИГОВОРЕННЫЕ К СМЕРТИ

Шумиловская отдельная бригада особого назначения - одно из элитных соединений внутренних войск МВД России. Вот уже несколько лет ее, как пожарную команду, перебрасывают из одной горячей точки страны в другую исправлять ошибки политиков.

Накануне Дня защитников Отечества в бригаде побывали представитель президента России по Нижегородской области Е. Крестьянинов, губернатор области Б. Немцов, вице-мэр Нижнего Новгорода Б. Духан, председатель правления Нижегородского отделения Фонда инвалидов Афганистана Е. Пухов и председатель Нижегородского комитета солдатских матерей Г. Лебедева. Гости на торжественном собрании тепло поздравили воинов бригады, вручили подарки, познакомились с жизнью соединения.

К сожалению, на месте постоянной дислокации сейчас только половина бригады, остальные в Чечне. С небольшими перерывами она там с самого начала конфликта. Как наши земляки выполняют долг, можно судить по количеству награжденных за этот период: 48 солдат и офицеров, еще около 60 ждут ордена и медали. Война не обходится без жертв: за год бригада потеряла 14 человек убитыми и около сотни ранеными, есть и пропавшие без вести. Редкий день не приносит новых печальных вестей. Накануне приезда в бригаду гостей стало известно, что в Чечне погибли еще двое солдат, потом четверо получили тяжелые контузии, когда был обстрелян из гранатометов их бронетранспортер.

Командир бригады полковник Ю. Мидзюта за последние мирные годы воевал столько, что впору садиться за мемуары. Экстремисты приговаривали его к смерти в Баку, в Карабахе, третий раз в Чечне, но он относится к этому спокойно и продолжает выполнять свой долг.

Через плац прошла, гремя сапогами, рота солдат. Эти служат всего два месяца, усиленно готовятся к боевым действиям, осваивают новое штурмовое стрелковое оружие, только что поступившее в бригаду. В учебном центре солдаты показали, как они стреляют. До Рэмбо, может быть, и далеко, но очень прилично. Скоро им придется мериться силами с чеченскими боевиками. От офицеров бригады довелось услышать и такое:

- Научили их на свою голову... Почему гранатометчики у них так хорошо стреляют? Это я их научил несколько лет назад.

Многие командиры боевиков не так давно еще были их товарищами.

- Гораздо хуже стали нынешние солдаты, чем несколько лет назад, говорит полковник Ю. Мидзюта, - слабее физически, приходят и с недостаточным весом. Редко, кто окончил среднюю школу, все чаще с 4-5 классами образования. Приходят и такие, кто только в армии увидел гречневую кашу, вынуждены ставить их на полуторное довольствие.

Солдаты и офицеры честно выполняют свой долг, но часто не понимают политических целей пребывания наших войск в Чечне.

Майор И.Ветров, старший офицер по психологическому противодействию с противником, на вопрос: "Может ли он убедить чеченца в его неправоте, что Чечня должна быть в составе России?" - ответил:

- А мы правы? В обычном общении и в какой-то конкретной ситуации с чеченцами можно договариваться, но переубедить их невозможно. У многих из них, однако, ностальгия по СССР.

Подполковник В. Серегин знает чеченских боевиков не понаслышке: провел у них в плену 8,5 месяца. Судьба этого человека - сюжет для целого романа. В армии 26 лет, и где только не приходилось гасить национальные конфликты... В плен попал в декабре 1994 года на границе Чечни и Дагестана. Его и майора О. Дедигкаева боевики схватили тогда, прикрываясь женщинами и детьми, отбиваться было невозможно, да и приказ был: "Огня не открывать".

- Держали меня в общей сложности в девяти подвалах, перевозя с места на место, - рассказывает подполковник В. Серегин. - Пытался бежать, одного охранника вырубил, схватил его пистолет, но не заметил сзади второго. Оглушил он меня ударом по голове. Потом били два с половиной часа, так что

десять суток не вставал с нар.

Только через несколько месяцев В.Серегину благодаря чеченцу-охраннику, который служил в его части в Киргизии в 1990 году, удалось передать весточку домой.

- Много раз предлагали перейти к ним на службу, - рассказывает он, обещали златые годы. И я верил, что они смогут сдержать слово. Пытались обратить в свою веру, но тактично, ненавязчиво. Отказался, конечно. Выжил чудом. Был, например, день, когда наше расположение бомбили 22 российских самолета.

Их выкупили, но через месяц майор О. Дедигкаев умер: слишком тяжелы были условия плена.

Подполковник В. Серегин продолжает службу:

- Я без армии себя не представляю. Я ее люблю.

Государство и армия не так уж много сделали, чтобы таких офицеров, как В. Серегин, избавить хотя бы от заботы о жилье: три года с семьей он живет в общежитии.

На таких офицерах и держится сейчас Вооруженные силы России.

На этой встрече в бригаде губернатор области Б. Немцов высказал свою точку зрения на продолжающийся конфликт:

- Отсутствует всякая политическая воля, чтобы закончить войну в Чечне. Надо набраться мужества и сесть за стол переговоров. Пора кончать войну.

Война в Чечне не нужна ни полковнику Ю. Мидзюте, ни его солдатам, ни их матерям. Не нужна она, наверно, и чеченцам, воюющим за свои горы и аулы.

Приговоренные к смерти... Все больше таких среди российских солдат и офицеров.

19. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛКА

Кто-то должен был вернуться с Чеченской войны первым, это счастье выпало 245-му гвардейскому мотострелковому полку 47-й танковой дивизии 22-й армии.

- Повезло, - коротко ответил командующий армией генерал И. Ефремов на вопрос, почему, именно этот полк во исполнение указа президента России был выведен из Чечни первым.

А на военном перроне станции Ильино в этот день с самого утра можно было видеть множество нарядных женщин, жен офицеров, и детей с цветами.

Наконец послышался длинный гудок тепловоза и сразу же крики: "Едут! Едут!" Оркестр грянул "Прощание славянки", сладко потянулась длинноногая девушка с букетом цветов, увидев стволы самоходных орудий на платформах.

- А вот и мой! - закричала молодая женщина.

- Видела своего? С Петровым на пару машут...

- Вот твой папа, помаши ручкой, - поднимает на руки малыша красивая женщина.

На перрон высыпали загорелые до черноты мужчины в камуфляжах, и крепкий солдатский запах смешался с ароматами летних цветов.

Пока еще нельзя обнять жену и детей, строй застыл перед трибуной с лозунгом "Добро пожаловать на родную нижегородскую землю". Командир 245-го мотострелкового полка подполковник С. Юдин докладывает командующему 22-й армией генералу И. Ефремову о прибытии.

- Приветствую и поздравляю, искренне рад, что война для вас закончилась, - поздоровавшись, сказал командующий.

Да, 245-му мотострелковому выпало в ходе операций в Чечне быть на самых ответственных и тяжелых участках с 23 января 1995 года. Сначала вели боевые действия у Пригородного и Старых Атагов, блокировали Грозный с юга, очищали от бандитов Алхазурово. Потом, в июне 95-го, рейды в район Чишки и Улус-Керта, разгром штаба Дудаева в Ведено - там полк водрузил знамя России. Жаркие схватки на Киров-Юрт и Новые Атаги - и полк блестяще выполнил боевую задачу, водрузив в знак победы еще одно российское знамя.

Они были на настоящей войне, которая без потерь не бывает. Случалось, попадали в засады, а за полтора года боев гусеницы боевых машин намотали тысячи километров. Скупые строчки боевых донесений пестрят цифрами потерь противника и своих, убитых, раненых, сожженных и подорванных БМП и автомашин. И за каждой такой строчкой - человеческие судьбы. За полтора года войны полк потерял 221 человека убитыми, 394 ранеными и 20 попавшими в плен. Как ни горько, но полк вернулся домой без своих товарищей, и сколько им еще томиться в плену, одному Аллаху известно.

Много в этот день сказано приветственных и высоких слов.

- Вы с честью выполнили задачу, отстаивая единство России, - сказал начальник штаба Московского военного округа генерал Л. Золотов.

- Дорогое наше христолюбивое воинство! - такими словами начал свое приветствие настоятель Старо-Ярмарочного кафедрального собора о. Владимир.

Христолюбивое воинство неловко держало в натруженных руках красные гвоздики и с нетерпением ждало окончания речей и поздравлений.

- ... Слово это страшное - Чечня... Защищает от чеченских банд мою страну... - декламируют дети сочиненные взрослыми на скорую руку речевки.

Когда назвали несколько фамилий награжденных воинов полка, дети хором:

- Мы на них стремимся подравняться, только подрасти нам надо малость... Вашими славными делами будем всей страной гордиться...

Губернатор Нижегородской области Б. Немцов, поздравив полк с возвращением, сказал:

- С выводом 245-го полка фактически началось осуществление плана мирного разрешения конфликта в Чечне.

- А вы как думаете, сколько еще война в Чечне продлится? - спросил я стоящего в строю пожилого солдата.

- Лет десять. Уж очень чеченцы озлоблены. Стреляют каждый день.

- Десять... На сто лет хватит, если так будем воевать, - сказал солдат, суворовский чудо-богатырь с виду.

- А кто мешает воевать хорошо?

- Мафия мешает. За три дня все бы там разнесли, если бы не мешали. А то опять переговоры...

Солдаты, с которыми разговорился, все были в годах: 35, 38 лет, а похожему на суворовского чудо-богатыря - 44. Он представился:

- Осипов Николай, из Ивановской области, срочную службу служил в Витебской воздушно-десантной дивизии, демобилизовался еще в 73 году, а в Чечне добровольно, полгода.

- А зачем поехали?

- Да просто решил посмотреть на этот дурдом. У нас в роте почти все контрактники. У молодых ведь боевая подготовка - ноль, даже в Кантемировской дивизии. Автомат разобрать не умеют.

- Когда вы в последний раз были в бою?

- Под Гойским, 4 июня. Семьдесят человек там из полка потеряли да из 324-го полка - сорок пять. Боевиков убитых видел в том бою: один москвич, белорус, два араба. А чеченцы сейчас сами не воюют, только деньги платят наемникам. В нашу БМП в том бою попали из ручного гранатомета, троих потеряли...

Звучит команда "К торжественному маршу". Впереди всех со знаменем полка лейтенант С. Новиков и капитан Ф. Сергеев. У первого на груди - новенькая медаль "За отвагу", у второго - орден Мужества. Всего кстати, в полку за время боевых действий в Чечне представлены к наградам 694 человека.

Печатая шаг, прошли перед трибуной с гостями подразделения полка. Одного из десятков Российской армии, первого, первого, для которого война в Чечне дай Бог закончилась.

... А на руках у мамы горько плакал малыш: папу увидел, а поцеловать его еще почему-то нельзя. Но ничего малыш, еще несколько минут, и твой папа будет с тобой. Хорошо бы - надолго.

20. КАВКАЗСКИЕ МАТЕРИ ИЩУТ РУССКИХ ПЛЕННЫХ

Гость Нижегородского областного комитета солдатский матерей - Лидия Бекбузарова. Она заместитель председателя комитета солдатских матерей Ингушетии. Тяжелая выпала судьба этой женщине: по национальности ингушка, санитарный врач по профессии, она проживала в Северной Осетии, оказалась в заложниках, несколько раз боевики выводили ее на расстрел. Спаслась чудом.

- Лидия, в наш город вы по делам?

- Несколько месяцев назад наш комитет получил письмо от вашего губернатора с просьбой организовать в Ингушетии сбор миллиона подписей против войны в Чечне. Такого количества жителей у нас нет, да и нам самим нужна помощь. Приехала, чтобы попросить у нижегородцев автомашину, лучше "ГАЗель". Без своего автотранспорта нашему комитету очень трудно ездить, чтобы хлопотать об освобождении русских пленных солдат.

- А армия разве не занимается поисками пленных?

- Реально нет, просто не в состоянии это делать. Есть сейчас какой-то уполномоченный по поиску военнопленных, но результатов почти нет.

- А у вас какие результаты?

- В Чечне наши женщины из комитета бывают постоянно. С полевыми командирами отношения хорошие. С ними и договариваемся. В основном на обмен. Ни разу за выкуп. Обменяли за это время 26 солдат. За одного пленного чеченца - четверо русских.

- Как боевики относятся к нашим пленным?

- Чеченцы стараются сохранить ребят для обмена. Берегут, кормят нормально.

- Лидия, а как вам удается пробираться в места, где они держат пленных?

- Боевики у матерей даже документов не спрашивают. Это на наших блокпостах еще нервы мотают. На какого командира попадешь. В селах пленные обычно содержатся по 3-5 человек в доме. Тяжелораненых мы не видели, но с ранеными ребята есть. О фактах издевательства над пленными не слышали. Солдаты об этом не говорили. Последний раз ездила в горное село Бамут, там четверых солдат держат. Правда, на этот раз нас к ним не подпустили. Вообще у чеченцев конспирация очень хорошая.

- Какое вообще настроение в Чечне у простых людей?

- Все живут надеждой на мир. Ждут конца войны.

- А чувствуется ли этот конец?

- Ни одного дня без бомбежки. То и дело со стороны Беслана и Моздока жутко гудят самолеты, летят на Чечню. Недавно дин вертолет зацепился за высоковольтную линию, и вы знаете, что из него посыпалось? Ковры.

- Кого люди винят в этой войне?

- Обе стороны, и особенно силовых министров. Захотели бы - можно было бы остановить эту войну.

- С нашими солдатами часто приходилось встречаться?

- Последний раз - с пограничниками на посту. Попросил купить ему хлеба. Такой у него был просящий взгляд. Худой. Живут в палатках. Спросила, как кормят, - молчит.

- Правда, что у боевиков много наемников?

- Не видела ни одного. Знаю семьи, где погибли по семь человек, во время бомбежек. Остался один и идет от злости в отряды Дудаева.

- Вы часто встречались с российскими офицерами. У них какое настроение? Неужели не надоело все это?

- Все злые, особенно почему-то майоры. Говорят, что долго

терпят, но рано или поздно отомстят тем, кто развязал эту войну.

- Как там у вас в Ингушетии люди относятся к своему президенту?

- Руслана Аушева просто боготворят, всеобщий любимец. Очень тяжело ему. Беженцев в Ингушетии только из Чечни 250 тысяч, да из Северной Осетии ингушей 70 тысяч. Безработица - 92 процента. А цены - лучше не говорить.

- А из федерального бюджета есть реальная помощь беженцам?

- Точно знаю, что в миграционной службе сейчас нет ни рубля. Татарстан обещал помочь картофелем и мукой.

Лидия Бекбузарова привезла список солдат 245-го мотострелкового полка 22-й армии находящихся в плену у дудаевцев. В списке 27 фамилий. Из Нижегородской области нет ни одного. В плен они попали 13 декабря прошлого года. В штабе 22-й армии этот факт подтвердили. Четырех русских солдат из 31-го матери сумели обменять на одного чеченца. Известно и место где содержатся пленные. Местный полевой командир сообщил, что солдаты захвачены в плен в ответ на обстрел мирной демонстрации. Их могут освободить только после прекращения бомбардировок.

... Телефон в комитете солдатских матерей звонит беспрерывно. В день здесь бывают несколько десятков матерей. Вот и еще один звонок. Мужчина с плачем рассказал, что ему сообщили о пропаже без вести его сына, Александра Отделкина из Автозаводского района. Еще одна весть: погиб Дмитрий Масляков из Кстовского района, 9 апреля. Тело его во Владикавказе. Какой-то чиновник сообщил, что отправят, как только трупов будет несколько. Чтобы зря не гонять самолет. Дмитрий Масляков был призван 19 декабря 1992-го года. И уже убит. Через два месяца после призыва попал в Чечню Алексей Евстифеев из Канавинского района, 23 февраля был ранен. Тумаев Сергей, нижегородец, по ошибке был похоронен не дома, а в Алтайском крае. Это уже второй случай. До сих пор не найдут тело воскресенца Олега Луковкина, вместо него мать похоронила чужого сына.

Количество нижегородцев погибших в этой войне уже перевалило за семьдесят. Солдат убивают и калечат каждый день. Последняя весть: ранен под Бамутом борчанин Алексей Суматохин, через два месяца после призыва.

И сколько еще это будет продолжаться...

Всего лишь две фразы из разговора с Г. Лебедевой, зам. председателя комитета солдатских матерей:

- Двадцатилетний парень - без ног, спивается напрочь на

глазах... Другой пришел из Чечни - и ему сейчас человека убить, что клопа на стенке раздавить...

21. ЖИВЫМ ОН БЫЛ НУЖЕН РОССИИ

Первого января 1995-го года в бою на привокзальной площади во время штурма Грозного старший лейтенант медслужбы Майкопской мотострелковой бригады Александр Гурский был убит дудаевским снайпером.

До 28 января пролежал его труп на площади. За убитым приехал отец электрик АО "ГАЗ" Виталий Еремеевич Гурский. Похоронить сына решено было в г. Умань на Украине, где жила его мать. Два майора из части, где служил А. Гурский, дали его отцу 600 тысяч рублей, и на этом Министерство обороны России посчитало свой долг перед родителями убитого офицера выполненным. Этих денег едва хватило, чтобы доставить гроб в Умань.

Правительство России, когда в Чечне начались бои, объявило, что семье каждого российского военнослужащего, погибшего там будет выплачена компенсация. Вправе на нее рассчитывать и родители старшего лейтенанта А. Гурского. Но, как говорится, гладко было на бумаге...

Мать А. Гурского - гражданка Украины. Это суверенное государство к действиям Российской армии в Чечне никакого отношения не имеет, и местные чиновники отказали матери А. Гурского в праве на компенсацию. Ее сын погиб за Россию, а не за Украину. Отказали и отцу А. Гурского: хотя он сам и проживает на территории Нижегородской области, но сын его здесь не жил. Так ему объяснили в областном департаменте социальной защиты. Погибший за Россию старший лейтенант А. Гурский на свою беду учился в мединституте в Самаре, там его призвали в армию, служил в Краснодаре, а уже оттуда попал в Чечню. А ко всему прочему, родители его на момент гибели были в разводе и являлись гражданами разных государств.

"Если бы мой сын был убит в драке, - пишет Виталий Еремеевич Гурский, я никуда не стал бы обращаться. Но так как у него жизнь отняло государство, оно и должно за все платить".

В департаменте социальной защиты ему ответили, что проезд на похороны сына, возможно, оплатят, только после того, как придут и посмотрят, как он живет. "Возможно..." А если окажется, что живет он материально неплохо? Это значит, что за погибшего по вине государства сына можно и не платить?

В. Гурский обратился с письмом к губернатору области, рассказал о своей беде. Б. Немцов распорядился, чтобы отцу погибшего российского офицера помогли. Остается надеяться, что так и будет.

22. ШУМИЛОВСКАЯ БРИГАДА СТОИТ НА СМЕРТЬ

... Восемь часов бились в окружении 10 бойцов Шумиловской отдельной бригады особого назначения. Группа майора Гулая находилась на третьем этаже одного из домов по улице Зои Космодемьянской в Грозном. Когда обстановка стала критической, командир принял решение прорываться. Бойцы начали прыгать с третьего этажа. Они вышли к своим. Все с переломанными ногами. Добрался до своих и рядовой Губочкин, прикрывавший прорыв группы. Тоже с переломами ног.

Это только один из эпизодов последних боев в Грозном, о которой рассказал командир Шумиловской бригады полковник Ю. Мидзюта.

- Когда у вас была в последний раз связь с подразделением бригады в Грозном?

- Два часа назад, - ответил полковник Ю. Мидзюта, взглянув на часы. Сегодня потеряли убитыми еще троих. Только что сообщили, что на площади Минутка тяжело ранен в живот замполит батальона старший лейтенант Ларин из Богородска, один солдат убит. Сообщили, что вышел к своим один солдат, считавшийся пропавшим без вести.

Сердце обливалось кровью, когда полковник Ю. Мидзюта читал шифротелеграммы из Грозного:

- "Во время снайперского обстрела геройски погиб рядовой Демидов, на площади Минутка убит рядовой Королев, погиб от сквозного ранения в голову старший механик-водитель рядовой Кондратьев. И таких телеграмм - море..."

Четверо суток из огня не могли вынести раненых. Пытались прорваться к ним на площадь на бронетранспортерах - сразу же потеряли три машины. После попаданий в них из гранатометов бронетранспортеры превращались в "скороварки".

С 5-го августа, когда в Грозный прорвались боевики, Шумиловская бригада потеряла, по последним данным, 10 человек убитыми, 82 ранеными и 9 пропавшими без вести. За неделю боев бригада потеряла в общей сложности роту. Таких потерь за полтора года командировки в Чечню бригада еще не знала.

Среди убитых - двое офицеров, лейтенанты Славгородский и Фролов. Второй - наш земляк, из Краснооктябрьского района. Убит еще один земляк - сержант Игумнов, арзамасец.

Большие потери и в технике, сказал полковник Ю. Мидзюта, ее осталось около 20 процентов от штатной. Восемьдесят процентов оставшегося вооружения нуждается в капитальном ремонте. Автоматы изношены настолько, что о точности стрельбы не может быть и речи.

- Но бригада стоит, ни одной своей позиции в Грозном противнику не отдали, - подчеркнул полковник Ю. Мидзюта.

Сколько еще может продержаться бригада...

- Как там с боеприпасами, медикаментами, продовольствием?

- Боеприпасов хватит, десять вагонов привезли. С продуктами и медикаментами тоже нормально.

- Генерал Лебедь, побывав в Чечне, назвал наших солдат "заморышами". Как одеты ваши люди?

- По норме камуфляж выдается на один год, но уже через месяц-полтора он превращается в рванье. Сапоги горят тоже быстро, поэтому разрешаем ходить в кедах. А нормы пересматривать никто не хочет.

- Собираются ли выводить бригаду из Чечни? Все же полтора года в Чечне...

- Нас обещали вывести в феврале, марте, потом в июле. Я не верю, что будет приказ о выводе бригады из Чечни. Нет других частей, чтобы ее можно было заменить.

- Но людей-то можно заменять постепенно...

- Кем? Пополнение дали такое, что его полгода надо только откармливать. У нас 40 процентов солдат с образованием 3-5 классов. Поэтому солдаты там и служат по полтора года, и указ президента по их замене невозможно выполнить. Не посылать же в бой мальчишек. Часть людей мы все же заменили, процентов тридцать из них рвутся обратно, но это все больные люди. У нас после Чечни нет ни одного здорового офицера.

- А как же положенный после Чечни курс реабилитации?

- Какая там реабилитация... Если посылать из Чечни на лечение, тогда некому будет служить. Оттуда здоровыми возвращаются не более десяти процентов.

- Товарищ полковник, вы верите, что генерал Лебедь сможет изменить обстановку в Чечне?

- В Лебедя я не верю. Не верю и в мир. С Масхадовым я встречался раз десять, это гад из гадов, верить ему нельзя. Сейчас у нас в Чечне только два выхода: или, закрыв глаза от позора, бежать отсюда, или поднимать в воздух дивизию дальнебомбардировочной авиации и... А воевать, как надо... Ну, как можно воевать, если, например чеченцы о передислокации бригады узнают раньше, чем мы получаем приказ. Невольно складывается впечатление, что в высших сферах полно предателей. Кто-то там руководит войной, но только не президент.

- Как вы относитесь к тому, чтобы в Чечне было введено чрезвычайное положение?

- Это развязало бы нам руки. Тогда вся власть там перешла

бы к военным, все местные власти вынуждены были бы подчиняться, а мы бы перекрыли все источники поступления денег на войну. А то до чего доходит: там, на нефтепроводах приварены краны, нефть качают на "самогонные" заводы, потом бензин и мазут продают, вот и деньги на войну. Бригада больше пятидесяти таких заводов за это время из огнеметов сожгла.

На днях полковник Ю. Мидзюта в который раз вылетает в Чечню. К своей израненной бригаде.

23. БАМУТСКАЯ БАЛЛАДА

Для рядового Евгения С. война в Чечне, как и обещал президент России Б. Ельцин, закончилась. Сейчас он уже дома, но не потому, что отслужил. Мы сидим с Евгением в кремле на лавочке, и он рассказывает о своей службе в армии. Короткой она получилась, всего несколько месяцев.

- Призвали меня 13 декабря прошлого года, - начал свой рассказ Евгений, - а через неделю мы, 120 нижегородцев, были уже в Моздоке. Попали в самоходную артиллерию, мне сказали, что буду разведчиком-дальномерщиком. Одели нормально, кормили сначала хорошо. Говорили, что в Чечню не попадем. А началось все из-за флюорографии...

- Медосмотр проходили?

- Что-то вроде этого. Врач увидела, что у нас у всех груди синие, и рассказала офицеру.

- А почему синие-то?

- "Деды" "тормозили", когда подвыпьют. Подполковник нас построил: "Кто вас?" Тех, кто рассказал, оставили в этой части, а меня и других, кто смолчал, - на арсенал. Там нам сразу сказали, что отсюда прямая дорога в Чечню. Месяц грузили на арсенале ящики со снарядами. Сначала одну роту в Чечню отправили, потом вторую, под Бамут. Говорили, что из них почти все погибли. А я как раз заболел, стриптодермит.

- Какая-то редкая болезнь...

Женя задрал штанину и показал язвы на ногах.

- Но и меня отправили с третьей ротой.

-Это с такими-то ногами? А стрелять вас хотя бы научили?

- А там это никого не волнует, умею я стрелять или нет. Шестого апреля вся наша рота оказалась под Бамутом. Сорок солдат, трое сержантов и четыре лейтенанта только что из училищ. Боялись они больше нашего, были случаи, что офицеры сами стрелялись, чтобы в госпиталь попасть. У меня страх прошел, когда увидел убитого друга. Сидели в окопах, чеченцы на расстоянии снайперского выстрела, километров 7-10 от нас.

- То есть ты участвовал в последнем штурме Бамута? Как он проходил?

- Артподготовка была нормальная, миномет нас прикрывали, иногда правда и по нам попадали. Раненых увозили на вертолете. Вертолетов штурмовых я не видел, танков тоже. Чеченцы сидели в ракетных шахтах, и толку от обстрела было мало. Грачев к нам приезжал, я еще в охране стоял, хотя у него своей охраны человек 150 было. Потом начались переговоры с чеченцами, и Дудаев со своими боевиками из Бамута уехал, дали ему уйти в Шали.

- Как Дудаев? Он же погиб гораздо раньше, и не в Бамуте?

- Да ничего он не погиб, живой, скрывается где-то. Это только слухи, что его убили, чтобы легче было скрыться.

- Большие у вас потери были при штурме Бамута?

- Из сорока человек нас осталось двадцать восемь.

- И ты, конечно, стрелял...

- Ну а как же. И чеченцев убитых видел. Там приказ был такой: стрелять всех. Один раз офицер приказал мне стрелять по женщине с ребенком. Я зажмурился и дал очередь в вверх. Получил от него, но хотя бы люди спаслись, успели спрятаться.

- Крутые у вас были офицеры...

- Были и очень хорошие. Разные офицеры. Один послал солдата в село за "травкой", а сам и так уже был в "дупель".

- За "травкой"... А что, многие солдаты наркотики употребляли?

- Кто дурак - тот курил. Кто хотел остаться жить - нет. Я один раз попробовал - сразу "крыша едет". А водки там - немерено, с продуктами привозили, каждый день давали.

- Женя, а что было после взятия Бамута?

- Стою я на посту ночью. Идут две фигуры. Говорю: "Стой! Стрелять буду!" Мне в ответ: "Мы тебя, щенок, сами застрелим". Я затвор передернул, дал очередь вверх. Эти двое легли, матерятся по страшному, чувствуется, что пьяные... До утра я их продержал, а рассвело - смотрю, майор и подполковник из ВДВ. Пришел разводящий снял меня с поста. Потом друг ко мне пришел: "Тебя ищут". Прихожу к командиру, вижу - эти двое. "Иди сюда, щенок", - и как шарахнет один из них меня прикладом в лоб. Я тикать... Догоняет меня БТР. Старший лейтенант кричит мне: "Прыгай на броню!" Было у меня три варианта: самосуд, трибунал или побег. Старший лейтенант посоветовал третье. Довез меня на БТРе до Прохладного, это 150 километров от Бамута.

-Почему именно туда?

- А ехали, куда глаза глядят. Я тогда даже не знал, что делать. В Прохладном, где-то на окраине, у меня поднялась температура от выстрела в спину, я упал у какого-то дома. Идет бабушка: "Ты солдатик? Сбежал?" "Пришлось". Отнесла она со своим сыном в дом. Накормили, переодели. Отлежался немного,

решил идти. Дали мне продуктов на неделю, и я пошел.

- Но кругом же блокпосты, патрули...

- Я вдоль железной дороги шел, в основном ночами. Железнодорожники поесть давали. Хотя случалось, что по 2-3 дня ничего не ел, только воду пил из колодцев.

- А если приходилось встречаться с людьми?

- С пониманием все относились. Особенно бабушки. Один раз меня патруль остановил, а как раз с мужчиной шел, он отстоял, сказал, что я его сын. По дороге встретил человек пятьдесят таких же, как я. Шли и одиночками и группами. В одной группе было пятнадцать человек.

- И куда же ты пришел?

- Сначала в Ростов. Через Дон переплыл, одежду в руке держал. Полторы недели до Ростова шел, почти тысячу километров. Потом до Каменска, еще километров 200 до какой-то станции, а оттуда на попутных электричках в Москву. С Курского вокзала на Владимир и домой.

- И что ты собираешься делать дальше?

- Не знаю пока. Документов у меня нет, не знаю даже, где мой военный билет, и какой номер был части - тоже не знаю. Я был бесплатным пушечным мясом. Еще в Моздоке показал офицеру документы, что у меня мама больная, он изорвал и сказал: "Нет у тебя родителей, ничего нет, ты в армии". Но как я могу забыть мать и сестру... Мать без работы сейчас...

На этом приключения Евгения С., надо полагать, не закончились. За все, что с ним случилось, отвечать придется ему, а не тем, кто послал его в Чечню.

24. ВОЙНА ВРОДЕ БЫ ИДЕТ, А ВРОДЕ БЫ И НЕТ

Только что вернулся из командировки в Чечню спецкор газеты Приволжского округа внутренних войск В. Торин. Наш корреспондент встретился с коллегой и попросил хотя бы кратко рассказать о событиях в Грозном.

- Вы находились там два месяца, какой было обстановка до 6 августа?

- Ситуация была напряженной, но не безвыходной, и вдруг все взорвалось. Началось утром 6-го с того, что над Чернореченским районом в Грозном боевики подбили сразу три вертолета. Огонь с земли был шквальный. Летчики отбивались весь день, на помощь им послали еще вертолеты, и та попали под огонь. А в это время во всем городе уже шел бой. Больше всех досталось нашей Шумиловской бригаде, она была в центре Грозного.

- Почему нападение боевиков было таким неожиданным?

- Я накануне разговаривал с министром внутренних дел

Чечни Анатолием Тарановым, он сказал, что информация о готовящемся нападении боевиков идет из всех источников. Даже название их операции знали: "Нулевой вариант". Знали, что в операции принимают участие отряды Басаева и Гелаева под общим командованием Масхадова. Все знали, но никто ничего не мог сделать. Внутренние войска вели бои двое суток, не получая помощи от федеральных войск, а когда помощь подошла, боевики стали расстреливать колонны, входящие в город. Входили в город они бездарно, три колонны были расстреляны. Все не было согласовано, не было взаимодействия.

- Были сообщения, что наши стреляют друг в друга. Это правда?

- Таких фактов я не знаю, но в принципе, это могло быть.

- Какое настроение у солдат?

- стоят очень мужественно, особенно Шумиловская бригада. Когда облетал Грозный на вертолете, видел: он весь в дыму и развалинах, десять огромных черных столбов от горящей нефти в Чернореченском районе. А настроение у всех разное. Одни за то чтобы воевать. У многих солдат уже атрофировалось чувство страха, совершенно не боятся смерти - полтора года не выходят из боев, а другие считают, что надо выходить из Чечни, пусть сами разбираются. Военные хотят, чтобы им, наконец, развязали руки. А то, например снайпер, бьет из дома, на войне его бы из пушки раздолбали, а тут приходится жалеть мирных жителей.

- А много еще мирных жителей в Грозном?

- Много, как-то приспосабливаются, а уходить им некуда. Ну, кто их ждет в России?

- Уже были высказывания, что эти бои в Грозном - народное восстание. Вы согласны с этим?

- На мой взгляд, если сначала война велась с бандформированиями, то сейчас она перерастает в народную войну. В бой идут и те, кто не хотел воевать, - мстят за своих погибших во время бомбежек. По лицам людей в Грозном чувствуешь, что там тебя, мягко говоря, не очень любят. Очень много "гаврошей", даже десятилетних. Собирают оружие, добивают наших раненых, причем выстрелами, профессионально.

- Как вы вывозили раненых из зоны боев?

- Пытались прорваться на бронетранспортерах, возвращались они все изрешеченные, и потери были среди тех, кто пытался помочь раненым. Чеченцы сами предлагают забрать раненых и убитых, но часто это оказывается ловушкой, поэтому к их предложениям забрать раненых относятся настороженно.

- Что вам известно о потерях?

- Только по внутренним войскам - 121 убитый, 563 раненых,

61 пропавший без вести. Данных о потери милиции, собровцев, армии у меня нет. Потери очень большие, многие лежат убитыми на улицах. Многие считаются пропавшими без вести.

- Кто действительно контролирует Грозный? Обе стороны утверждают, что город под их контролем.

- Боевики свободно катаются по городу на автомашинах, стреляют направо и налево, но они контролируют только развалины. Все блокпосты и КПП в наших руках, ни одной позиции не сдали. Единственная дорога из Грозного в Ханкалу наполовину под контролем боевиков. Два-три раза они пытались штурмовать и Ханкалу, но здесь очень сильные укрепления, полно войск и техники.

- Вы видели Лебедя?

- Да, но он очень неразговорчивый. Наедине беседовал с Аушевым, потом по одному вызывал в кабинет Пуликовского, Шкирко, Завгаева, Рыбакова. Там он после встреч с ними и сказал, что разобрался в обстановке и назовет имена "героев". Совершенно неожиданно для всех первым из них оказался министр внутренних дел Куликов.

- Какие у вас остались личные впечатления о Грозном в последние дни?

- Нервозность, никто не знает, что делать. Стали понимать, что наломали дров и надо как-то выкарабкиваться. Война вроде бы идет, а вроде бы и нет. Чеченцы будут мстить нам все равно. Надо что-то срочно делать, иначе война эта перерастет во что-то небывалое. Сейчас даже не понятно кто там командует. Не ждали, что Лебедь пойдет на переговоры с боевиками, думали, что он за силовой вариант. Если раньше все знали, что Черномырдин за переговоры, то сейчас говорят, что он за силовой вариант. Все меняется быстро и неожиданно.

25. ГЕНЕРАЛ КЛАДНИЦКИЙ: "ВСПЫШКИ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НЕ БУДЕТ"

Из командировки в Чечню вернулся начальник регионального управления по борьбе с организованной преступностью генерал-майор И. Кладницкий. Он провел пресс-конференцию, где поделился своими впечатлениями о нынешней ситуации в этой республике.

Сначала генерал-майор И.Кладницкий кратко рассказал об обстановке в Чечне во время известных августовских событий:

- С весны 1996-го жизнь в Чечне стала постепенно налаживаться. Был создан координационный совет МВД России для практической помощи МВД Чечни, чтобы заработала правоохранительная система. Все шло вроде бы нормально, активных боевых действий не было, обычная работа, проверка

паспортного режима. Шестого августа обстановка резко изменилась. Сепаратисты, общей численностью до 10 тысяч человек, причем в обычной гражданской одежде, одновременно атаковали все комендатуры, сбоями прорвались в центр Грозного. В этих боях только МВД России потеряло 22 человека убитыми и 179 человек ранеными. До 23-25 августа было освобождено несколько зданий правительственного квартала, но потом начали действовать Хасавюртовские соглашения, и боевые действия прекратились.

Генерал-майор И.Кладницкий ответил на вопросы журналистов.

- Кто сейчас контролирует Чечню, и Грозный в частности, какая обстановка в районе аэропорта "Северный"?

- Грозный контролирует оппозиция. Наше присутствие - в районных комендатурах и возрождаемых органах внутренних дел. Прокуратура в усеченном варианте, суды - в режиме ожидания. По соглашению Лебедя в Чечне должны остаться наши 205-я и 101-я бригады. Войска в Ханкале и "Северном", но ситуация там сложная. Есть факты обстрела боевиками блокпостов. Ряд формирований не признают власти Яндарбиева и Масхадова, их сами чеченцы называют "индейцами". Только в Надтеречном районе сохранилась старая администрация. Оппозиция ведет формирование регулярной армии. Всего у чеченцев, по нашим данным, около 125 организованных подразделений, от 100 до 500 человек в каждом, общей численностью до 7 тысяч бойцов.

- Как вы относитесь к соглашениям Лебедя?

- Заслуга Лебедя в том, что он прекратил боевые действия, и мы не несем таких потерь, как раньше. Но что дальше? Происходит вывод наших войск и усиление власти сепаратистов. Если конфликт не удастся погасить, он может быть перенесен в Дагестан и Ингушетию. У нас была информация из разных источников, что чеченцы готовы направить в Россию свои диверсионные группы. Это реально.

- Известны ли вам факты расстрелов представителей администрации Завгаева?

- Есть факты расправ, захватов семей бесследного исчезновения людей. Есть многочисленные факты издевательств над русскими. Много заявлений на выезд из Чечни. Люди за бесценок продают свои дома и уезжают. Однажды к нам прибежала женщина с жалобой, что чеченцы выгоняют ее из дома.

- Как происходит совместное патрулирование русских и чеченцев?

- Сначала было очень сложно, взаимное недоверие, сейчас отношения выровнялись. Сепаратисты часто меняют свой

контингент патрулей. В основном патрули задерживают за административные нарушения, кражи. Хищение материальных ценностей приобретает массовый характер. В Грозном тащат все, что сохранилось.

- Можно ли утверждать, что сейчас ситуация в Чечне близка к той, что была в декабре 94-го?

- Она близка к той ситуации. В Чечне идет борьба за власть между тейпами, но пока без столкновений. Мэром Грозного назначен племянник Дудаева. Идет дележ власти. Чувствуется, что народ в Чечне устал. Радуев же мечтает о Чечне до Каспийского моря. К шариату отношение в основном нейтральное.

- Не сведется ли влияние России на Чечню только к ее финансированию?

- Известно, что, кто платит, тот и заказывает музыку. В том, что милиция в Чечне будет работать под нашим контролем, я не сомневаюсь.

- Есть ли факты сотрудничества сепаратистов с иностранными государствами? Есть ли в отрядах боевиков наемники из других стран?

- Наемников - не один отряд. Из Пакистана, Афганистана, других исламских стран. Нападением на колонну 245-го полка руководил, например, наемник из Иордании Хаттаб. Есть информация, что в отрядах сепаратистов и люди из УНА-УНСО, но пленных из этой организации не брали.

- Какой юридический статус имеют такие люди, как Шамиль Басаев?

- С точки зрения закона, Басаев подлежит немедленному аресту, и, тем не менее, мы ведем с ним переговоры. Однажды видел Басаева на иномарке, не скажу, что у меня рука сразу потянулась к кобуре с пистолетом, но...

- Можно ли верить Масхадову?

- Герой одного из телефильмов сказал: "Никому верить нельзя. Мне можно". Рассчитывать на взаимность трудно. Те, кому сейчас лет по пять, будут иметь другую психологию. Нынешним - трудно будет вернуться к нормальной жизни.

- Возможна ли новая вспышка военных действий в Чечне?

- Уже нет. Все навоевались.

26. ПРИНИМАЙ, МАМА, СЫНА В ЦИНКОВОМ ГРОБУ

Из поездки в Ростов-на-Дону и в Чечню вернулась заместитель комитета солдатских матерей Нижегородской области Н. Жукова.

- Наталья Станиславовна, почему Ростов был в маршруте вашей поездки?

- Туда мы ездили вместе с представителями от Российского комитета солдатских матерей. Цель - попытаться идентифицировать несколько трупов погибших в Чечне нижегородцев. В Ростове-на-Дону под руководством полковника медслужбы В. Щербакова работает 124 судебно-медицинская лаборатория при прокуратуре Северо-Кавказского военного округа. Здесь действует пункт опознания и содержания трупов российских солдат. Находятся они в огромных рефрижераторах.

- И много?

- Всего сюда попало 806 неопознанных трупов наших солдат. С начала боевых действий в Чечне удалось опознать и передать или отправить родителям останки примерно 260-270 солдат.

- Как проходит сам процесс опознания?

- Очень сложная и кропотливая работа. С поля боя привозят то, что осталось от человека... Но это лучше не описывать. На каждое тело заводится номер, личное дело. Сначала фотографируют в одежде, если она есть, потом снимают на видеокамеру, очень тщательно, чтобы можно было установить какие-то приметы - родинки, шрамы. Запахи там - ужасные, и вообще зрелище не для слабонервных: многие трупы страшно обезображены.

- И мамы там ищут своих сыновей?

- Нет, мам туда не пускают. Со всей России здесь мамы, ходят как тени. Не плачут, слезы кончились. Им разрешают только смотреть видеозаписи, по ним они и определяют, их это сын или нет. Потом солдаты-срочники кладут то, что осталось, на носилки, кувырк - в цинковый гроб и - получай мама своего сыночка. Смотреть на все это - надо стальные нервы.

- Сейчас, с заключением мира в Чечне, неопознанных трупов поступать стало меньше?

- Наоборот. Начали активно вести эксгумационные работы, и останков погибших все больше и больше.

- Вы в этой поездке имели конкретную цель?

- Да, мы должны были найти останки четверых наших солдат, которые попали в плен 8 марта на блокпосту в 166-й мотострелковой бригаде и были расстреляны. От одного из пленных мы получили письмо, он сообщил, что их освободят, если письмо обнародуют. По словам этого солдата, обменять их отказался командир части Российской армии. Он будто бы сказал: "Пусть мне лучше принесут их головы". И боевики их расстреляли.

- Личности кого из погибших нижегородцев вам удалось установить сейчас?

- Макарова Саши с Бора, мама за телом выехала, Сергея

Пушкова, его останки мама нашла в этой лаборатории. Почти точно установлена личность погибшего Александра Отделкина из Автозаводского района. Все они были расстреляны в плену. Ужасной оказалась судьба Саши Пыленка из Сергача. Как его мама нашла захоронение - это целая история. Его взяли в плен и считали без вести пропавшим, но надеялись, что он жив. Потом наши продали, да-да, именно продали чеченцам одно захоронение, где были их погибшие. Среди трупов был и наш солдат. Чеченцы своих перезахоронили, а его просто выбросили из могилы, потом один старик-чеченец сообщил нашим командирам, что там лежат останки русского солдата. Мама его опознала и увезла хоронить домой. Очень часто мамы сами находят захоронения и увозят погибших сыновей домой. Возможно, что Саша Пыленок был расстрелян нашими же вместе с пленными чеченцами, поэтому и оказался в одной могиле с ними. Я видела его череп убит в затылок, но видно, что над ним сначала долго издевались.

- Вы были и в Чечне. Что там сейчас?

- Мы были в Ханкале в тот день, когда объявили об отставке Лебедя. Матери сразу же в плач: ждали нападения чеченцев, и что они теперь будут расстреливать пленных. Зачем им старые, новых наберут, если снова война. В Ханкале многие казармы уже разрушены, бери ее голыми руками, наших войск почти нет.

- Как вы думаете, долго ли еще будет идти работа по опознанию погибших?

- Полковник Щербаков может установить личность не более одного-двух в день, а там еще более пятисот неопознанных погибших.

- Как ускорить процесс возвращения российских пленных?

- Надо немедленно объявить всеобщую амнистию. Простить всех участников этой войны. Иначе многие из плена не вернутся никогда.

... Фамилии погибших нижегородцев, личности которых удалось установить комитету солдатских матерей, в официальный список погибших, представленный департаментом по делам военнослужащих и военно-мобилизационной подготовке, не внесены. Главный специалист департамента И.Олейников сообщил вашему корреспонденту, что пока нет официальных документов, удостоверяющих факт их гибели.

27. В ЖЕРТВУ КОНСТИТУЦИИ

Страшную весть получила из Чечни семья наших земляков Дмитриевых: погиб их сын Дмитрий. В свидетельстве о смерти причина ее была указана так: "Одиночное ранение груди и живота с повреждением внутренних органов". Райвоенкомат по просьбе

родителей сделал запрос в воинскую часть, где служил их сын, но никаких подробностей не получил. Родители похоронили сына. Уверенные что он погиб за Отечество, выполняя свой конституционный долг, как им говорили сопровождавшие гроб с телом офицеры.

И вдруг Дмитриевы получают письмо из Буденновска от председателя местного комитета солдатских матерей Л. Богатенковой. Совершенно случайно она оказалась в воинской части, где служил Д. Дмитриев, и знает об обстоятельствах его гибели.

Невероятно, но Дима был убит ... в столовой. И не чеченскими сепаратистами, как сейчас принято называть бандитов.

Л. Богатенкова написала все, что ей удалось узнать:

"Диму послали в наряд в столовую. Работы было много, и они припозднились, в казарму не пошли, т.к. после 18.00 в городке наступает комендантский час, и они остались спать в столовой. В час ночи в комнату, где они спали вошел пьяный капитан Б.(в письме указана полностью его фамилия и даже домашний адрес), он сделал выстрел вверх и закричал: "Вставать! Второй выстрел делаю на поражение" Ребята стали подниматься, капитан выстрелил второй раз. Дима стал падать, и его подхватил младший сержант Останин. Дима хотел что-то сказать, но захрипел. Капитан Б. вышел из комнаты, вошел майор Халкин, приказал нести Диму в машину. Машина не завелась, перенесли его в другую, но когда Дима был доставлен в госпиталь, он был уже мертв".

Город Грозный, "одиночное огнестрельное ранение..." В эту ночь столовую части боевики Дудаева не обстреливали.

"Рано утром, - пишет Л. Богатенкова, - пришли мы в госпиталь, потихоньку пробрались в комнату, где жил Дима. Подняли простыню - он лежал как живой. Мне стало плохо... В 9 часов утра в комнату, где мы жили, пришел замполит205-й бригады майор Вячеслав Яковлевич Измайлов. Много он не говорил, ведь ему там служить. Привел солдат, сказал, что это свидетели ночного происшествия. Затем положил объяснительные свидетелей и тетрадь, в которой были данные этого капитана и Димы. Стала читать объяснительные, записала данные на диктофон. Попросила солдат рассказать на диктофон все, как было. Они сказали: "Людмила Васильевна, вы уедете, а нам здесь оставаться. Этого капитана оправдают, не первый случай здесь, и все спишут на войну. Напишут домой, что погиб, защищая конституционные права. А если мы будем много говорить, то сами можем оказаться на месте Димы".

Л. Богатенкова описала свои впечатления за 10 дней пребывания в Ханкале:

"То, что мы видели, даже в страшном сне не приснится: дети (солдаты, надо понимать - авт.) оборванные, грязные, вшивые, голодные, избит каждый второй. Наши сыновья брошены на само выживание, мы отдали их на гибель от пьяниц и бандитов, а пьют в Ханкале все контрактники и офицеры. Если там найдется человек десять порядочных офицеров, то это редкость".

Л. Богатенкова передала письмо от солдат в\ч 74814 "Г", которые воюют в Чечне:

"... Мы сейчас здесь заживо гнием. Помните, зимой вы с другой женщиной осматривали нас, тогда в роте с больными ногами было человек10-15. Сейчас весь батальон в каких-то нарывах и язвах. Нам говорят: весна, не хватает витаминов. Какие витамины? Мы уже месяц хлеба не видим, дают гнилые сухари и какую-то баланду.

Раньше мы смотрели фильм про военнопленных и зэков. Сейчас мы в таком же положении. Офицеры и врачи приезжают сюда на 40 дней. Вот эти дна пробухают и покатили домой, а мы здесь никому не нужны.

О выводе у нас только болтают. Ротный сказал: "Мужики, нам быть здесь до дембеля, если доживем". Все бесполезно. Нам он сказал: "Я бессилен. Вызывайте свою Людмилу Васильевну".

Тетя Люда, не надо нам ни одежды, ни деликатесов - мы знаем, как сейчас всем трудно. Если можно привезите зеленку, йод, марганец, мазь от нарывов. И самое главное - что-нибудь от вшей. Они нас прямо съедают. Вши везде - в белье, в матрасах, в одеялах.

Вы у нас последняя надежда. Наши комитеты далеко, а из всех, кто к нам приехал, только ваш буденновский так к нам отнесся по-матерински, и мы получили все в руки. А то приедут, в штабе покрутятся намазанные, двумя пальчиками ложку потрогают и кричат: "Все хорошо".

И самая большая просьба: у нас так и нет почты, передаем письма с кем попало, и не знаем, получают ли дома, и мы уже два месяца ничего не получаем из дома.

Все ребята из 205-й бригады передают вам привет. И ждем вас. Помогите нам, пожалуйста, выжить".

...205-я бригада - та самая, где побывал во время своего короткого визита в Чечне президент России Б.Ельцин. Эта часть считается одной из самых благополучных в группировке российских войск в Чечне. По телевидению мы видели, как ее солдаты и офицеры встречали Б. Ельцина. Наверное, кто-то сгущает краски: или телевидение, или солдаты, написавшие это

письмо.

P.S. Как нам сообщили из комитета солдатских матерей Нижегородской области, мама погибшего выехала в Ханкалу, где состоится суд над убийцей ее сына капитаном Б.

28. РОССИЙСКИЕ ПЛЕННЫЕ: ЗАБЫТЬ ПОСКОРЕЕ?

Для десятков российских матерей день 8 марта - не праздник. Именно в этот день год назад оборвались жизни их сыновей в Чечне. Восьмого марта 1996 года попали в плен к чеченцам и 38 бойцов 15-го блокпоста 166-й Тверской отдельной мотострелковой бригады.

В марте 1995-го в расположении 166-й бригады побывала делегация Нижнего Новгорода во главе с губернатором Б. Немцовым. Привозили подарки, встречались с солдатами. В бригаде было немало нижегородцев, тогда она входила в состав 22-й армии. На днях в бригаде побывала зам. председателя комитета солдатских матерей Нижегородской области Г. Лебедева.

- Галина Федоровна, с какой целью вы ездили в бригаду?

- Надо было узнать, как идут дела по возвращению из плена оставшихся в живых солдат этой бригады, которые попали в плен 8 марта прошлого года на 15-м блокпосту.

- Как вас встретили, и что удалось выяснить?

- Встретили-то нас хорошо, разговаривала с командиром бригады и его заместителем по воспитательной работе, но узнать что-либо почти не удалось. Командиры никак не могли понять, зачем мне это нужно. Пропавших без вести практически никто не ищет. - "Если матери их в бригаду не обращаются, то мы и не ищем", - так мне дали понять командиры. А в бригаде без вести пропавшими считаются 23 человека. На самом деле гораздо больше, потому что, оказывается, в списках, без вести пропавших из состава бригады нет прикомандированных, присланных из других частей.

Сегодня в Чечне, по официальным данным, пропали без вести более 1200 российских военнослужащих. Реально - гораздо больше. Эти 1200 - только те, кто как-нибудь дал о себе знать или о нем знают в части. О многих вообще нет данных, что они в плену, потому что в бой бросали наспех сформированные части из солдат, собранных чуть ли не из всех гарнизонов России. Путаница в документах такая, что сам черт не разберется.

Вряд ли будет исключением судьба, например, сержанта В. Терентьева. По документам, он был отправлен в военный госпиталь Владикавказа и по окончании лечения в часть не возвратился. Командование не знает, где его искать, и в комитет солдатских матерей ответило, что "Сержант Терентьев В.А.

служебно-боевые задачи в Чеченской республике не выполнял", а он, оказывается, давно в плену. Нашла его мама, в одном из горных сел, которой сердце подсказало, что сын в беде.

- Галина Федоровна, а что-нибудь все же известно, по вашим каналам, о судьбе этих 38 солдат из бригады?

- Десять человек из них были расстреляны в августе прошлого года, во время штурма боевиками Грозного. Восемь из этих десяти - опознаны. Еще десять человек сумели вырваться на свободу, их адреса мне дали в бригаде. Если бы удалось списаться с ними, тогда эта ужасная страничка чеченской войны была бы восстановлена.

- Еще в прошлом году ходили слухи, что этот блокпост был кем-то предан чеченцам, или даже пропит...

- Каким-то чудом капитан Владимир Бараненко переслал жене из плена письмо.

Вот выдержки из него: "Вы, наверное, слышали новости по телевизору, что блокпост офицеры пропили и продали за 6 тысяч долларов... У меня такое ощущение, что блокпост был продан, только кем, это пока неизвестно..."

Из письма капитана В. Бараненко следует, что блокпост был действительно предан кем-то из своих. Домой он не вернулся, был расстрелян чеченцами.

Судьба остальных солдат этого блокпоста остается неизвестной. Скорей всего, они в плену. В комитет солдатских матерей недавно приезжала мама одного из солдат, она побывала в Чечне, где искала своего без вести пропавшего сына. Рассказала, что там в каждом селе по несколько десятков русских рабов.

- Когда мы были в Ростове-на-Дону, в лаборатории, где ведется опознание погибших русских солдат, - рассказала Г. Лебедева, - нам дали список их останков с приметами. У нескольких человек нашли жетоны, по ряду признаков мы определили, что они из 166-й бригады. В штабе во время этой встречи так и не удалось найти списка солдат с номерами этих жетонов. Вспомнили, что отдали их перед поездкой в Чечню какому-то прикомандированному старшине, а где он сейчас - никто не знает. В бригаде вообще нет никаких документов, которые могли бы раскрыть судьбу 15-го блокпоста. Этим делом будто бы занималась военная прокуратура Северокавказского округа, но результатов расследования в бригаде не знают.

- А вообще в бригаде делают ли что-нибудь, чтобы вернуть своих солдат из плена?

- У меня осталось ощущение, что командование хочет только поскорее забыть все, что связано с чеченской войной. Живут совершенно без денег, все заботы у командования - как выжить

живым после этой войны. А поиски пропавших без вести - лишняя головная боль.

... Можно еще как-то понять, почему после Великой Отечественной было столько пропавших без вести: огромные масштабы войны, окружения, отступления, всеобщая неразбериха, но в наше-то время... После той войны поисками без вести пропавших солдат занимались в основном пионеры-следопыты, после этой - одни матери.

29. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ РЯДОВОГО КОКУРИНА

С хорошими вестями в комитет солдатских матерей Нижегородской области, как правило, не приходят. Вот и сейчас на приеме у зам. председателя комитета Н. Жуковой мужчина, отец солдата Вадима Кокурина. С бедой. История, может быть, и не типичная для российских Вооруженных Сил, но и не настолько редкая, чтобы об этом не было смысла говорить.

Иван Иванович Кокурин о своем сыне Вадиме вынужден рассказывать уже только в прошедшем времени... - После окончания школы сын поступил заочно на радиотехнический факультет МГУ. В школе учился хорошо, сам научился читать в пять лет. А в армию пошел, в общем-то, по моей инициативе. Сказал мне: "Надо, значит надо". У него было слабое зрение, носил очки, да еще плоскостопие. Военком обещал, что служить сын будет в Мулино, у себя в области. Но представитель военкомата на областном сборном пункте не проследил за дальнейшей военной судьбой В. Кокурина и, призванный 27 декабря 1995 года, он уже через несколько дней оказался во Владикавказской мотострелковой дивизии. Откуда прямая дорога в Чечню.

- От него нам было всего одно письмо, - рассказал отец, - И письмо другу.

Родителей обычно солдаты письмами стараются только успокаивать, а вот другу Вадим Кокурин описал свои первые армейские впечатления так: "...Обещают нас закинуть в Чечню, но только через полгода. Знаешь, здесь даже не считаются с тем, хочешь ты служить там или нет, хотя в анкете есть такой вопрос. Погода стоит помягче, чем у нас, снег, например, выпал, только сегодня (7 января - В.К.), но большой, замучились разгребать. Мороз-то здесь небольшой, но ходим-то мы в афганках одних, так что зубы стучат о-го-го как. А шинели пока не разрешают надевать. Все офицеры ходят пьяные почти всегда и, конечно, нас молотят - ходим все в синяках, но это все фигня, конечно. Самый прикол - одеваться за 45 сек. и отбиваться за время, пока спичка горит..."

Второго письма от сына дома так и не дождались, а когда не

пришло поздравление и маме с днем рожденья, встревожились не на шутку. Вадим был обязательным человеком и маму поздравил бы в любом случае. Если бы был жив...

- Так у меня сердце что-то щемило все эти дни... - вспоминает отец Вадима.

Во Владикавказ 1 февраля на имя командира части полетела телеграмма, подписанная военкомом, с просьбой "сообщить местонахождение Кокурина Вадима Ивановича для ответа родителям". Командир части не ответил и на повторную телеграмму такого же содержания, через 3 недели после первой.

А потом, как гром с ясного неба, извещение со штампом воинской части, датированное 8 марта 1996 года: "Кокурин Вадим Иванович, 1977 года рождения, покончил жизнь самоубийством, находясь после излечения в реабилитационном центре Владикавказского гарнизона.

Родители Вадима в самоубийство сына не поверили.

Факт самоубийства военнослужащего в любом случае не мог остаться без следствия. Однако на запросы о результатах следствия родителям не ответили ни из Владикавказской военной прокуратуры, ни из окружной, ни из Главной военной прокуратуры. Не ответили даже из Генеральной прокуратуры России, куда был послан запрос после того, как истекли все сроки ожидания ответов из других инстанций. Глухая стена молчания...

Отец взялся за разгадку гибели сына сам.

- Прежде всего, нас насторожило, - рассказал Иван Иванович Кокурин, что погиб сын 3-го марта и будто бы неделю в части не знали, где он был все это время. Тело нашли вне территории части, где-то в сараях. Когда гроб с сыном привезли домой, мы потребовали вскрытия. Из военной прокуратуры, уже местной был звонок в военкомат, запретили. Хотя, как потом я узнал, запретить вскрывать гроб могла только санэпидемстанция. У нее же оснований для этого не было. Так и осталось непонятным, как и где сын служил в январе и феврале, почему попал в госпиталь, принял ли он присягу, почему столько времени не мог написать домой... Да и был ли он жив все это время?

Неделю гроб стоял в морге. Родители ждали разрешения вскрыть его. Грех держать тело не похороненным столько времени, но после погребения узнать причину смерти было бы почти невозможно. Когда цинковый гроб, наконец, вскрыли, то родители увидели своего мертвого Вадима без глаза, на лбу была ссадина. Акта вскрытия трупа родителям не показали. Они добились повторного вскрытия, уже дома, но и этого акта родителям эксперт показать побоялся.

Если бы солдат действительно покончил жизнь

самоубийством, то, наверное, военная прокуратура не стала бы делать из этого военной тайны.

- Труп сына был высохший - до некуда... - горько вспоминает отец Вадима Кокурина.

Через несколько дней из Владикавказа в Выксу пришел еще один гроб с телом земляка Вадима Кокурина. В извещении о смерти было написано, что он погиб от удара током в ... госпитале. Тело погибшего было обожжено. Родители и этого погибшего солдата не поверили в обстоятельства смерти своего сына. После этого случая несколько матерей, сыновья которых призывались вместе с погибшими, поехали во Владикавказ и забрали своих детей из армии.

Из сослуживцев Вадима, кто мог бы рассказать об обстоятельствах его гибели, найти пока никого не удалось. А через месяц после трагедии в автокатастрофе погиб и командир полка, в котором он служил. Следователь, который вел дело о самоубийстве В. Кокурина вскоре ушел в отпуск, потом дело передали другому. И вот уже скоро год, как тянется эта история.

Может быть, самоубийство было на почве "дедовщины"?

- Вряд ли, - считает отец Вадима, - Если бы его довели до самоубийства "деды", обстоятельства дела не стали бы так скрывать.

Может быть, разгадка всей истории во фразе из письма В. Кокурина: "Все офицеры ходят пьяные почти всегда и, конечно, нас молотят - ходим все в синяках..."

Отец Вадима в свое время отслужил в армии, в Германии.

-Если бы я знал, какой сейчас стала армия, ни за что бы его туда не пустил... - с горечью сказал он.

30. ЗА ПЛЕННЫМ СЫНОМ

По различным оценкам, в плену у Чеченских сепаратистов находится сейчас от 300 до 700 российских военнослужащих. В подписанном президентом России Б. Ельциным и З. Яндарбиевым соглашении о прекращении военных действий был и пункт об обмене пленными. В двухнедельный срок. При штабе объединенной группировки российских войск в Чечне работает отдел, который обязан заниматься возвращением наших ребят из плена. Но многие матери не в силах ждать возвращения своих сыновей из плена, едут в Чечню, чтобы самим выручить их из неволи.

На днях в Нижний Новгород вернулась Л. Антонычева, которая ездила в Чечню за своим пленным сыном.

- Сергея призвали в армию 15 ноября 1994 года, - рассказала Лидия Степановна.

- Сначала ему повезло: попал служить в Москву, в

комендантский полк. Но скоро загноились ноги - "деды" так пинали. Два месяца в госпитале, операция. Утром 13 января 1996 года его выписали, а уже в 16 часов отправили в Мулино, на сборный пункт, а оттуда в Чечню. Ему даже негде было научиться стрелять...

- А там он в какую часть попал?

- В 166-ю Тверскую мотострелковую бригаду, на 15-й блокпост. Всего одно письмо от него получил. Восьмого марта их взяли в плен, 38человек, а нам о том, что сын пропал без вести, сообщили только через месяц. Мы с мужем немедленно вылетели в Моздок. Оттуда напросились доехать с колонной наших войск до Ханкалы, потом в штаб Тверской бригады. В Ханкале мы побывали в штабе нашей группировки, думали хоть что-нибудь узнать о сыне. Ничего там не сказали. Полковник Пилипенко, он как раз главный в комиссии по розыску наших военнопленных, попросил подождать. Ждем, потом он вызывает: "Да. Действительно ваш сын пропал без вести, его данные есть в нашем компьютере". Но это мы и без него знали. На улице разговорились с какими-то чеченцами, они подсказали, где склады 166-й бригады, туда приезжают за продуктами для ее солдат, прапорщик поможет добраться до штаба. Так мы и сделали.

- Как вас встретили в штабе бригады?

- Комбриг рассказал, что в плен их взяли спящими в 3.30 утра, и давай ругаться, что все они пьяницы, сами сдались. Потом офицеры нам подсказали, что есть такой блокпост No1, туда часто приходят командиры чеченцев на переговоры. Спросила командиров, почему нам сразу не сообщили, что сын пропал без вести, сказали, что думали освободить их сами в ближайшее время, но не получилось.

- И вы встречались с чеченскими полевыми командирами у этого блокпоста?

- Сначала познакомилась с Резваном. Он местный авторитет, раньше был директором кирпичного завода, 46 лет ему, три маленькие дочки. Потом через него познакомились с Молди, это комендант Шали. Он успокоил: "Не плач, мать, жив твой сын". Поняла, что он и брал моего сына в плен. Солдат контрактников они сразу в расход, а срочников пощадили. Узнала, что у чеченцев много русских женщин, разыскивающих своих сыновей. Живут у них, стирают, готовят. Живет и мать замполита Майкопской бригады, но ей не знают, как сказать, что сын ее не в плену, а давно погиб.

- Лидия Степановна, а в селах чеченских вы бывали?

- Молди возил меня в горы, были в трех селах. У села Агашты

мне вдруг дают в руки японскую рацию, и я ... слышу голос своего сына. Так мне дали убедиться, что он жив. Но все равно, тянут и тянут... Поразило, что чеченцы очень хорошо одеты, все в новых камуфляжах, лучше наших офицеров. Вернулись в бригаду, как раз туда приехали генералы Тихомиров и Шаманов, я к ним, попросила, чтобы уговорили чеченцев вернуть сына. Они чеченским командирам сказали это, но те все равно тянут. Соглашаются на словах, а на деле ни с места. Поняла там, что у наших военных человеческих контактов с чеченцами нет. Встретила опять полковника Пилипенко, спрашивает меня: "Как дела?" Поняла, что бесполезно его спрашивать о сыне. Наконец в Шали в нашей комендатуре заместитель министра юстиции Чечни сказал, что завтра мне привезут сына. Мы как на иголках сидим, в каждую проходящую машину смотрим, Молди проходу не даем. Встретили Резвана: "Резван, миленький, отдай мне сына, денег дам..." - "Зачем мне деньги, я здесь самый богатый на пять сел". Всегда здесь с нами был и Шарпудди с чеченского телевидения, тоже хлопотал за нас.

- И как вы встретились с сыном?

- Подъехала машина, вывели парня. Худой - кожа да кости, цвет лица землистый, глаза пустые. Со мной сразу плохо стало, валидола таблетку под язык - и как зареву... Одна треть от сына осталось... Стоит молчит. Потом он сказал, что тоже чуть не разревелся, но постеснялся, что кругом много мужчин. Всю ночь мы с ним проговорили, не спали совсем... Все тело у него было изъедено вшами, ноги в болячках, во сне разговаривает. Я его держу за руку: "Сережа, я мама, мама". Я ему масла, кофе, а он: "Хлебца бы". Рассказал, что кормили так: на рассвете три ложки риса и кусочек лаваша, и как солнце зайдет - то же самое, или кормили какой-то шулюмкой из муки на одной воде. Рассказал, что держали их в одних наручниках, прикованными друг к другу и к ножке кровати. Еще он рассказал, что когда его уже везли, чтобы вернуть мне, их машину обстрелял снайпер. Чеченцам это было не нужно... Молди сказал, что как мужчина был обязан сдержать слово и вернуть мне сына.

- А почему чеченцы не вернули его нашим военным?

- Не доверяли они нашим военным. Сыну сказали, чтобы не делал глупостей, бежать не пытался, а мать приедет - отдадут ей.

- И денег с вас не взяли за сына?

- Нет, конечно.

- А полковника Пилипенко видели потом?

- Видели. Он сказал, что это его заслуга, что мне вернули сына. А потом он как стал сына издевательски спрашивать, что, может быть, он мусульманство принял, обрезание ему сделали, я

ему такую истерику закатила... Как так можно издеваться над человеком...

- Как сейчас ваш Сергей?

- Дома пока. Лечится. Несколько дней ничего кроме бульона, не мог есть. Но ему еще три месяца надо дослуживать. После всего пережитого...

31. ОБВИНЯЕТСЯ В ДЕЗЕРТИРСТВЕ

По официальным данным в плену у чеченских сепаратистов сейчас находятся не менее 300 российских военнослужащих. По условиям переговоров с З. Яндарбиевым все они должны быть возвращены через две недели после заключения мира. Как возвращают из плена афганские моджахеды советских солдат, мы хорошо знаем, как старается российское правительство вызволить их из плена тоже.

Неужели и на возвращение этих трехсот уйдут долгие годы...

Вот судьба одного из таких российских солдат, нашего земляка.

Как рассказала его мама в письме губернатору Нижегородской области Б. Немцову, ее Саша был призван в армию в ноябре 1994-го, попал в одну из элитных частей внутренних войск. Служить пошел охотно, мать благословила его на служение отчизне и передала с легким сердцем в руки командиров. У Саши в армии служили отец, дед, прадед, в семье были крепкие и здоровые традиции.

17 апреля 1995 года А. Пыленок в составе части был направлен в командировку в Чечню. За пять месяцев мать получила от сына 2 письма. Не жаловался, писал о друзьях. Мать читала его письма и гордилась сыном. В последнем письме А. Пыленок написал, что скоро их часть вернется к постоянному месту дислокации.

И вдруг как гром с ясного неба. 23 сентября 1995 года к маме Саши пришли военные и зачитали телефонограмму, из которой следовало, что он сам самовольно оставил свою часть и похитил большое количество оружия. В отношении него возбуждено уголовное дело, сам А. Пыленок объявлен в розыск.

С трудом оправилась Марья Сергеевна от такого удара. Не поверила. Потому, что хорошо знала своего сына: не мог он стать дезертиром. Начала звонить в часть, писать командирам.

Командиры ответили: "Есть все основания полагать, что ваш сын действительно совершил тяжкое преступление. Установлено, что он неоднократно оставлял боевые позиции, ходил в близлежащую деревню, где вступил в преступный сговор с одним из местных жителей. В обмен на продукты носил ему патроны. Тот в свою очередь, интересовался и оружием. Воспользовавшись

моментом, ваш сын похитил оружие и исчез". Подписал врио заместителя командира войсковой части 3111 по работе с личным составом В. Кондрашов.

Врио командира войсковой части 3500 О. Борукаев тоже не стал щадить материнских чувств: "Со всей уверенностью вам заявляю, что рядовой Пыленок А.А. совершил дезертирство и прихватил при этом целый арсенал оружия. Вся часть в течение недели вела его поиск, но безрезультатно. По факту ухода возбуждено уголовное дело. К этому преступлению ваш сын шел в течение месяца. В ходе служебного расследования удалось выяснить, что он неоднократно оставлял боевую позицию и спускался в деревню. Там он вступил в преступный сговор с одним из местных жителей. Носил ему патроны в обмен на хлеб и овощи. Этот житель неоднократно интересовался оружием. Пользуясь доверием и бесконтрольностью со стороны командиров, ваш сын похитил оружие и исчез. Если он еще жив, то рано или поздно попадет в руки правосудия, а если его нет в живых, то винить он может только себя. Причин чтобы оставлять часть, не было. Если он появится дома, то только добровольная явка в органы правосудия, чистосердечное признание может облегчить его участь".

Мария Сергеевна не поверила и, возмущенная, что до решения суда, только по факту исчезновения сына его уже объявили дезертиром и, следовательно, преступником, решила провести свое, материнское расследование. Дома продали все, что можно, собрали денег, и мать отправилась в дальний путь, в Чечню.

В расположении части М. Пыленок встретилась с солдатами и офицерами, которые хорошо знали ее сына. Вот какие подробности происшедшего ей удалось узнать.

20 сентября 1995 года часть находилась в Ножай-Юртовском районе. Примерно в 20 часов 45 минут Александр Пыленок, одетый легко, вышел из солдатской палатки по нужде. Его видел и разговаривал с ним дневальный. Он был последний, кто видел А. Пыленка. Через 20 минут роту подняли в ружье по тревоге. При проверке А. Пыленка в строю не оказалось. Не хватало и оружия: двух автоматов, гранатомета с двумя снарядами, винтовки с оптическим прицелом, двух подствольников и 120 патронов. Однако автомат А. Пыленка был на месте, в палатке.

Из разговоров с офицерами М. Пыленок поняла: они сами не верят, что ее сын мог незамеченным выйти из палатки с таким количеством оружия, тем более что в палатке он был не один. В части до этого случая А. Пыленок характеризовался только положительно. У него действительно, как пишет его командир, не

было повода дезертировать, тем более за несколько дней до вывода из Чечни. Версию, что он мог быть похищен чеченцами, очевидно даже не рассматривали.

Мама А. Пыленка поехала за правдой в Москву. И услышала обвинения, что она плохо воспитала своего сына, что он дезертир. От матери потребовали немедленно сообщить о... местонахождении сына.

Предположения о совершении А. Пыленком каких-либо деяний не дают основания считать его виновным - эту простую истину, казалось бы, все должны понимать.

Восемь месяцев судьба рядового А.Пыленка была неизвестна. Последний раз его случайно видели (узнали по фотографии) сотрудники телепрограммы "Времечко" в селе Морзой-Мохкт Ножай-Юртовского района. Он находился у одного из самых непримиримых полевых командиров Абу Хамзатова. Об этом человеке известно, что если другие командиры боевиков возвращают матерям пленных ребят, то этот - никогда. Наоборот, уже были случаи, когда матери становились жертвами этого человека. Кстати об этом маму Саши предупредили сами чеченцы, когда она пыталась искать своего сына.

Вот вам еще одна страничка ужасной чеченской войны... Которая еще неизвестно когда и кем будет перевернута.

Вместе с мамой А. Пыленка с письмом о помощи обратился к губернатору Б. Немцову и комитет солдатских матерей Нижегородской области. Они просят оказать личное воздействие в розыске и возвращении А. Пыленка.

32. ПО БУМАЖКЕ ОН ЖИВОЙ

Вот и отшумела праздничным салютом очередная годовщина Победы. Ветераны, для которых война закончилась 51 год назад, повесили свои костюмы с очередной медалью в шкафы. А их внуки продолжают воевать. И гибнуть каждый день.

Когда Любовь Ивановна Тумаева получила известие, что ее сын ранен в Чечне, тут же начала его поиски. Сколько было междугородних звонков в госпитали Моздока, Ростова-на-Дону, она сбилась со счета. Потом вдруг выяснилось, что ее Сергея в госпиталях, где лечатся раненые в Чечне российские солдаты, нет. Вместо него был записан другой, с похожей фамилией. Потом матери сообщили, что рядовой С. Тумаев пропал без вести 8 января 1995 года. Это было во время самых тяжелых боев Грозном.

Л. Тумаевой удалось разыскать однополчан Сергея, которые к тому времени уже демобилизовались. Она не знала, что ее сын попал в Чечню, ни одного письма от него оттуда не было. Он служил в элитном 137-м воздушно-десантном полку в Москве.

Первым откликнулся однополчанин Сергея Тумаева из Саратовской области. Он рассказал, что 28 ноября 1994 года их часть была приведена в боевую готовность, а 30 ноября их перебросили во Владикавказ. На Грозный десантники двинулись 10 декабря. В первый бой вступили под Асиновской. "Было трудно, но мы не вешали головы и продвигались вперед", - пишет Ю. Хазин. Описал в письме, как они уничтожили 3 автомашины с боевиками, как отбивали у бандитов ферму, прикрывали продвижение своих колонн. "Вертолеты и машины десятками увозили убитых и раненых, пишет он. - Но мы радовались победам". В январе 1995 года их часть вступила в Грозный.

Утром в тот же день, 8 января, Сергей выглядел поникшим. То ли не выспался, может быть, что-то, и предчувствовал. Он был молчаливым и безразличным", - пишет матери его друг.

Ю. Хазин подробно описал последний день жизни С. Тумаева: "Мы рванули бегом через площадь и скрылись в подвале. Обстрел был такой, что казалось все здание обрушится на нас, все ходило ходуном. Вторая группа, где был Сергей, вышла на связь: ждут конца минометного обстрела. Потом связь с группой прервалась. Через некоторое время другая группа десантников сообщила по рации, что их накрыло минами. Операцию отменили, и мы вернулись".

Ю. Хазин описал место гибели С. Тумаева: "Месиво грязи, крови, останков человеческих конечностей и одежды". Останки собрали для опознания. "Всех узнали сразу, кроме троих, потом еще двоих опознали. Один остался неизвестным. Тело его полностью обгорело, за исключением клочка на спине, пишет Ю. Хазин. - В обгорелых остатках одежды мы с Валерой нашли кусок свитера Сергея. Череп обгорел. Узнали Сергея и по отколотому зубу, была у него такая примета".

Солдаты сообщили об этом офицерам, но начмед части ответил, что С. Тумаева одним из первых отправили в госпиталь, он сам это видел. Потом офицеры и старшина роты долго искали Сергея по госпиталям. Оказалось, что в госпиталь поступил солдат с похожей фамилией. Его и приняли за С. Тумаева. Когда разобрались, офицеры записали его не погибшим, а пропавшим без вести.

Получила мама Сергея и письмо от второго его друга. "Заранее извините, но хорошего я не напишу", предупредил В. Афонченков из Смоленска. Он тоже описал последний день Сергея. "То, что мы видели, ни в одном фильме ужасов не увидишь, - пишет В. Афонченков, - мы его опознали с Юрой Хазиным, но медик, узнав об этом, стал кричать, что его отвезли в госпиталь".

Друзья С. Тумаева уверены, что останки его отвезли на Алтай, приняв за другого солдата. Его похоронила чужая мать. В плен попасть он не мог, считают друзья, потому что вокруг были свои.

"Сергей погиб, и мне больше нечего сказать" - это последние строчки письма В. Афонченкова его маме.

По имеющимся документам, С. Тумаев, тем не менее, все равно считается пропавшим без вести, то есть, возможно, живым. Не могли разобраться в этой жуткой истории в военной прокуратуре, и мама С. Тумаева сейчас вынуждена добиваться юридического признания факта гибели своего сына через суд. Как трудно изменить однажды записанную строчку в бумажке... Нет, оказывается, механизма, объяснили маме Сергея Тумаева, по которому бы ее сын был признан погибшим.

Еще один абсурд абсурдной чеченской войны...

33. СОРОК ДНЕЙ ЛЕЖАЛ В ОВРАГЕ. НУЖНЫЙ ТОЛЬКО МАТЕРИ

Когда шла война в Афганистане, советские солдаты, ее участники, нередко слышали от бюрократов: "Я вас туда не посылал", когда пытались добиться положенных правительством льгот. То время и его бюрократический аппарат давно всеми осуждены. Но вот новая война, чеченская, изменилось ли хоть что-нибудь? Почти сразу же после ее начала президент, и правительство приняли немало указов для обеспечения льгот ее участникам и родителям погибших российских солдат.

"Быстрей уйду, быстрее вернусь", - вспоминает Лидия Ивановна Гущина слова своего сына Володи, фрезеровщика автозавода, когда он получил повестку в армию. "Вот и вернулся..." - говорит она, с трудом сдерживая слезы.

Рядовой В. Гущин погиб в Чечне 11 января 1995 года. Его мама узнала об этом не сразу, но материнское сердце подсказывало, что с ним что-то случилось. Всего одну открытку получила она от сына из Чечни. Решила ехать, узнать о нем самой.

Сначала В. Гущину вроде бы повезло: служить попал в Кантемировскую дивизию. Правда, военному делу учиться не пришлось: пол года простоял дневальным у тумбочки, потом болел воспалением легких. Парень был рослый 185 сантиметров. Вместо стрельб солдаты занимались уборкой капусты на подмосковных полях, потом работали на какой-то стройке. Перед новым, 1995 годом такие вот солдаты оказались в Чечне. В. Гущин по штатскому расписанию числился водителем в танковом батальоне. Хотя водительских прав получить ему было негде - ни на гражданке, ни в армии.

Месяц пробыла в Чечне Лидия Ивановна Гущина, искала следы сына. Сначала в штабе полка, где он служил, ей дали бумажку, что сын ее жив. Потом, когда мать проявила настойчивость, командиры сказали ей, что сын ее пропал без вести. Наконец, один из солдат на фотографии узнал В. Гущина и рассказал, что он погиб еще в январе. Когда БТР из их роты попал в засаду. Погибли все трое.

- В части, где служил сын, - рассказывает Лидия Ивановна, - я с ужасом поняла, что никто из командиров даже не предпринимал попыток выяснить обстоятельства гибели этой группы, найти их тела. Проще всего было сообщить, что пропали без вести. Что они и сделали.

Месяц мать искала место гибели своего сына. Как будто чувствовала, что он еще лежит там.

- В поселке Старый Горгаз под Грозным местные жители рассказали мне, что здесь в овраге сорок дней лежали, чуть прикопанные, тела троих русских солдат, - говорит Л. Гущина. - Сколько раз люди обращались в комендатуру, чтобы приехать и забрать их - ноль внимания. Потом уж Иван Бутырин, местный житель, остановил какой-то проходящий бронетранспортер, и на нем убитых отвезли в Моздок.

Всего несколько дней не хватило матери, чтобы самой найти своего убитого сына...

- Из Моздока, там тела убитых лежат в холодильнике, сына отправили в Ростов, - рассказывает Л. Гущина, - там я его и опознала. Похоронили его только 21 апреля.

Это больше трех месяцев после гибели...

- Не могу понять, как они могли на мой запрос о судьбе сына ответить, что он жив, спустя столько времени после его смерти... - говорит Л. Гущина.

В августе 1995 года Л. Гущина подала иск на Министерство обороны о возмещении морального и материального ущерба в связи с гибелью сына. Краснопресненский суд Москвы, по месту нахождения Министерства обороны, иск не принял. И объяснил матери, что за гибель ее сына должен отвечать... военкомат по месту призыва. Подала кассационную жалобу на этот ответ в Московский городской суд - ее оставили без удовлетворения. Маме объяснили, что ущерб ей был причинен в связи с призывом ее сына на службу в армию, стало быть, и отвечать должен военкомат, а не Министерство обороны.

Л. Гущина подала в суд на часть, в которой служил ее сын, на командование Кантемировской дивизии. Представитель части остроумно ответил, что ее сына они отправляли не в Чечню, а на сборный пункт в Таманскую дивизию, поэтому и их вины в гибели

В. Гущина нет. Между тем по уже существовавшим тогда законам В. Гущина отправлять в Чечню без его согласия и учитывая его семейное положение, не имели права. Суды фактически взяли сторону армии, а не закона. В Московском городском суде Л. Гущиной два раза отказывали в иске.

- В Чечне мы объехали всю округу - никто из военных и пальцем не пошевелил, чтобы нам помочь, - рассказывает Лидия Ивановна Гущина. Жизнью я не дорожу, она мне не нужна, вот и хожу, нервы мотаю по судам. Если бы все матери так же ходили, война бы давно кончилась.

Л. Гущина хочет доказать, что в гибели ее сына виноват не Автозаводский райвоенкомат, а Министерство обороны и правительство, отвечающее за политику на Кавказе. Впрочем, судилась она и с Автозаводским военкоматом, чтобы тот, как это положено по закону, оплатил расходы на похороны. Этого удалось добиться через год после гибели сына.

За полтора года войны в Чечне уже погибли десятки нижегородцев. Задаю вопрос Н. Жуковой, заместителю комитета солдатских матерей Нижегородской области:

- Есть ли примеры в нашей области, когда бы положенную по закону компенсацию за гибель сына выплатили полностью?

- Ни одного, - был твердый ответ.

34. ВОЙНА, НАВЕРНОЕ, ЗАКОНЧИЛАСЬ. НО НЕ ДЛЯ ПЛЕННЫХ

Из командировки в Чечню вернулись члены комитета солдатских матерей Нижегородской области Н. Жукова и Г. Лебедева.

- Наталья Станиславовна, как вы добирались до Чечни?

- Выехали мы 8 августа поездом до Минеральных Вод, потом электричкой до Моздока. Там уговорили вертолетчиков взять нас с собой до Ханкалы. Летели вместе с контрактниками, они все пьяные в дугу. На нас с такой бравадой: "А вы зачем в Чечню?" - "А вы зачем? - отвечаем. - Убивать очень хочется или быть убитыми?" Потом этих контрактников всех отправили обратно. Как ни просились в Ханкале взять нас с колонной в Грозный - ни в какую, дорога так обстреливалась, что носа не высунешь. В Ханкале переночевали в вертолетном полку. Всю ночь - стрельба, бухает тяжелая артиллерия, "Грады" стреляют так, что вагончик подпрыгивает, сполохи по всему небу, слева Аргун горит, справа - нефтехранилища в Грозном. В Ханкале к штабу нас не подпустили даже близко. Потом все же направили в казарму, где разместились матери, разыскивающие своих детей. Многие живут здесь давно, со всей страны. Такое рассказывают жутко слушать. Обменялись фамилиями, фотографиями, разыскиваемых солдат.

- Главной целью вашей поездки были поиски наших пленных солдат...

- Да, но уж очень большую задачу мы перед собой поставили: разыскать более ста человек. Никто из командиров, с кем мы встречались, толком не знают, где наши части стоят, да еще эта вспышка военных действий... Из 245-го мотострелкового полка 27 человек в плену. Пленные из этого полка практически брошены на произвол судьбы, из 166-й мотострелковой бригады - 42 человека в плену, в том числе 7 нижегородцев.

- Вам удалось побывать в этой мотострелковой бригаде?

- Ездили туда, она стояла в это время под Шали. Встретили там нас очень плохо, чуть не под конвоем водили. Боевых действий в эти дни бригада не вела, обеспечивала в поле встречу Лебедя и Масхадова. Встретились с врио командира бригады полковником Переслегиным, представились, сказали, что мы по делам пленных. Ответил он так: "Я за них ржавого гвоздя не дам".

- Почему?

- В бригаде считают, что в плен на том блокпосту в марте нынешнего года попали по пьянке. Хотя это не так. У нас есть письмо от одного из пленных офицеров, он рассказал, как все было на самом деле.

- А живы ли эти наши пленные?

- Когда мы встретились с заместителем главы администрации Шали и показали фотографии этих пленных, он сказал, что они живы. Потом мы узнали, что чеченцы расстреляли десять наших солдат. Эти пленные были у самого Масхадова. Расстреляли и офицера переславшего письмо. Не знаю, как рассказать об этом его жене...

- А с Лебедем, случайно, не удалось встретиться?

- Окружение Лебедя уводило его от нас кругами. И из бригады нас приказали срочно вывезти вертолетом в Ханкалу. Мы поняли, что у командира 166-й бригады и чеченцев из Шали хорошие отношения, они могли бы нас свести с полевыми командирами в Чечне.

- Как работает в Чечне комиссия по розыску и обмену военнопленных?

- Их две, от федеральных и внутренних войск. Как работают: собирают сведения о пропавших без вести у мам. Из Ханкалы никто из комиссии не выезжает. Федеральная служба безопасности, похоже, работает только с теми, кто уже как-то вырвался из плена, - тоже не помощники.

- Так что же реально делает эта комиссия по розыску военнопленных?

- Возглавляет ее полковник Бенчарский. У него такой ритуал:

каждый день в 16 часов выходит из штаба к мамам и сообщает, что ничего нового нет, но как только что-то узнает, сообщит. Мамы в сотый раз рассказывают ему про своих сыновей. Это общение армии с родителями очень похоже на политинформации. Однажды нам сказали, что мы плохо воспитали своих детей, раз они не пишут столько времени. Мамы в эту комиссию по розыску не верят, но все равно оттуда не уходят.

- А сколько же всего, по данным комиссии, наших солдат в плену?

- Сколько точно, сказать нельзя, не меньше тысячи. Эта комиссия по розыску пленных - для галочки, буфер между штабом группировки и родителями. Если пленных и возвращают, то в основном сами мамы. А потом военные записывают их на себя.

- У вас были встречи с чеченцами?

- Конечно. Когда нас вывезли из Шали в Ханкалу, мы все же решили ехать туда снова. Каждый день пока мы были в Ханкале, оттуда вылетали по 5-6 вертолетов с убитыми солдатами, до 60 трупов в каждом вертолете. Поехали из Моздока на автобусе через северные районы Чечни. Через 11 блокпостов. На одном из них солдат проверил наши документы и попросил выйти из автобуса. Мы думали, что задержат, а он вдруг говорит: "Делайте же хоть что-нибудь, чтобы эта война закончилась!" Чеченцы молодежь, на нас смотрели косо, но агрессивности мы не чувствовали. Чеченцы часто давали нам понять, что они в этой борьбе правы, давали нам почувствовать свое превосходство. Рассказывали, например, вот такую легенду: два русских батальона всю ночь лежали в грязи, а перед ними гулял осел с привязанным магнитофоном, откуда доносились крики: "Аллах акбар!"

- Как ваша женская интуиция подсказывает: кончилась ли война?

- Война, наверное, кончилась. Но, не для пленных. Генералы не навоевались - однозначно, и еще бы повоевали. Встретились с одним старшим лейтенантом из Шумиловской бригады - Лебедя ругает, на чем свет стоит, что не дал добить боевиков. А у самого в роте всего 14 солдат осталось. Самое страшное, что выведут войска - и никто пленными заниматься не будет. Да и не отдадут их чеченцы даром: столько мы там всего разрушили. Пока не будет объявлена амнистия всем - и пленным, и чеченцам, пленных они не вернут.

- То есть чеченское эхо будет еще долгим...

- Скоро будет обвал трагедий в семьях: начали работать эксгумационные команды. Всех эксгумированных отвозят в Ростов-на-Дону, мы там были, в лаборатории, где проводят

опознание. До 40 процентов, как нам там сказали, погибшие не опознанные. Да и как можно опознать, если много обгоревших обрубков, без головы и ног. Есть и такие, чья личность установлена, но матери их не забирают: не верят, что это их сын! Ведь только на конец 1995 года было 10 тысяч погибших солдат, а, сколько мирных жителей - не знает никто.

- И все-таки, какой главный итог вашей поездки в Чечню?

-Двоих ребят нам удалось демобилизовать прямо на месте, о семидесяти узнали, они были точно живы на 16 августа.

35. ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

В четверг 14 марта 1996 года, на девятый день после того, как в Грозном погибли 10 офицеров-нижегородцев специального отряда быстрого реагирования РУОПа, помянуть их приехали на кладбище родные и товарищи.

Гнетущая тишина под ярким мартовским солнцем стояла на кладбище в Марьиной роще. Семь свежих могил, укрытых венками. На больших фотографиях молодые, красивые лица. В этих могилах мог бы лежать любой из сотрудников РУОПа. Судьба распорядилась по-иному. Выплаканы глаза у матерей и вдов, мужчины с трудом сдерживают слезы...

Как это все случилось? Пока ясной и полной картины трагедии 6 марта нет. Подробный отчет и выводы будут готовы через несколько дней. Генерал И. Кладницкий и его заместитель В. Пронин смогли рассказать о случившемся лишь в общих чертах.

Отряд прибыл в Грозный 6 февраля, до конца командировки оставалось 10 суток. В его составе был 21 человек, все мастера своего дела, много раз участвовавшие в захватах вооруженных преступников. Задача отряду была поставлена такая: зачистка Грозного от преступных элементов. В Грозном в это время было семь специальных отрядов быстрого реагирования из различных регионов страны, каждый из них дислоцировался при комендатурах. Нижегородцы работали в Старопромысловском районе города.

До 6 марта обстановка бала относительно спокойной: дудаевцы стреляли, но в основном по ночам. Кто из высшего начальства отдал приказ снять с окраин Грозного блокпосты и вывезти за его пределы подразделения федеральных войск, пока неизвестно. Бандиты этим умело воспользовались: в город практически беспрепятственно их проникло несколько сот человек.

- Бой начался около 9 часов утра, - рассказывает В. Пронин, - один из СОБРов попал в засаду, потом запросили помощи от Перми и Кургана. Бандитов было в 10-15 раз больше, чем наших.

Плотность огня была ужасной. Наши пошли на помощь на четырех бронетранспортерах, еще на двух - отряд из Чувашии. Бандиты засели в пятиэтажных домах, расстреливали наших сверху.

Четыре часа шел бой, и все это время наши просили помощи у армии и у внутренних войск. Подошла только одна БМП внутренних войск. Отряд нижегородцев был блокирован под кинжальным перекрестным огнем. Дудаевцы применяли и "шмели", которые в российской армии еще большая редкость. Двое нижегородцев, оставшийся в живых, были ранены именно этим оружием. Изготовленным на российских заводах, руками русских же рабочих. "Шмель" это огнемет вакуумного взрыва. При попадании такого снаряда в помещение там выгорает все мгновенно.

Только вечером подошла, наконец, помощь - несколько танков. Вынести ночью убитых и тяжелораненых с открытой местности не было возможности, это сделали только утром следующего дня, и то благодаря армейскому лейтенанту, который согласился дать три танка для прикрытия. В этом бою мог погибнуть весь отряд, остальных спасли бойцы СОБРа из Томска, прикрыв их огнем.

Ночью умерли, истекая кровью, те, кто был ранен. Кого-то, наверное, добивали бандиты. С убитых они сняли оружие и бронежилеты, обшарили карманы.

Вопрос, почему находящимся под убийственным огнем офицерам не помогла армия с ее тяжелым оружием, надо задавать высшему командованию.

- Пожалели танки, - считает генерал И. Кладницкий, - хотя у дудаевцев тут сильных противотанковых средств и не было. Отряду были поставлены задачи, которые он по своей специфике и не должен выполнять. Если штурмовать дом, то, как же можно действовать без вертолетной поддержки, артиллерии, разведки.

До 70 процентов составили потери СОБРов в Грозном в эти дни. Там был цвет, элита МВД.

- Мы еще к июню прошлого года могли бы покончить с бандитизмом в Чечне, - считает генерал И. Кладницкий, - За три месяца командировки (генерал И. Кладницкий командовал тогда сводным отрядом МВД) для этого были созданы все предпосылки. Внезапно получили приказ свернуть подготовку. Начался переговорный процесс...

Как объяснить вдовам и детям погибших, за что погибли их мужья и отцы? Кто ответит за то, что люди были фактически подставлены, обречены на уничтожение? Кому-то, очевидно, было очень надо, чтобы кровь разделила армию и МВД, посеяла между

этими силовыми структурами недоверие.

... Когда сестре погибшего старшего лейтенанта Алексея Кудрявцева сообщили о гибели брата (он сирота), она так зарыдала, что и собака, будто почуяв, что хозяина уже нет в живых, жутко завыла на весь дом.

36. ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ОСАДЫ В ГУДЕРМЕСЕ

В числе тех, кто накануне Нового года оказался блокированным боевиками Дудаева в Гудермесе, был и отряд Волго-Вятского управления внутренних дел на транспорте. Ваш корреспондент встретился с его майором милиции В. Мозолькиным, только что вернувшимся оттуда.

- Владимир Викторович, зона ответственности вашего отряда была...

- Участок железной дороги от Гудермеса до Хасавюрта, мост через Сунжу. В отряде был 21 человек, все, кроме меня, в Чечне были впервые. Кроме нашего, в Гудермесе оказались еще отряды из Москвы, Мордовии и Чувашии.

- Какой была обстановка до того, как вы попали в осаду?

- Днем - спокойно, а по ночам нас обстреливали из гранатометов. Ответного огня мы не открывали. Днем в городе часто можно было встретить чеченцев с автоматами. Мы их останавливали для проверки документов, но не задерживали: такой приказ. Хотя все они были с зелеными повязками на головах, и автоматы на веревках. Когда я там находился в мае, порядка было больше, с оружием чеченцы не ходили, в декабре же - беспредел. В Гудермесе есть районы, куда мы и не совались. Да и в Грозном окраины контролируются дудаевцами полностью. Проехать боевикам в Гудермес и провезти оружие - не проблема, хотя блокпосты на дороге есть. Нас, когда мы туда ехали, проверяли из чеченского ОМОНа, все они были с зелеными повязками.

- Как вы оказались в осаде?

- Утром 14 декабря, только закончилась молитва, ее хорошо было слышно по громкоговорителям, нас обстреляли из гранатометов. Потом начался автоматный и пулеметный огонь. Окружили нас полностью. Укрылись мы не в здании вокзала, как об этом сообщали по радио, а в хладокомбинате. Было нас 130 человек плюс еще 10 гражданских проводников и 12 солдат, сопровождавших грузы. Вагоны, в которых мы располагались, сожгли на второй день. Хорошо, что вовремя успели перенести в здание хладокомбината боеприпасы и продовольствие. Был и запас воды. Когда она кончилась, стали собирать снег. Обстреливали нас очень интенсивно, в том числе и из минометов. Против нас действовало около сотни чеченцев, мелкими

группами. Иногда они подбирались и на 15 метров.

- Вы не пытались вырваться из окружения?

- А куда? Нас бы перебили как куропаток. Из комендатуры на станции попытались вырваться - 32 человека попали в плен. Чеченцы полностью блокировали 33-ю бригаду внутренних войск, она потеряла 20 человек убитыми и 4 бэтээра. Потом когда все закончилось, мы узнали, что в тот день в Гудермес вошли 800 боевиков, а всего их было там до 2,5 тысячи.

- У вас была связь? Просили помощи?

- Была радиосвязь с бригадой внутренних войск и комендатурой. Когда было очень тяжело, просили поддержку вертолетами, но нам ответили, что нельзя - боялись потерь местного населения. Хотя все давно отсюда ушли. Один раз вынуждены были вызвать на себя и огонь артиллерии. Слушали радио и удивлялись: нас атакуют, а сообщения - что в Гудермесе выборы проходят нормально.

- Вам предлагали сдаться?

- Два раза выходили их парламентеры с белыми флагами. Да и так то, и дело кричали: "Аллах акбар! Сдавайтесь!" Мы отказывались, тогда сразу начинался плотный огонь. Против нас воевала личная гвардия Масхадова, "белые орлы".

- Потери, какие были?

- Убили парня из Москвы, у нас в отряде двое раненых и шестеро контуженных. Одному оторвало руку, так он с нами и сидел все время. Тяжело раненых из всего отряда в 130 человек было 4-5 и 18 легко. Медикаменты и врач были. Восемь человек были ранены, когда по нам стали стрелять ракетами. Еще 4 дня мы бы продержались... Сначала мы и не ждали помощи, знали, что в Чечне, да и везде идут выборы. Но вот числа 19-го... Ругались, конечно, что помощь не идет. Наших видели издали, на сопках, с танками.

- Как вас деблокировали?

- Утром 22-го, когда обстрел прекратился, послали женщин-проводниц на разведку. Выяснилось, что никого уже нет, боевики ушли. А потом и наши появились на бронетранспортерах. Осталось впечатление, что наши ждали, когда чеченцы сами навоюются и уйдут.

- Вы и ваши люди понимали, за что воюете?

- Нет. Главное было - остаться в живых.

- Как, по-вашему: можно там все же навести порядок?

- А там никто и не хочет его наводить.

37. КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК No...

- Сергей вставай, мы в плену.

- Какой еще плен? Чего ты гонишь? - Контрактник Сергей

Бузенков с трудом продрал глаза и ему в лицо уткнулся ствол автомата. Хозяин его, бородатый чеченец в снаряжении рейнджера, недвусмысленно передернул затвор.

Стояла черная чеченская ночь 8-го марта 1996 года. Впереди была почти верная смерть, а позади - далекая мирная жизнь, несладкая и бестолковая.

Отслужив срочную в стройбате, Сергей Бузенков вернулся в родное село, но его руки тракториста были никому не нужны. Промотался полгода, срывая кое-где шабашки, но разбогатеть не удавалось. Некуда было бедному крестьянину податься, так и пришлось идти в военкомат, проситься снова в родную Российскую армию.

В начале февраля 1996-го его направили в 166-ю Тверскую мотострелковую бригаду, а уже 13-го он оказался в Чечне, в числе нескольких десятков таких же, как он, кто решил с помощью войны решить свои мирные проблемы.

- Бригада стояла у Шали, - начал свой рассказ Сергей, - нас занесли в списки, выдали оружие и отправили на 15-й блок пост, который контролировал у села Мискер-юрт дороги на Ростов, Шали и Хасавюрт. Было нас 38 человек, в том числе два капитана и два лейтенант, танк Т-80 почти без горючего и три БМП, из них одна не на ходу.

- В чем заключались ваши обязанности, Сергей?

- Должны были досматривать машины. Боеприпасов хватало, а вот с питанием было плохо. Хлеб и консервы привозили раз в десять дней, поэтому мы ходили в село на рынок, где брали продукты.

- А деньги где находили на это?

- "Бабки" снимали с проезжающих чеченцев.

- Как это "снимали"?

- Просто. Машину остановим и берем тысяч по пять-десять. Если не останавливается - стреляем в воздух.

- И как к вам тогда относились чеченцы?

- Нормально. Один раз только была неприятность: ехал автобус с зашторенными окнами, не остановился и один из наших дал очередь. Ранил маленькую девочку, в ноги попал. Чеченцы долго его искали, пришлось парню уезжать домой.

- Предлагали ли чеченцы продать им оружие, патроны?

- Зачем? У них своего навалом. Один чеченец, наркоман, все надоедал, чтобы мы купили у него автомат за триста тысяч.

- Перед тем, как всех взяли в плен, предвещало ли что-нибудь беду?

- Накануне я ездил в бригаду, пулемет ремонтировать, он у меня заедал после третьего рожка, вернулись вечером. На посту я

стоял с 10 до 12 ночи. Все было тихо, отстоял и лег спать. Тут нас и взяли. Пришли чеченцы со стороны села, чтобы мы не стали стрелять. Часовых сняли, а когда меня разбудили, в оружейных ящиках уже и автоматов не было. Вышел из вагончика чеченцев человек двадцать, наши сидят на корточках, все с поднятыми руками. Обыскали всех и в КамАЗ под тентом. Ловко они все провернули. Потом я узнал, что на другой день наши саперы приехали в село и им на рынке рассказали, что весь блокпост взяли в плен. Послали броне - группу, но на наши позиции из нее только в бинокль посмотрели. К обеду приехали наши на блокпост, но там никого уже не было.

- И куда же вас всех повели, когда взяли?

- В Шали. Наши блокпосты стояли на окраинах, а сам город контролировался чеченцами. С нами был один солдат - срочник, брал он это Шали три раза и каждый раз получали приказ уходить. Привели в комендатуру, в подвал. Перед этим все у нас отобрали - бушлаты, перчатки, кольца, часы. Ротного заставили написать список и указать, кто срочник, кто контрактник. Он всех, кто младше тридцати, записал в контрактники. Да у чеченцев оказалась и штатная книга, где все мы были записан, так что врать не было смысла. Ночью посадили нас всех на броню танка и БМП, выехали на трассу, объехали свой блокпост, потом горной дорогой, по речке. Оказались в селе Маркиты, бывшем колхозе имени Орджоникидзе. Закрыли за железной дверью в бухгалтерии, офицеров держали отдельно. Лежали друг на друге, так было тесно.

- Как к вам относились чеченцы?

- Утром стали вызывать в их особый отдел. На каждого завели досье, сфотографировали. Потом пришли какие-то корреспонденты, арабы или турки, сняли нас на видео. Построили и стали развлекаться: заставляли обзывать матом Ельцина и Завгаева. Кто не очень старался, заставляли отжиматься, кричать "Аллах акбар!". Наш ротный Афган прошел, внутренние органы все болели, но и его заставляли отжиматься. Потом офицеров и срочников от нас отделили. Это потом я узнал, что их всех расстреляли летом. Хотя расстрелять должны были нас - чеченцы особенно ненавидят контрактников.

- Били вас?

- Когда привезли в Гойское, подлетел молодой чеченец и давай нас мордовать. Как хотел, пока его свои не уняли. У полевого командира Салмана была такая забава: поставит у дерева, наведет ствол и стреляет. Стоишь, ни жив, ни мертв. И ржет, как жеребец. Набили нас в камеру в Гойском человек сто, были еще строители из Пензы и Волгограда, вдруг ворвался

молодой чеченец с топором и давай бить, кого ни попадя обухом. Володя Котляров ранен был, когда нас в плен взяли, пулей в живот на вылет - он и его, по ране. Готов был убить нас всех. Одного омоновца забил до смерти. Выводили из камеры по пять человек, и бьют несколько человек одного. Ползком в камеру возвращались. Станешь отбиваться - сразу в расход. Воронову из Ярославля почки отбили, другому - ключицу прикладом сломали.

- Часто перегоняли с места на место?

- Когда срочников и офицеров отделили, нас с блокпоста осталось из 38 человек 23. Добавили еще двоих механиков-водителей и повезли в Старый Ачхой. Машина в гору не пошла - пешком. Наши обстреливали это место, пришлось перебежками. Прошли через Орехово, там все дома разбиты, а такие были дворцы! Посадили в подвал, там оказались еще наши энергетики, из разных городов, человек двадцать. Пришел Салман, дал ножницы: "Всем на голове выстричь кресты". Державину Паше из Костромы сам выстриг. Потом из села привели в какое-то ущелье, здесь был их лагерь. Погода - дождь, грязь, все устали, как собаки.

- Была возможность бежать?

- Я несколько раз предлагал своим: "Давай разыграем что-нибудь и захватим оружие, будь что будет", но из штатских всегда отговаривали, боялись. А духом я никогда не падал, только и думал, как бы смыться. Началась бомбежка - наши самолеты, не видно их было из-за густого тумана. Бросали глубинные бомбы - огромные такие воронки. Шестерых из нас, пленных, убило осколками. Ромку из Воронежа осколком в шею, Щербинину - в живот, а кровь изо рта пеной пошла. Одному солдату из 245-го полка пятку оторвало, он сам себе ногу перетянул. Паника была сильная, но куда тут бежать? Юрика из Рязани, со мной лежал, тоже ранило. Одному осколок попал в позвоночник, видел, как у него глаза закатились. Майору из ФСБ, пленному, осколок попал в затылок и вышел изо лба. Чеченцы после бомбежки закричали: "Раненых - к убитым!". Думаю, значит добьют. Юрик закричал: "Не бросайте, мать у меня с ума сойдет!". Сделали ему носилки, но чеченец сбросил его: их командира ранило. Перед бомбежкой нас собирались покормить, на костре стоял бак с сечкой, его опрокинули при панике и ребята бросились эту кашу с земли подбирать, горстями. А с неба - бомбы. Андрей из Брянска в это время сумел у чеченцев со стола четвертинку хлеба стянуть, разделили потом. Салман его плеткой исхлестал. Чеченцам при бомбежке страшно было, и все время кричат, себя подбадривают: "Аллах акбар!". Убитых своих похоронили в одной яме. Потом согнали нас чеченцы в кучу, считали, считали, никак не могут сосчитать: темно и мы все время с места на место, путаем их. В

это время и сбежал Володя из Рязанской области. Но я об этом потом узнал. Он первый раз сбежал, когда нас везли на машине, но чеченцы поймали. Была и у меня мысль сбежать, но еще не пришел в себя после бомбежки. А Володю чеченцы даже не хватились. Утром опять пошли, в горы. Опять бомбежка, но в этот раз никто не пострадал. Привели в какую-то землянку. Потом команда: "Больные и старики остаться, контрактники выходи". Я забился в угол, но меня кто-то из своих выдал. Побили, но немного, "рекламную паузу" показали.

- Сергей, а как ты все же сбежал?

- Повели нас блиндажи строить и дрова пилить. Я что-то отстал, и то в одной группе, то в другой. Стал приглядываться по сторонам - охрана стоит. Ухватил ложкой жир из бачка, ягод прошлогодних, гнилых, поел. Доверили мне топор жердей нарубить. Предложил одному энергетику вместе бежать - он испугался. Думаю, сдаст еще, и решил один. Боком-боком и в кусты. Как рванул, до верхушки горы бегом, с нее - бегом, пока силы не кончились. Куда иду - и сам не знаю. Слышу - где-то бомбят. Бой идет, значит, думаю, с какой-нибудь стороны должны же быть наши. Вижу - следы от танка, вдалеке БМП стоят, кто-то ходит, стреляют. Идти боюсь - вдруг на мину-растяжку попадешь. Вижу - в мою сторону БМП едет. Спрятался, но потом все же решил идти на эти БМП. Солдат на меня автомат наводит: "Кто такой?". Я руки поднял: "Из плена", - "До х... вас тут из плена выходит" - "А что, еще кто-то был?". Дал покурить, по рации в штаб доложил обо мне. Потом оказалось, что как раз здесь вышел к своим и Володя из Рязанской области, который сбежал раньше меня. Вышел я к уральцам, в 324-й полк.

- И как встретили свои?

- Обыскали, и в ФСБ, начали расспрашивать. Врач осмотрел, поесть дали. Потом на "вертушке" в Ханкалу с генералом Кондратьевым. Там меня привезли в штаб, к генералу Тихомирову, был еще генерал Квашнин. Все им рассказал, как наших из плена выручить - бронегруппу послать или десант на вертолетах. Но у них были какие-то свои планы.

- И что, наше командование не пыталось выручить пленных?

- Когда нас взяли, блокпост, командование вызвало старейшин и пообещало разнести село, если нас не вернут. Но они вернули только сорок автоматов. Одного только обменяли нашего, за тысячу баксов. Вернулся в бригаду начались наезды, что пропили мы блокпост. Потом все же нормально относиться стали относиться.

- Сергей, вот ты вернулся из плена. Злой на чеченцев?

- С одной стороны - да, а с другой - нет. Я понимаю тех из

них, у кого наши дома разбили, семьи погибли. А вообще - они нас ненавидят всех. Я бы их тоже куда-нибудь на Северный полюс сослал.

- Можно ли было победить чеченцев силой, как ты думаешь?

- Да если бы дали нам волю! А то: это нельзя, туда не стреляй, одни ограничения. Можно было победить и в военных операциях, мы сильнее. А еще лучше, как Жириновский предлагал: разбомбить все и дело с концом. Патриотов у нас мало, а то собрать бы одних добровольцев. Я ведь пошел по контракту сначала только из-за денег, никаких патриотических мыслей у меня не было.

- Как жить думаешь, Сергей?

- Год как вернулся, а работы так и не нашел. Придется опять в армию идти. Ну, куда мне деваться теперь?

... Из 10 солдат 166-й бригады, адреса которых дали в Твери комитету солдатских матерей, ответил, кроме С. Бузенкова, только один. Володя из Рязанской области, который тоже бежал из плена. В письме он категорически отказался рассказать что-либо, ссылаясь на запрет ФСБ. Мама еще одного парня, которого обменяли за тысячу долларов, написала, что сын ее, вернувшись, попал в беду. Точнее, в милицию, потому что привез из Чечни сувениры - несколько патронов. Остальные ребята не ответили. Значит, в они все еще в плену.

38. В РОСТОВЕ СТОЯТ ПЯТНАДЦАТЬ ВАГОНОВ С КОСТЯМИ РУССКИХ СОЛДАТ

Рано радоваться, что война в Чечне закончилась. Эхо ее будет еще долгим и страшным. До сих в плену у боевиков находятся около полутора тысяч наших солдат, а в Ростове-на-Дону в 15 вагонах-рефрижераторах - более тысячи неопознанных останков. Оттуда только что вернулась Татьяна Константиновна Копшева, которая безуспешно пыталась найти останки своего сына Саши.

Она приняла таблетку валидола, вытерла слезы и начала рассказывать:

- Саша был призван 9-го января 95-го Советским райвоенкоматом. Последнее письмо от него получила 23 февраля 96-го из Коврова, что его отправляют из учебки служить в Тверь, уже есть запись в военном билете. Когда долго не было писем, я пошла в военкомат, там мне сказали, что мой сын дезертир, он не прибыл в часть. Но это же невозможно! Он охотно пошел в армию. В начале мая мне принесли записку от сына: "Я в плену у чеченцев, но не беспокойся, меня скоро должны обменять".

- Татьяна Константиновна, как вообще могло так получиться, что его посчитали дезертиром?

- В Тверь отправили только документы, а солдат - в Чечню.

Из-за неразберихи их и посчитали дезертирами. Но это еще что - на сына и группу его товарищей возбуждено уголовное дело, что они сдали блокпост чеченцам. Хотя ребят уже нет в живых, на расстрелянных чеченцами возбудили уголовное дело...

- А это как могло случиться?

- Их взяли в плен 8 марта этого года, 38 человек из 166-й мотострелковой бригады, в 4.15 утра, будто бы пьяными. Но все было не так. Мне рассказали ребята, кому удалось вернуться из плена, что накануне они получили приказ поставить все оружие в пирамиду. Поэтому их и взяли без сопротивления. Этот блокпост мешал боевикам, стоял на дороге, по которой им поступало оружие. Снять блокпост командование не имело права и, вероятно, было устроено так, чтобы чеченцы захватили их в плен. Ой, я вам такого могу наговорить, что вы напечатаете и вас, потом с работы уволят...

- Как вы искали сына, Татьяна Константиновна?

- Когда узнала, что он в плену, пошла в военкомат за помощью, там денег на дорогу не было, поехала одна, помогли добрые люди. Сначала Грозный. Там такие разрушения, так было страшно, что я три дня заикалась. Где я только не была в Чечне, знаю ее сейчас лучше Нижегородской области...

- Как вам помогали наши и как чеченцы?

- На блокпостах что творится - не описать... Кругом валяются использованные шприцы, контрактники все обкуренные или пьяные сидят, а солдаты - срочники голодные, с синяками, в тапочках, спрашивали у нас хлеба все время. Контрактники туда приезжают только пить и стрелять. Сами чеченцы запретили своим женщинам продавать на блокпосты водку, потому что там перепьются и стреляют друг в дружку, и куда ни попадя. От офицеров в Ханкале слышала: "Мы из двести пьяной бригады..." Ко мне один контрактник пристал, за версту от него водкой несло: "Какая ты мать? Ты что, его в одиннадцать лет родила? Мало тебе дома мужиков, так еще в Чечню приехала?". Посадили меня в подвал, в туалет под автоматом выводили. Потом уж меня одна чеченка выручила. А когда ехали на красных "Жигулях", водитель и мы, три женщины, вертолет нас обстрелял. Летчику хотелось просто поиграть пулеметом. Чеченка меня прикрыла своим телом. В Аргуне я жила в одной семье - у женщины погибли трое сыновей, семь детей остались сиротами, и сама она на костылях. Как мне было стыдно за Россию все это время... Столько сожженных сел, а видели бы вы, как трясутся дети, если раздаются взрывы, это непереносимо... Бывали случаи, что наши вертолеты стреляли по аулам, если узнавали, что здесь матери ищут своих пленных детей, чтобы замести следы. Стали

пропадать уже и матери солдат, которые ищут своих детей. А сколько случаев, когда с вертолетов сбрасывают блестящие мешки с телами... У чеченки, где я жила, это в самом Аргуне, жил наш паренек, Денис, из Подмосковья, такой маленький, худенький, весь в болячках. Привел его контрактник: "Кому работник нужен, дешево продам, за двести тысяч".

- Русский продал русского в рабство?

- Ну да. Женщина сбегала к соседке за деньгами и купила, четыре месяца он у нее жил, пока мама за ним не приехала. Один боевик рассказал мне такую историю: в ущелье расположилась наша часть с техникой, чеченцы могли бы ее разбить или в плен взять, а потом подумали - зачем, кормить же придется. Сначала солдаты стали ходить в аулы за едой, а потом и вообще разбегаться. Кончилось все тем, что прилетели наши вертолеты и ущелье разбомбили. Погибли 389 наших, и цифру запомнила, а списали все на чеченцев. Чеченцы говорят, что знают домашние адреса всех наших генералов, офицеров и летчиков, вырежут всех, но все простят, лишь бы война быстрее закончилась.

- Как вы узнали, что с вашим сыном?

- В одном ауле раненый боевик по фотографии узнал и сказал, что в живых его нет, расстреляли 12 июня. Наши начали бомбить это место, надо было уходить, а пленные были все слабые, вот их и расстреляли, чтобы легче уйти. Нашли их 18 июля, десять человек, тела уже начали истлевать. Поехала в Ростов-на-Дону, в судмедлабораторию. Там сотни мам, сутками смотрят видеозаписи, чтобы опознать своих детей, останки им не показывают. Там даже в столовой невыносимый трупный смрад... Пока я смотрела, искала своего, привезли останки еще 35 человек, да в Ханкале ждали вертолета еще останки 45 солдат. Одна мама четыре могилы раскопала, пока своего сына не нашла. Самое жуткое это видеть радость родителей, которые находят кости своего сына. Радость, вы понимаете... Одна мама узнала своего сына только по ногтям. Когда я смотрела видеокассету, то в описании останков под номером 481 увидела записку со своим адресом. Стали работать с этими останками, но не совпали данные крови и рост меньше, чем у моего сына. У всех десятерых были страшно разбиты лица. У другого похожего череп был совсем не моего сына. Можно бы сделать экспертизу по ДНК, но это стоит 18 миллионов, таких денег в судмедэкспертизе нет. Есть еще вариант: определить по флюорограмме, но ее не оказалось в личном деле, хотя я сама относила вместе с сыном в военкомат. Куда отправили документы сына, вообще непонятно: то во Владимирскую прокуратуру, то в Костромскую. Я все время там молила Бога, чтобы он не отнял у меня разум. Если найду

косточки своего сына, то буду чувствовать себя самой счастливой женщиной на свете...

Приложение No1

Выписки из карты признаков военнослужащих, находящихся на опознании в 124-й судебно-медицинской лаборатории Северо-Кавказского военного округа (предоставлен комитетом солдатских матерей Нижегородской области.)

Особые приметы одежды (цифры - номер опознаваемого, данные - все, что имелось при трупе)

11. Нательный крест из белого металла, шлемофон танкиста.

37. Оржавленная кружка часов.

42. Часы "Слава", на них надпись: "Папе в день 60-летия. Саша, Гала 883638 (возможно, Маленьких, Имамов, Сухарев, Барабин, Мохов, Ануфриев, Казбеков, Капустин. 81 мсп, инф. м-ра Соколова)

47. Сапоги с надписью "Кагарманов".

50. На теле медный крест фигурной формы с надписью "Спаси и сохрани".

57. На теле цепочка из белого металла с изображением Спасителя и надписью "Спаси и сохрани".

218. Нательный крестик с распятием Иисуса Христа.

229. На брюках надпись: "Наприенко 9589814" (Наприенко жив, 81 мсп.) В Чечне не был, свое обмундирование передал молодежи, помнит имена Дима и Олег, 1 рота 81 мсп.

253. В х/б "Наприенко", на сапоге "Фоменко", в сапоге "Шашков" (по УрВО сведений нет).

254. Алюминиевая ложка с надписью: "7 мср" и "Ищи мясо сука".

481. 7 фотографий, листок блокнота с адресами: 606019 Нижегородская обл., г. Дзержинск, ул. Черняховского, офицерское общежитие, Бараненко Людмиле Петровне. Далее следуют адреса.

485. Молитвенный пояс. Кубик деревянный для игры в кости самодельный.

523. Самодельный брелок из 2-х патронов калибра 5,45 с цепочкой.

534. Труп доставлен обернутым в женское демисезонное пальто коричневого цвета.

543. В кармане обнаружен магазин от ПМ с 8 патронами (возможно из 205-й омсбр 1 батальон).

561. Часы "Пограничные", письмо.

574. Брелок из патрона 7,62 с цепочкой и английской булавкой, ложка с надписью "Ищи мясо".

579. Значок "Россия" с изображением Георгия Победоносца.

616. Крестик черный самодельный, плетеный.

624. Шлемофон танкиста.

666. На голове зеленая повязка (чеченец??)

710. На груди мешочек-амулет из кожи с арабским текстом.

713. Завернутая в носовой платок игрушечная лошадка белого цвета, часы "Камелер".

718. Записка с молитвой.

Бирка на одежде

70. Найден возле президентского дворца.

86. С БМП с привокзальной площади (возможно рядовой Короткий, сгорел в БМП, инф. к-на Кудиярова).

95. Неизвестный с БМП-1 No Е-04 ХТ 3931, водитель-механик.

96. Найден возле жд. вокзала.

97. Вытащен с сиденья БМП-КШ No 301.

124. Найден возле президентского дворца.

234. Возможно, ст. л-т обгоревший с танка. Найден возле белого дома.

289. Найден возле дома парламента рядом со сгоревшим БТР.

502. Неизвестный лейтенант, в/ч 22033 6 рота 2 батальон, поступил 9.08.96 из района "Минутка".

691. 4.09.96. Неопознан. Татуировка на левой груди в виде патрона, пули и колючей проволоки и гр.крови А (111)Rh+.

Клеймо на одежде

337. Сапоги кирзовые: "Суматохин" р.41. (по УрВО сведений нет).

516. На внутренней поверхности портупеи надпись: "Никто не обнимал меня так долго".

(Список очень длинный - Ред.).

Приложение No2

Заместителю начальника МО РФ контр-адмиралу В. Аверкиеву

Справка-доклад "О мерах по предупреждению фактов неопознания погибших военнослужащих"

1.0. Мероприятия на этапе призыва:

1.1. Заполнить карту антропологических и других опознавательных признаков согласно приложению No1.

1.2 выдать красивый (эстетически привлекательный) жетон из прочного тугоплавкого металла. На одной стороне жетона должен быть изображен символ, закрепленный за родом войск, в которые направляется призывник. На оборотной стороне должно быть выгравировано наименование военного комиссариата, дата призыва, фамилия, имя, отчество, символы группы крови и резус-фактора призывника. Эти данные могут иметь решающее значение как при оказании медицинской помощи (переливание, забор крови), так и при опознании погибшего. Размещение жетона - на шее на металлической цепочке, изготовленной с элементами оригинальности дизайнового исполнения.

В документе изложен еще ряд мероприятий, который позволил бы быстро определить личность погибшего или раненого. Предложения составлены полковником мед службы В.Щербаковы, начальником 124-й судмедлаборатории 10 октября 1996 года.

39.СОЛДАТ-ДОХОДЯГА ВМЕСТО ГОСПИТАЛЯ ПОПАЛ В СИЗО

(Российская армия после первой чеченской кампании)

А. Янова вырастила своего сына для гвардии: рост - 178 сантиметров. Здоровый был парень, когда уходил на службу Отечеству. Но не прошло и трех месяцев, как мать приехала за своим сыном в часть, де он служил, в г. Камышин Волгоградской области.

Каким стал Андрей Янов через три месяца службы в Российской армии? Вес его - 52 килограмма. В письме в военную прокуратуру и в комитет солдатских матерей мама Андрея написала, что "у него началось полное истощение организма, падал в голодные обмороки". Родители самовольно забрали рядового А. Янова из части, увидев его в таком состоянии и, считая, что еще недели две такой службы, и он не смог бы самостоятельно передвигаться.

На следующий день по приезде домой А. Янов обратился в поликлинику по месту жительства, сдал анализы и начал лечение. А 12 мая к Яновым пришли военные и арестовали его за самовольное оставление части. В наручниках он был доставлен в

СИЗО, где и прибывает до сего дня.

Мама А. Янова написала военному прокурору ходатайство, чтобы в отношении ее сына была изменена мера пресечения и чтобы его направили в госпиталь на лечение. Пока же А. Янову еще даже не назначен следователь. Его мама уверяет, что Андрей не уклонился от воинской обязанности и оставление части было только для лечения. "В противном случае, - пишет А. Янова, - мой сын умер бы от истощения".

Жители села Кириловка Арзамасского района, где жил А. Янов, написали обращение в его защиту, адресованное генеральному прокурору России. Характеристика на парня хорошая: "Андрей вырос на наших глазах. Мальчик спокойный и порядочный, мы его уважали. Андрей никогда не нарушал общественного порядка, не участвовал в драках. Никогда не видели его в нетрезвом состоянии, никогда никого не обижал. Мать вырастила его одна. Андрей был отзывчивым и чутким по отношению к друзьям и близким".

А вот каким увидели соседи Андрея, когда его через три месяца после проводов в армию привезли домой: "Мы смотрели на него со слезами на глазах, как на экспонат концлагеря. Он был неузнаваем: сильно истощен, землистый цвет лица, глаза и щеки ввалились, под глазами синяки. От Андрея остались одни брови. Он вернулся с гастритом, анемией, аритмией, болезнями почек и печени".

В комитете солдатских матерей Нижегородской области целая папка документов о беглых солдатах, о причинах самовольного оставления воинских частей.

Например:

"Я, Симаков Дмитрий Александрович, родился 5 декабря 1977 года. В армию был призван 12 декабря 1995 года Балахнинским РВК. 11 марта утром я ушел из части, чтобы попросить немного поесть. С едой в части совсем плохо. Я зашел в дом, совсем недалеко от части, и на лестничной площадке потерял сознание. Меня подобрала семья Зеленко. Они мне рассказали, что я был без сознания 3 дня. Когда я пришел в себя, то сказал им номер телефона тети и адрес. Они позвонили, и я стал ждать приезда мамы. Мама увидела меня больного и решила увезти домой. В части меня часто били в грудь, по спине или ногами, чтобы не было синяков".

Мама Дмитрия Клюшникова, когда побывала в части, где служит ее сын, оставила такие впечатления:

"Мой сын стал очень мрачным, сильно похудел. Говорит, нет аппетита. Я его совсем не узнала. Что-то там произошло, когда он вышел из госпиталя. Правда он мне ничего не говорит, но я

чувствую, что-то там творится. Говорит, что его убьют".

Мама Алексея Балакина после поездки к сыну оставила заявление, где ходатайствует о переводе его на другое место службы по причине "... непрекращающихся неуставных отношений, неоднократных избиений со стороны офицеров и старослужащих, пьянства офицеров. Сыну выбили зубы, он боится ходить ужинать в столовую из-за пьяных выходок офицеров. В результате избиения у него произошло кровоизлияние в мозг. Я не хочу, чтобы с моим младшим сыном произошла та же история, он у меня последняя надежда в жизни. Я сама больная, похоронила на днях мужа".

Мама Алексея Воржакова пишет:

"Я выезжала за сыном во Владикавказ по телеграмме, данной местными жителями. Мой сын находится в санчасти, боясь физической расправы со стороны солдат. Бежал из санчасти и скрывался во Владикавказе в подвале одного из домов".

Мама Алексея Голованова написала в комитет солдатских матерей:

"Сын прислал письмо, где пишет о постоянных побоях и о вымогательстве денег в сумме 150 тысяч рублей. Собирается делать побег и умоляет меня приехать и забрать его из части".

Письмо от матери Димы Симакова:

"Когда я созвонилась с совсем незнакомыми людьми, выехала в Камышин, где служил мой сын, и увидела его, то была в шоке. Дима лежал на кровати весь опухший, на руках были гнойничковые раны, пальчики на ногах обморожены. По словам очевидцев, наши дети там не служат, а проходят школу на выживание. Солдат совсем не хотят кормить. А во что он был одет, в наше-то послевоенное время... На нем были худые старые сапоги, грязная до некуда телогрейка, нижнее белье - его только и стоит сжечь на костре, и тонкие, по колено, грязные штанишки. Все это я привезла домой, чтобы посмотрели люди, как одет наш солдат. А сколько матерей уже не в первый раз едут, чтобы выкрасть своих истощенных, обмороженных детей. Я нагляделась на солдат, как они ходят по квартирам и просят корку хлеба или на рынке просят у старушек семечек, чтобы утолить голод. Я не против, чтобы мой сын служил в армии, но не в такой, в какую он попал".

В какой армии служат наши солдаты, рассказывает в письме Дмитрий Лавров:

"Сначала служил в г. Салавате в Башкирии, там были русские солдаты, и служить было спокойно, и командир роты относился к своим солдатам с большим уважением. С марта 1996 года нас перевели служить в г. Уфу в/ч 6520 "В" 1 "БОН", но в этой роте

русских было мало, в основном солдаты кавказской национальности. Интернациональной роты не получилось, потому что русских за людей не считают. Нас призывали в армии служить, а в части я увидел одни унижения и оскорбления. При любых возможностях старались унизить морально, но не было момента, чтоб не задели или не пнули.

Однажды зашел в умывальник, где находился сержант Менязев и ребята кавказской национальности (фамилии и клички за короткое время трудно запомнить, и говорили они по-русски очень плохо), он ударил меня по лицу и голове. Когда был в наряде на кухне по столовой, солдат кавказской национальности бил кулаком в горло, из-за того, что я не стал стирать чужие вещи. Каптерщик Арцегалян, кличка Ара, заставлял меня принести ему продукты, после моего отказа он несколько раз ударил меня головой об стену.

Потеряв все надежды на лучшее, я был в шоковом состоянии от всех унижений и побоев, вскрыл себе вены на левой руке... Лежал в больнице, а из головы никак не выходила веревка, в таком поникшем состоянии я был... У меня дедушка - инвалид войны, бабушка - участник войны, я их ценю и дорожу ими..."

Есть у автора этого материала и письмо рядового Р. Кайбашева. Не публикую его только из необходимости щадить чувства дедушек и бабушек, инвалидов войны, и чтобы не давать "скорой помощи" дополнительной работы после чтения таких статей.

41. РУССКИЕ СОЛДАТЫ ЖДУТ СВОИ ГРОБЫ

Центральные средства массовой информации то и дело поднимают вопрос о захоронении тела Ленина, который и без того лежит в гробу, и молчат, что в Ростове, в рефрижераторах уже третий год лежат не погребенные и никому не нужные останки более 500 русских солдат, погибших в Чечне. Центральное телевидение практически каждый день беспокоится о судьбе одного журналиста, находящегося в белорусском СИЗО, и забыло о сотнях пленных русских солдатах и офицерах, которые на положении рабов живут и ежедневно умирают в чеченских аулах.

Пошел второй год, как закончилась бесславная чеченская война, но эхо ее будет еще долгим и кровавым. Ушла из Чечни российская армия и забыла о своих мертвых и пленных товарищах. Некогда правительству - надо вести переговоры о нефтепроводе. Поисками погибших и пропавших без вести занимаются сейчас в Чечне в основном комитеты солдатских матерей, да почти обезумевшие от горя матери, отправившие своих мальчишек на смерть.

Вернулись из очередной поездки в Ростов-на-Дону и представители Нижегородского областного комитета солдатских матерей.

- Мы ездили с мамой Саши Копшева, погибшего в Чечне еще весной 1996 года, - рассказывает Г. Лебедева, зам. председателя комитета. - В 124-й лаборатории судмедэкспертизы Северо-Кавказского военного округа его останки были идентифицированы и мама забрала их, чтобы похоронить дома. Советский райвоенкомат помог организовать похороны.

Александр Копшев служил в 166-й мотострелковой бригаде, 8 марта 1996 года их 15-й блокпост был взят чеченцами в плен. Почти все пленные погибли или были расстреляны, спастись и выжить из 28 человек удалось немногим. О судьбе этого блокпоста и обстоятельствах пленения его бойцов мы уже сообщали нашим читателям. Но ставить точку в этой жуткой истории рано. Открываются новые обстоятельства, не знать о которых нельзя, если мы хотим знать о чеченской войне всю правду.

В Ростове представителям Нижегородского областного комитета солдатских матерей удалось получить копии показаний некоторых наших пленных, кому удалось вернуться к своим. Вот, например, показания строителя из Волгодонска С. Баркусова:

Танкист с этого блокпоста рассказывал мне: "Полковник, командир блокпоста, очень часто приезжал на блокпост с чеченцем, полевым командиром. У них были очень дружеские отношения. Разрешал чеченцу кататься на танке, сам ездил на его "Жигулях", показывал минные растяжки вокруг блокпоста. Продукты, которые получили для блокпоста, прямым ходом шли к чеченцам, горючее тоже продавалось. Ребята на блокпосту были голодные, вшивые, поэтому им приходилось собирать дань с чеченцев, проезжавших через этот блокпост".

Солдаты, еще находясь в плену у чеченцев, написали об обстоятельствах своего пленения письмо в Москву. Дошло ли оно по назначению, неизвестно.

Со слов Молды, коменданта Шали:

"Я их держал у себя целую неделю, переговаривался с вашим командованием. Если бы командование захотело, мы бы договорились, но они им были не нужны".

Из показаний С. Баркусова:

"...Троих ребят привезли в село, голодных, вшивых. Сбежалось все село. Над ними смеялись, издевались. Хозяин на глазах у всех заставил их подметать улицу шапками. Затем прошел слух, что ночью федералы будет делать в селе зачистку и хозяин расстрелял ребят и сбросил в ущелье".

Колонну пленных, было их в общей сложности около 100 человек, гоняли по горам и ущельям, пока она не попала под артналет российских войск. Наши солдаты погибали от своих же снарядов. Тех, кто не мог идти, чеченцы расстреливали.

Со слов Скумбицкого, строителя, сбежавшего из плена:

"Нас всех согнали в село Старый Ачхой. Ребята были со всех фронтов, были и ранены. Начальником лагеря был Ахмед Дудаев, племянник Джохара Дудаева. Было очень голодно, многие умерли от голода и болезней. Многих забили до смерти, особенно контрактников. недалеко от лагеря есть захоронение, там приблизительно 60 тел... Ребята были живыми трупами, многие не могли даже есть. Работали они на лесоповале, по 15 человек тащили одно бревно и не дай Бог кому упасть, добивали на месте".

Целый месяц жили в 124-й лаборатории в Ростове Г. Лебедева и Н. Жукова, пытаясь вместе с матерями опознать погибших солдат.

- Галина Федоровна, сколько сейчас в Ростове находится останков наших солдат, которые до сих пор не опознаны?

- Всего через эту лабораторию прошло полторы тысячи наших погибших солдат и офицеров, найденных на местах боев, тех, кого сразу не смогли опознать однополчане. Осталось еще более пятисот. Определить личность погибшего, когда от него почти ничего не осталось, очень трудно, эксперты идентифицируют в неделю не более одного-двух.

- Потом останки забирают родители?

- В Ростове мы встретили маму, которая полторы недели сидит на гробу своего сына, не может его вывезти. Нет денег, нет представителя от воинской части. В воинской части представителя в Ростов послать не могут, потому что нужен приказ из округа, там ждут приказ из министерства обороны. Невольно осталось впечатление, что до погибших в Чечне никому нет дела. Когда мы ехали уже с гробом Саши Копшева, на стекле машины табличка была, что "груз-200", нас то и дело останавливала военная автоинспекция: "Какой еще "груз-200", война-то давно кончилась!".

- В Ростове вам приходилось встречаться со многими людьми, известно ли, сколько примерно в Чечне осталось наших пленных, сколько еще братских могил?

- По данным вице-премьера Чечни Удугова, там примерно 60--70 братских могил, по их оценкам - около 1200 погибших. Работают эксгумационные команды, но очень медленно, ко многим братским могилам не добраться. Определить количество пленных сложнее. По данным Удугова их осталось в живых

примерно 150 человек. Прячут их где-то в горных аулах, небольшими группами, поодиночке.

- Почему так медленно идут работы по идентификации личностей погибших?

- Это очень сложно, и дорого стоит. В 124-й лаборатории мне сказали, что уже поступили средства на организацию захоронения останков в братскую могилу. Нет останков - нет проблемы. А то, что матери ждут хоть каких-то сведений о своих пропавших без вести сыновьях - уже неважно. Сотни солдат могут остаться без вести пропавшими навсегда. Хотя можно и нужно сделать все возможное, чтобы мама каждого из них могла бы прийти на могилу своего сына. Да вы посмотрите внимательно этот список...

Это копия выписки из карты признаков погибших, которые до сих пор лежат в рефрижераторах в Ростове. Особые приметы, т.е. то, что осталось при погибшем помимо его тела...

Страшно читать этот список. То и дело попадается короткая строчка: "Нательный крест из белого металла, шлемофон танкиста". В списках - все образцы амуниции, которые положены солдату. От кого-то остался, кроме окровавленных костей, остаток бронежилета, от кого-то - сапоги, ремень или фляжка, нательная рубашка с армейским клеймом, ложка, брелок из патрона... Это остатки исчезнувшей из Чечни армии.

А как, например, определить личность погибшего солдата, если документов при нем не было, на бушлате - одна фамилия, на сапогах - вторая, а на ремне - третья. Как будто бросали их в бой, собирая не только их разных частей, но и обмундировывали из одной огромной кучи бывшего в употреблении барахла...

То и дело в списке: "Найден возле площади Минутка... Найден возле президентского дворца..." Очень много таких, о которых просто написано: "Солдатами не опознан". То есть или погибшие были настолько изуродованы, или солдаты, идя в бой, даже толком не знали друг друга.

Но почему никто не забирает, например, рядового Калашникова Анатолия Александровича из в/ч 5594? Почему никому не нужен старшина милиции из Тулы Улитин Анатолий Николаевич? Неужели трудно определить личность погибшего солдата-водителя, если сохранился его путевой лист, и не только с номером машины, но и его фамилией? А зачем же тогда выдавали перед боем солдатам жетоны, если по ним не могут определить его владельца?

- Эксперты из 124-й лаборатории сказали, что процентов восемьдесят погибших, находящихся здесь, родителям можно забирать и хоронить, рассказывает Г. Лебедева.

Не нужны они никому. Оставшиеся в живых после боев

солдаты демобилизовались и разъехались по домам, им сейчас не до поисков своих погибших однополчан, которых они не успели и в лицо-то запомнить, офицеры, кто не застрелился от отчаяния, как все комбаты 205-й бригады, перетасованы по воинским частям, да и многие воинские части после вывода из Чечни расформированы. Наконец, как известно, воевали в Чечне сводные батальоны и полки, потому что полностью укомплектованных дивизий в российской армии нет.

Ну, армии не до погибших, но почему не ищут в этих рефрижераторах матери своих сыновей? Не все же эти пятьсот - сироты.

- Сейчас в Ростове в этой лаборатории мам мы видели не более десяти, говорит Г. Лебедева. - Они живут здесь постоянно.

Нижегородский областной комитет солдатских матерей, проводя огромную работу по поиску наших пропавших без вести солдат, много раз обращался за материальной помощью к нижегородским предпринимателям. Ни звука в ответ. А вот иностранцы работу комитета оценили: именно он, единственный в России, выиграл грант института "Открытое общество", учредителем которого является Форд.

"Дали бы команду уничтожить их, я бы выполнил, не задумываясь, - пишет Александр С., один из пленных русских солдат, кому посчастливилось выжить, Но это не выгодно нашему правительству, желающему как можно больше уничтожить русских парней и нажить себе денег на их крови. Если бы это была настоящая война, мы бы ее выиграли".

У этого солдата своя, правда... Но кому нужен он и его, правда? "И я в данный момент не могу жить без войны, я хочу стрелять и жить этой жизнью. Нас приучили к оружию и бросили..."

Переживут ли предстоящую зиму русские пленные в Чечне... Вряд ли. Наш президент, пожалуй, скорее с Белоруссией союз разорвет, обидевшись на А. Лукашенко из-за Павла Шеремета, чем осмелится потребовать у Масхадова вернуть оставшихся в живых русских ребят.

42. ИЛЬЯ, РАБ ИЛЬЯСА

Интересно, Лев Толстой, окажись он в наше время и, узнав об этой истории, продолжал бы исповедовать свою теорию непротивления злу насилием или попросил бы немедленно дать ему автомат Калашникова...

"В квартиру вошли двое чеченцев..."

-Это было в воскресенье, - вспоминает Тамара Ивановна С., - Постучали, вошли двое. Я сразу поняла, что это чеченцы и что они что-то знают о моем сыне. Поняла, что сын жив, и это

главное. Сказали, что если хочу его выкупить, то должна приехать в Кизляр, иначе его продадут или убьют. Стала искать необходимую сумму денег...

Сын Тамары Ивановны служил в Чечне. Причем попал он туда второй раз.

-Когда началась война в Чечне, - рассказывает Тамара Ивановна, - мы не беспокоились за сына: он служил во внутренних войсках связистом, охранял заключенных, в такой глухомани на Урале, в таких болотах, что, казалось, до них командование не доберется до конца войны.

Но очень скоро дошла очередь и до солдат в уральских болотах.

На каждом столбе - объявления матерей

Илья в составе сводного батальона попал в 101-ю бригаду внутренних войск. Вместе со всеми ездил на боевые задания, на зачистку чеченских сел от боевиков. В его письмах домой была скрытая тревога и мать решила ехать в Чечню, выпросить у командования отпуск для сына.

- Приехала - там на каждом столбе висят объявления матерей, ищущих своих пропавших без вести сыновей. Встречались женщины, совершенно безумные от горя... - вспоминает Тамара Ивановна. - Приехала в часть, где служил сын. Вызвали мне его. Идет навстречу что-то в фуфайке... Сначала я его не узнала... Он был очень худой, спина ссутулилась, весь во вшах, на теле чесотка. Такими были почти все солдаты-срочники. Насмотрелась я и на контрактников: все толсторожие, сидят на блокпостах, вокруг - горы из банок от тушенки и пива.

Илье дали отпуск и он вместе с матерью уехал домой.

Очень скоро мать заметила, что у сына со здоровьем совсем неладно: жалуется на острую боль при поворотах тела. Сходили к врачу, сделали рентген. Оказалось, что у Ильи сломаны два ребра. Произошло это не во время боевой операции, а у себя в части. Вместе с ним служили москвичи, заставляли стирать их грязные носки и портянки, отказался - били.

Отпуск Илья потратил на лечение. Попросил прокурора, в связи с состоянием здоровья, перевести его в другую часть. Прокурор дал согласие и две недели Илья служил в родном городе.

На выполнение конституционного долга - в наручниках

- В то утро мне позвонила мама и сказала, что сына увезли в Чечню. Илья успел ей сообщить. - Рассказывает Тамара Ивановна, Мы с мужем приехали в часть, дождались его командира, но тот на все вопросы лишь разводил руками или говорил, что сын был прикомандирован к их части и он не имеет права держать его

здесь.

Писем от сына не было долго и встревоженная мать начала звонить в штаб внутренних войск. Отцы-командиры успокоили маму, что сын служит нормально.

Если бы мама знала, что было дальше с ее сыном...

- Я работал в штабе, делал ремонт, около 23 часов пришел офицер из роты розыска и сказал, что за мной приехали, - вспоминает Илья, - Он отвел меня в помещение роты розыска. Там уже было человек семь-восемь солдат. Лейтенант, которому нас передали, раздел меня и Михаила Крылова из Шумиловской бригады, донага, ноги связал портупеей. Лейтенант был пьян, грозил нам расправой, если мы попытаемся убежать. Ночью мы попросились в туалет, нас вывели на улицу к клумбе. Мы с Мишей вынуждены были скакать на одной ноге. Утром разрешили одеться, снова надели наручники, соединив друг с другом, и повели в столовую. А потом нас повезли в аэропорт и на военном самолете мы прилетели в Москву. Лейтенант связал нам свободные от наручников руки рюкзаком. Из Москвы летели в Ростов, затем в Моздок, после чего на вертолете прилетели в Грозный. Ночевали в расположении воинской части, охранявшей аэропорт "Северный". Ночью солдаты этой части рассказали, что сопровождавший нас лейтенант отсидел срок за неуставные отношения.

Так Илья С. , со сломанными ребрами и в наручниках, вернулся в Чечню выполнять приказ Верховного Главнокомандующего по восстановлению в Чечне конституционного строя. Стояло лето 1996 года.

"Из оврага вышли трое в камуфляже..."

Но вновь принять участие в боевых действиях, хотя наручники с него и сняли, в Чечне Илье С. не удалось.

-Утром нас посадили на БТР и повезли в расположение 101-й бригады, вспоминает Илья С., - В бэтээре лейтенант снова пил, хотя и так был пьяным. Приехали в расположение бригады, прошли в расположение второго батальона, который находился рядом с республиканской больницей. Мы спросили лейтенанта, что нам делать. Он ответил, что пока свободны, можно осмотреться на территории части. Сходили в туалет, затем в сторону гаражей, где ходили солдаты. Всех позвали на обед, солдаты ушли, а у нас с Мишей котелков не было и мы присели покурить. За гаражами был овраг, из него к нам подошли трое в камуфляже...

Эти трое оказались чеченцами. Наставив автоматы, они заставили этих двоих солдат спуститься по тропке вниз к дороге и посадили их на заднее сиденье УАЗа. В то время как их новые

товарищи в большом и шумном военном городке совсем рядом скребли котелки и облизывали ложки после обеда, Илья и Михаил куда-то ехали вместе с чеченскими разведчиками, так легко проникшими в расположение части.Но ехали недолго, - вспоминает Илья, - Остановились, меня отвели к кирпичной постройке, заперли. Не могу точно сказать, сколько времени я там был. Наверное, дня три. Ночью меня посадили в "Ниву", сверху закидали мешками. Везли долго. Привезли в какое-то село. При мне говорили по-чеченски, я ничего, конечно, не понимал. Названия села я не знаю, рядом были горы и река.

Новый хозяин, как потом оказалось, почти тезка - Ильяс, запер Илью в сарай.

Так начались для него, сына офицера, внука фронтовика, дни плена на территории формально ни с кем невоюющей Российской Федерации. Каждый из этих дней мог стать последним. Не понравится, как работаешь, били. Кормили один раз в день. Скотину, за которой Илью заставляли ухаживать, кормили два раза.

А где-то недалеко российские войска по приказу московских политиков вновь заключали с бандитами очередное перемирие. Командование части регулярно сообщало матери Ильи, что он жив и здоров. Приходившие из Чечни ребята объясняли ей, что он, наверное, служит в таком месте, откуда не ходит почта.

Вот уже и генерал Лебедь заключил с бандитами мир, а от Ильи все не было весточки.

Наконец, в квартиру Тамары Ивановны вошли двое чеченцев...

"Он был похож на маленького динозавра из музея..."

Московский поезд пришел в Кизляр в 8 часов утра. Тамара Ивановна вышла на вокзал. Когда пассажиры разошлись, к ней подошел мужчина и спросил ее фамилию. Потом повел ее к машине. Там сидели двое мужчин и - узнала по глазам - ее сын. Отдала деньги чеченцам, получила сына. Старалась не плакать. Поезд Кизляр - Астрахань. Потом поезд домой.

-Когда дома Илью осмотрел врач, - рассказывает Тамара Ивановна, - то был потрясен: у него на теле совсем не было мышц. Он был похож на маленького динозавра из музея - одни позвонки и косточки...

А о судьбе Миши Крылова так ничего и неизвестно: чеченцы их разлучили.

43. "Страшно было всегда. Очень страшно..."

В мае 1998 года в Нижнем Новгороде было создано объединение участников военных конфликтов "Братство", где сейчас более трехсот молодых мужчин, служивших во всех родах

войск. Эти триста воевали в Нагорном Карабахе, в Абхазии, в Приднестровье, Северной Осетии, Чечне. А осенью, после дембеля, уверен председатель "Братства" Павел Юдахин, в организацию начнут приходить парни, сейчас воюющие в Дагестане.

...В Чечню П. Юдахин попал весной 1995 года, провоевал там в разведроте 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полгода. За полгода ежедневного риска для жизни получил от государства в общей сложности четыреста рублей. И пальцы на раненой руке до сих пор не сгибаются.

-Поехать в Чечню у нас в дивизии считалось за честь. Очередь была! вспоминает Павел, - Мы себя за четыре месяца службы чувствовали подготовленными нормально - постреляли, гранаты побросали. Хотя в основном занимались не боевой учебой, а обустройством: в казарме даже стекол не было. Прибыли в Чечню - первая задача нашему сводному батальону: взять цементный завод под Шатоем. Его не могли взять внутренние войска, два раза штурмовали. А мы взяли, в апреле 95-го, и вообще без потерь. Хотя бандитов там было человек триста. Правда, перед штурмом хорошо поработала наша артиллерия. Потом, через два месяца, нас заменили свежие силы. Второй раз я снова поехал добровольно, в июне. Ранен во время зачистки Алхазорово, осколками от разрыва гранаты. Полтора месяца в госпитале.

- Как был ранен?

- К нам в роту пришел чеченец, "доброжелатель", сказал, что в Алхазорово скапливаются боевики, много оружия. Пошла наша разведгруппа, завязался бой. Оказалось, что нас там ждали. В Чечне любую операцию, в том числе и эту, надо было согласовать с командующим группировкой, а тот выходил чуть ли не на Москву, чтобы дали "добро" на операцию. Утечка информации или предательство, приводили к тому, что чеченцам о нас все было известно. Они по радио нам передавали, где и какая наша техника стоит, вплоть до номеров машин. Знали они и фамилии командиров.

- Какой была техническая оснащенность десантников во время войны в Чечне?

- У нас оснащение было убогое. Новой техники практически не было. У машин двигатели - с выработанным ресурсом, в горах быстро перегревались. Но по сравнению с мотострелками у нас техника была отличная. Под Шатоем мы нашли брошенные кем-то из мотострелков две БМП. Они просто застряли в грязи. Ничем не смогли вытащить, да и нечем, поэтому и бросили. В горах с автоматом калибра 5,45 воевать невозможно: много рикошетов, маленькая пробивная способность. У духов автоматы были

калибра - 7,62. Снайперская винтовка у нас сначала была вообще одна на всю дивизию. И снайпер был не подготовленный, а назначенный.

- Была ли уверенность, что вы делаете праведное дело?

- Настрой был один: Присягу принял - надо ее выполнять. А о политике задумываться и времени особенно не было. Страшно было всегда. Причем, очень страшно. Идешь на боевые - мальчишеский задор, все вместе, плечом к плечу, но все равно - очень страшно было всегда. Хотя у нас были очень хорошие командиры, все с боевым опытом - воевали в Афганистане, Нагорном Карабахе, они были уверены в себе. У нас был случай, что начальник разведки дивизии спас всю дивизию. Шли колонной, и горы-то все были проверены. И вдруг он кричит "К бою!". Только все успели спрыгнуть из машин - по нам началась стрельба, из гранатометов. Начальник разведки был убит прямым попаданием гранаты, от него одни ноги остались. В том бою наших погибли трое, но раненых было очень много.

- Как-то на высшем уровне прозвучало, что военного решения проблемы Чечни нет. Неужели Чечня сильней гитлеровской Германии?

- Армии просто не дали ее победить. Чечню можно было победить элементарно, за полтора-два месяца. Перемирий было очень много, непонятно зачем. Только взяли банду в кольцо - объявляют перемирие. Стрелять уже не имеешь права. И того же бандита тронуть нельзя, хотя он только что бросил оружие. Приказы были какие-то глупые: на выстрелы бандитов отвечать нельзя. Каждый раз приходилось доказывать, что чеченцы стрельнули первые. И командование чаще верило им, а не нам. Неразберихи было - чересчур. И командиров над тобой - целая куча, между собой не могут договориться. Вот у морской пехоты был один командир, они поэтому лучше всех воевали, у них руки были развязаны.

- Следишь за боями в Дагестане? Что-нибудь к лучшему меняется в организации военных действий?

- Мне кажется, что абсурда в управлении становится еще больше. Такое ощущение, что телевидение своими прямыми репортажами работает на бандитов, дает им не только оценку обстановки нашим командованием, но и цели.

- Есть ли настроение ехать воевать в Дагестан?

- Тянет туда, но посмотришь репортажи, как наши начальники действуют, и всякое желание ехать воевать пропадает. Если бы нам разрешили воевать по-настоящему...

* ВТОРАЯ КАМПАНИЯ *

22-АРМИЯ: "ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ"

Сразу же после отправки на Северный Кавказ частей 22-й армии в Нижегородском гарнизоне были организованы линии прямой телефонной связи, по которым родители и родственники солдат и офицеров могут узнать о судьбе своих близких.

Как сообщили сотрудники "горячих линий", только за первые три недели после отправки частей армии на Северный Кавказ по линии связи для офицеров позвонили 79 человек, по линии связи для солдат срочной службы - 827. Если в первые дни работы линий родители чаще спрашивали, убыл ли на новое место службы их сын или муж, то сейчас - когда будут выводить с Северного Кавказа молодых солдат.

Сотрудники "горячих линий" отмечают волнение и повышенную нервозность многих мам, сыновья которых проходят срочную службу.

Каждый звонок родителей по "горячей линии" строго фиксируется в специальном журнале, на каждый вопрос дается по возможности полный ответ.

СОЛДАТЫ ХОТЕЛИ ВОЕВАТЬ

Во исполнение Указа президента России, по которому нельзя использовать в боевых действиях солдат, отслуживших в армии менее года, в родные казармы вернулись из Чечни более четырехсот молодых солдат 3-й Висленской мотострелковой дивизии 22-й гвардейской армии. На смену им улетели их старшие братья, контрактники, собранные со всего Московского военного округа.

На Северный Кавказ из Нижнего Новгорода молодые солдаты, призванные весной, уезжали добровольно месяц назад, никого командиры не принуждали. Все, кто хотел тогда остаться в части, остались.

В курилке сидели пятеро молодых солдат. Все они из разных мест нашей огромной Родины - Брянская область, Краснодар, Иваново, Тамбов, Воронеж.

- С каким настроением уезжали из Чечни, ребята? - обращаюсь к бойцам.

- Насильно увозили! - в один голос говорят солдаты. - Практически все хотели остаться.

В серьезных боевых действиях участвовать им не довелось, хотя стрелять приходилось. Прочесывали местность. Были в 50 километрах от Грозного, на Тереке. Войска стояли в поле, вблизи населенных пунктов. Питание - из полевых кухонь.

Все они - разных боевых специальностей: санитар-стрелок, радиотелефонист, пулеметчик, автоматчик. Все полностью прошли курс молодого бойца.

- Чувствуем мы себя уверенно, стрелять умеем, - говорят

ребята, Боевую задачу выполнить были готовы. И чего их бояться, этих чеченцев... Если всех бояться, что это тогда будет за армия?

Были у ребят и встречи с местным населением:

- Там люди против войны. Ненависти к нам мы не чувствовали, наоборот. Арбузами нас угощали. Из-за бандитов люди не могут вернуться в родные места. Там до сих пор урожай не убран - кукуруза стоит, подсолнечник, все гибнет на полях. Бандиты не пускают урожай снимать.

- А домой вы писали?

- Сначала нет, потом написали, чтобы родители не волновались.

- К нам в роту с чеченской стороны два пацаненка приползли, русских, шести и восьми лет, - рассказал один солдат. - Мы их, можно сказать, спасли. Русские там еще есть, но чеченцы не дают уходить к своим.

- Пускаем ракеты и видны на арбузном поле какие-то люди, - рассказал второй боец.

О том, чтобы выйти из расположения лагеря, не могло быть и речи: все знают, что можно попасть в плен.

Чувствуется, эти пятеро искренне переживают, что им не пришлось повоевать. Здесь, в

А заместитель командира дивизии подполковник Василий Железняк рассказал, что самолет из Чечни с очередной группой задерживается сейчас только потому, что молодые солдаты не хотят покидать своих товарищей.

1. КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

Армия боится одного: приказа "Стой!"

Более четырехсот километров проехала по дорогам Чечни группа моральной поддержки во главе с начальником отдела воспитательной работы 22-й армии гвардии полковником Анатолием Киреевым и начальником Нижегородского гарнизонного Дома офицеров подполковником Анатолием Лашмановым. Группа, в составе которой была бригада артистов и журналистов, побывала во всех частях 22-й армии, доставила солдатам и офицерам гуманитарный груз, собранный нижегородцами, дала концерты в войсках. А 21 ноября наша разведка перехватила сообщение чеченского радио о гибели группы моральной поддержки из Нижнего Новгорода. Очевидно, противник, понимая ее значение для федеральных войск, запустил эту дезинформацию.

Моздок в тумане

Нижегородцу, если судьба занесет его нынче в Моздок, встретить там земляков нетрудно. Достаточно спросить патрульного на вокзале и он покажет, где стоят наши. Командир

семитысячного сводного отряда МВД России в Чечне, полковник милиции Сергей Кучерук - нижегородец, командир сводного мобильного отряда транспортной милиции полковник Александр Юферов - тоже. В его подчинении 550 человек из многих городов страны, отряд контролирует весь участок железной дороги от Моздока до Шелковской, включая и станцию Гудермес. Военный комендант Гудермеса, кстати, тоже нижегородец заместитель командующего 22-й гвардейской армии генерал-майор Александр Столяров. Наконец, в Чечне служат и воюют сотни наших земляков милиционеров, солдат и офицеров.

На вокзале Моздока сегодня одни патрули. Пассажиров практически нет. Движение по железной дороге на Гудермес открыто, но желающих путешествовать на поезде, впереди которого платформа с песком на случай подрыва пути, немного. А сразу за вокзалом бурлит обычная южная жизнь, работают магазины и киоски. Кстати, в Моздоке водка в киосках стоит дешевле пива - 10 рублей. На улицах много военных и милиции, поэтому преступности, рассказывают местные жители, они почти не чувствуют.

На станции, вопреки предположению, практически нет воинских эшелонов, хотя Моздок - главный перевалочный пункт грузов для оперативной группы войск "Запад". Стоит эшелон с трубами для строительства нефтепровода. По путям ходят молодые люди в штатском, но с армейской выправкой и с торчащими из карманов рациями. Когда туман рассеивается, на аэродроме неподалеку начинают гудеть самолеты.

- На двадцать шесть человек - три гранаты, патронов - на несколько минут боя, - пожаловался майор из Ростовского транспортного ОМОНа, - И склады пусты, ничего не обещают.

А вот нижегородские милиционеры, когда отправлялись в командировку, рассказал зам. командира сводного отряда транспортной милиции подполковник Сергей Зубков, все привезли с собой - продовольствие, боеприпасы, даже цемент, в расчете на долгое автономное существование.

-У нас в отряде почти все с опытом первой чеченской компании, рассказал он, - Разместились в тех же зданиях, где жили два года назад. Даже наши надписи на стенах сохранились. Охраняем восемь станций, патрулируем железную дорогу, постепенно восстанавливаем мирную жизнь. Здесь практически вдоль всей ветки железной дороги чеченцы выкопали и продали кабель энергоснабжения, поэтому для нас главное сейчас - его восстановление.

Дорога на Горагорское

Перегрузили из вагона в автомашины ящики и коробки с

гуманитарным грузом для солдат 22-й армии и колонна, в сопровождении БМП из разведбата и машины с зенитной установкой, двинулась в путь. Движение по дорогам Чечни разрешено до 15 часов и только колоннами, обязательно в сопровождении бронетехники, потому что опасность обстрелов остается.

Сразу же за Моздоком на шоссе в сторону Чечни через каждые несколько километров - блокпосты. Против ожидания, движения по дороге почти нет, не видно ни толп беженцев, ни возвращающихся домой. Омоновцы на блокпостах откровенно скучают. Лишь на мосту через Терек, за которым уже Чечня, некоторое оживление: проехал мальчик на ослике, да прошла в Чечню группа женщин с сумками. Через несколько километров догнали еще одну женщину, она брела по обочине на восток в туче пыли, но с российским флагом в руках.

На всем пути от Терека до Горагорского, первого крупного селения на западе Чечни, ни одного признака былых боев или тем более жарких сражений. На шоссейной дороге и по обочинам - ни одной воронки от бомб, снарядов или фугасов. Объясняется это просто: маневр российских войск, вышедших в начале операции на Терский хребет с севера, а потом с запада двинувшихся с территории Ингушетии в Чечню, был столь стремительным и неожиданным для противника, что на этом направлении он сначала практически не оказывал сопротивления.

В селе Горагорском следов боев тоже не видно, да и в целом картина запустения и хозяйственной разрухи оказалась не больше, чем, например, весной в селах Лукояновского района. На улицах села - группы молодых мужчин, вышли из домов погреться на солнышке. Нашу колонну провожают, явно считая в ней глазами количество автомашин.

"Продается дом" - написано на фанерном щите. Интересно бы посмотреть на пожелавшего купить здесь жилье.

Единственный след боев - большая дыра от противотанкового снаряда на нефтяном баке. Выстрел сделан со стороны Грозного. Пошли за бак по малой нужде, но остановил возникший как из-под земли омоновец:

-Куда?

Услышав ответ, равнодушно сказал:

- Идите. Но там заминировано.

"Аппетит" сразу пропал.

Все ближе Грозный. Вдоль дороги - столбы с давно оборванными проводами, но все поля, в отличие от многих российских, на удивление, вспаханы. Видны стада коров и овец. На холме - памятник погибшим в Великую Отечественную,

изрешечен пулеметным огнем. У дороги стоит "Беларусь", крыша вмята в сиденье, словно на трактор наступил Кинг-Конг. В небе над головой то и дело проносятся пары изящных штурмовиков - на Грозный. Ветер сменил направление и на сказочной красоты белоснежные горы Кавказа на горизонте летит черный дым от горящих в нескольких местах нефтяных скважин. На проселочной дороге, прямо в колее, лежит, вмерзшая в грязь, убитая телушка. Машины ее аккуратно объезжают. Неподалеку еще две-три убитых коровы со вздувшимися животами.

Горе побежденным

"23 сентября. Классера болх" - написано детской рукой на доске в одном из классов Керла-юртовской средней школы. В этот день здесь был последний урок. Потом начались бомбежки российской авиации и детей увезли в Ингушетию.

Чувствуется, что классы к новому учебному году были отремонтированы стены и полы покрашены. Но сейчас парты сдвинуты в кучу, в выбитом окне стволом на Грозный стоит станковый гранатомет "Пламя". В классах расположился отряд спецназа. Рядом со школой стоит танк, трое солдат, один из них явно азиат, копают окоп, что-то рассказывая друг другу. Вокруг школы выкопана траншея, часть ее укрыта большим красным одеялом, наверняка трофейным. У огневой точки, сложенной из мешков с песком, стоит принесенное из учительской школы дорогое кресло, чтобы спецназовцу было удобнее вести наблюдение.

В коридоре школы разбросаны учебники - русского языка, физики, "Советского права", классные журналы. Валяется книга "Живые и мертвые" Константина Симонова. Кто-то из солдат нечаянно, хочется так думать, пробегая по коридору, наступил на книгу "Где-то гремит война" Виктора Астафьева. Интересно, о чем вздохнул бы писатель, если бы посмотрел из сибирской дали на свою книжку с отпечатком сапога русского солдата на обложке...

Целый ворох табелей успеваемости на тетрадных листочках. У Залавди Дударовой в табеле - одни пятерки, в том числе и по русскому языку, у Хазам Воздиевой в основном тройки. По музыке и физкультуре у девочки были четверки. Где-то сейчас эти дети... Но им лучше не видеть, какой стала их родная школа.

У школьной калитки - группа местных жителей. Старик в высокой бараньей папахе и с десяток женщин. Все худые, похожи на цыганок. Пришли отмечаться к коменданту, командиру отряда спецназа. Зачем надо отмечаться - сами еще не понимают. В лучшие времена в Керла-Юрте проживало триста семей, сейчас, вместе с вернувшимися беженцами, около 60 человек. Детей нет совсем. Женщины неохотно вступают в разговор, тем более что

рядом стояла группа солдат из Кантемировской дивизии, а я был в военной форме: "Вы все равно напишете так, как это надо русским!". Но постепенно лед взаимного недоверия подтаял и женщины начали откровенно ругать армию и спецназ за поведение во время боев и зачисток.

-У нас в селе, когда "Грады" стреляли ночью, погибло пятьдесят четыре человека, а сколько скота побили ... Пятнадцать детей погибли, - плачет молодая женщина.

Вспоминаю рассказ веселого капитана-артиллериста: его батарея самоходных установок выпустила по Керла-Юрту 190 снарядов.

Женщины уверяют, что в их селе не было ни одного боевика.

- Если у вас убили мать, сожгли дом, вы будете боевиком? - спрашивает старуха. - У меня убили свекра - ему восемьдесят лет, какой он боевик? Деверя застрелили, мужа, сын умер от болезни. Умела бы я стрелять, клянусь, пошла бы с боевиками. Вы пройдите по нашим домам, посмотрите, что после себя оставили ваши солдаты.

- Мы всю жизнь жили среди русских, рассказывает пожилая женщина, - В каждом втором доме были русские, учителя были русские. Мы жили в дружбе, вместе работали, как одна семья... До начала этой войны свет у нас был, газ был, пенсии платили, я получала четыреста рублей. Школу обустроили своими силами, учителей наняли. Мы на зиму всем запаслись, а пришли солдаты... Танком в сарай заехали, всех индюков задавили. Внучка, два годика, только разговаривать начала, никак не хотела выходить из подвала после обстрела, так боится самолетов.

Вспомнил рассказ контрактника из Липецка: "Если сразу дверь в дом не удается открыть, стрелял по ней из гранатомета...". Другой, задержанный командирами за некорректное отношение к местному населению, повинился: "Я нагрубил только один раз. Варенья захотелось, спросил у старика, а он на меня начал кричать. Я снял автомат с предохранителя и дал очередь по низу дома. Тут же бежит бабка с банкой варенья. "Ну вот, а говоришь, что нет ничего. А ведь я мог бы и по окнам стрелять...".

Как в дивизии Чапаева: "Белые приходят - грабят, красные приходят грабят". У чеченок из Керла-Юрта оснований радоваться возвращению российской армии не больше, чем у русских женщин из фильма "Неуловимые мстители" приходу "вольной армии батьки Бурнаша". Впрочем, нынешние комиссары Фурмановы жестко наказывают тех солдат, кто обижает обывателей. Но война есть война, где всякой грязи хватает.

Одна женщина с ненавистью показала на кучу пустых консервных банок в школьном дворике, оставленных

постояльцами-спецназовцами.

-Как можно было бомбить мирное село! - ругаются женщины, - Ну хотя бы сообщили, что будет обстрел, чтобы мы могли спрятаться. Германия - та предупреждала, что будет бомбить. У нас от снаряда погибла женщина-почтальон - восемь сирот осталось...

-А если тебе показать развалины домов в Москве, взорванные вашими сыновьями? - оборвал ее солдат-кантемировец.

Женщины ругают Басаева, якобы он под прикрытием русских вертолетов перелетел в Чечню из Дагестана, клянут Березовского, который, уверены они, снабжает боевиков деньгами, и жалеют Масхадова. О том, что Хаттаб - не чеченец, а араб из Иордании, слышат впервые. Неохотно признавали, что в селе в подвалах некоторых домов держали русских рабов, но узнавали они об этом якобы только после прихода федеральных войск.

- Пусть Россия скажет, куда нам уйти и где жить, только чтобы нас больше не бомбили, - в отчаянии крикнула пожилая женщина. Ей, всю жизнь отработавшей дояркой, было восемь лет, когда Сталин переселил чеченцев в Казахстан.

По дороге со стороны Ингушетии с белым флагом в окне к школе подъехали "Жигули". Вышли четверо крепких бородачей. Женщины сказали, что это их мужья, беженцы, жили в Малгобеке. Бородачи прошли мимо солдат, как проходят через стадо баранов. Солдат-кантемировец, чтобы избежать соблазна выпустить в них очередь, закинул ствол автомата за спину и лишь сплюнул в след.

Когда женщины и вновь прибывшие мужчины-беженцы разошлись по своим домам, солдаты сказали: "Нельзя верить ни одному слову чеченцев. Днем он вам у дома улыбается, а ночью из гранатомета по колонне стреляет. И у этих все мужья и сыновья - в бандах".

Командир отряда спецназа, простодушно рассказавший, что у него в голове восемь дырок после нескольких командировок в Чечню, разрешил проехать по Керла-Юрту на бронетранспортере.

Разрушенных домов в селе оказалось не более десятка. Батарея самоходок веселого капитана стреляла, видимо, точно по высоткам на окраине, где у боевиков были вырыты окопы. Черепицу с крыш многих домов местные жители заранее аккуратно сняли и сложили во дворах, чтобы ввести в заблуждение артиллерийских наводчиков: если дом без крыши, значит, раньше по нему уже стреляли.

По русским понятиям, Керла-Юрт - село богатое. Хотя особняков, как у новых русских, здесь всего два-три, это в других селах есть дворцы, где заборы вокруг - как кремлевская стена. У

многих домов - это после бомбежек и обстрелов - огромные скирды сена в тюках, какие и в дореформенные времена увидеть можно было не в каждом российском колхозе. Во дворах многих домов стоят брошенные автомашины - "Феррари", джипы. Солдаты рассказывают, что все машины в Чечне - угнанные из России. Их новые хозяева не считают нужным даже менять номера. На машинах - волгоградские, ростовские, ставропольские, московские номера. Чечня живет без ГАИ несколько лет, новую ее аббревиатуру никто здесь не выговаривает, да и ни одного дорожного знака в республике увидеть не довелось.

По улицам Керла-Юрта бегают уцелевшие после зачистки куры и индюшки, кое-где бродят бесхозные коровы и телята. В нескольких местах на улицах села валяются убитые овцы и коровы. Посмотрели на взорванный саперами дом тетки вице-премьера Чечни Вахи Арсанова. Спецназовцы рассказали, что тщательно обыскали дом, ничего не нашли, а когда взорвали - вверх полетели какие-то бумаги, оказавшиеся ценными документами. Во дворике взорванного дома разбитый телевизор и чьи-то старые черные брюки. Уже прошел слух, что Ваха Арсанов знает о взорванном доме и очень этим огорчен.

Магазин в селе - с выбитыми витринами, сбитым бронемашиной углом. На полках, конечно - шаром покати. А вот мечеть в селе стоит абсолютно целой, ни одной пулевой отметины. И мулла якобы не ушел, а остался.

"Как прекрасны предгорья Кавказа..."

В отличие от потерявших детей, измученных обстрелами чеченских женщин свои чувства о походе в Чечню заместитель командира мотострелкового полка по тылу майор Игорь Николаев выразил в стихах:

Мы прошли по земле Ставрополья,
Умываясь потом в пыли,
Как когда-то простые солдаты
Мир земле по весне пронесли.
Наши думы в походах суровых
О судьбе наших юных детей,
О любимых, далеких и близких,
И о слезах родных матерей...

В День памяти Кузьмы Минина весной этого года у Вечного огня в Нижегородском кремле духовой оркестр именно под управлением майора И. Николаева впервые исполнил марш "Нижегородские полки" на стихи С. Скатова, сразу так полюбившийся губернатору Ивану Склярову, что он, смахнув слезу умиления, попросил оркестр исполнить этот марш еще раз.

Судьба повернулась так, что военный дирижер майор И. Николаев после расформирования военного училища тыла стал служить в мотострелковом полку. После походов и боев вдохновение не покидает его и в Чечне:

Как прекрасны предгорья Кавказа,
Даль равнин и величие гор,
Но обидно, обидно ребята,
Что сюда все пришли мы на бой.
Небу синему чистые реки,
Людям счастье, богатство земли,
Рождены мы с тобою на свете,
Чтоб добро в дом друзей принести...

Увы, но майор Игорь Николаев и освобожденные им и его товарищами от боевиков женщины села Керла-Юрт пока по-разному смотрят на мир.

Чужие

Главная достопримечательность средней школы чеченского села Керла-Юрт диорама в одном из классов. Называется она - "Герои газавата". Отважные чеченские воины на фоне дворца Дудаева на площади Минутка в Грозном в упор расстреливают из автоматов атакующих русских солдат. Чеченцы, один из них нарисован на картине даже с сигаретой в зубах, гордо стоят в полный рост, русские же - падают им под ноги. Картина - на всю стену класса. Наши спецназовцы, разместившиеся в этом классе, навешали на картину автоматы, гранатометы, бронежилеты, вот и получилась диорама.

Этой картиной детей в Керла-Юрте воспитывали в духе презрения к русским. В другом классе - стенд с фотографиями молодых мужчин, надпись на нем гласит: "Жертвы геноцида". О том, что эти "жертвы" как на работу ходили на железную дорогу грабить пассажирские поезда, резали глотки пленным русским солдатам и насиловали девушек-казачек, детям, надо полагать, не говорили. На другом стенде - известное изречение Александра Солженицына, восхваляющее мужественных чеченцев, статья об одном из героев чеченского "Сопротивления", памятка русскому солдату, воющему в Чечне, которая сквозит презрением к русским.

Керла-Юрт считается ваххабитским селом. Школьникам здесь преподавали основы ислама, арабский язык и вайнахскую этику. На стене в коридоре среди правил поведения учащихся и такой пункт: "Запрещено приносить в школу огнестрельное оружие". На полу валялись тетрадки со списками учащихся, в графе "место работы родителей" попадается запись: "Сотрудник Национальной службы безопасности". То есть родители этих учеников - боевики.

Командир отряда спецназа рассказал, что в богатом доме напротив школы, где жил председатель ЗАО "Грозный-Лада", они нашли удостоверения боевиков, пропуска в Дом правительства Ичкерии, около двухсот патронов, снаряженные автоматные магазины, снайперские прицелы, три винтовки. И очень важная находка: благодарственное письмо хозяину от правительства Ичкерии, подтверждающее участие его владельца в покушении на генерала Романова. Всего же в этом селе лишь при первой зачистке в домах были найдены документы более чем 20 боевиков, несколько стволов и более пятисот единиц боеприпасов.

Солдаты показывали эти документы, похожие на водительские права, запаянные в пластик. Их обладатели - бойцы отдельного Исламского особого полка - сейчас на подлете к Аллаху. Все документы отпечатаны на русском языке.

Командир отряда спецназа рассказал, что старик в папахе, который злобно махал клюкой вслед бронемашине, когда мы объезжали село, ночью сам поджег свое сено у дома, чтобы свалить на русских. "Мы потушили пожар, но машина у него сгорела, - рассказали спецназовцы, - а соседи, когда узнали, что дед сам поджег скирду, хотели ему надавать". Во время движения российских войск по Чечне то и дело в кошарах попадались пастухи с портативными японскими радиостанциями. Эти безобидные на вид пастухи сообщали в банды о продвижении колонн российских войск.

Чеченцы презирают русских, по радио не стесняются в выражениях. "Рус Иван, болван, придет чечен - отрежет тебе член" - это еще мягкое выражение.

Фанатиков среди них - сколько угодно.

-В одном бою - стреляю в чеченца из автомата, он идет в полный рост, вижу, как у него из плеч клочки мяса летят, - рассказал солдат-контрактник, - А он, сам чуть не падая, поднял гранатомет - выстрел, и сжег нашу бэшку (боевую машину пехоты - В. К.).

Но фанатизм кончается, когда смерть близка.

-На Терском хребте чеченцы сами, выстрелом в затылок, убили своего командира батальона Гамзатова, когда поняли, что надо отходить, а он заставлял их вести бой, - рассказал командир мотострелкового полка.

"Быстро гоните сюда баб и детей: русские мочат нас "Градами!" - эту радиограмму перехватила наша радистка из разведбата. Потом трупы убитых русскими ракетами чеченских женщин и детей снимают на видеокамеру, а пленку отправляют на Запад, чтобы там публика могла воочию увидеть, как русские

артиллеристы убивают мирное чеченское население.

-Трясутся, как собаки, - рассказали разведчики о попавших в плен чеченцах.

Когда одному пленному всего лишь предложили почистить зубы напильником, он охотно рассказал, где в районе Грозного расположены склады и места скопления боевиков, показал по карте примерное местоположение Хаттаба.

На стороне чеченцев, по различным данным, воюет до полутора тысяч наемников из разных стран.

-Я сам видел трупы двоих арабов, - рассказал один из контрактников, Ребята говорили, что был и третий, но его утащили свои.

В окопах двух из пяти опорных пунктов, взятых гвардейским мотострелковым полком, судя по найденным спискам закрепления оружия, в русских солдат стреляли наемники со славянскими фамилиями. Рассказывали о капитане-птурсисте (ПТУРС - противотанковый ракетный управляемый снаряд - В. К.), который воюет на стороне чеченцев. Одним точным выстрелом он подбил наш танк. Угодил под механика-водителя, его голову после взрыва танка так и не нашли. Рассказывали о танке, который вел огонь по нашей колонне на марше. Сначала подумали, что танкист ошибся. Когда танк подбили, из него вылез рыжий парень и, не очень торопясь, ушел в зеленку, к чеченцам. Эти, для кого доллары дороже Родины - тоже чужие, хотя по крови и русские.

Спецназовцы рассказали о радиопереговорах с женщиной-снайпером по имени Маша. "Ребята, вы все такие красивые, я не буду убивать вас выстрелом в лицо...". На местах ее засад находили окурки дорогих дамских сигарет со следами губной помады. Может быть, именно эту стерву, стрелявшую с водонапорной башни, и накрыл выстрелом из миномета наш земляк Сергей Кустов. Сколько матерей обязаны этому парнишке, спасшему жизни их сыновей... Его представили к ордену Мужества.

Артиллеристы презрительно называют противника "бабуинами". В целом же везде было заметно, что российские войска ощущают свое превосходство над бандформированиями, никаких признаков страха перед чеченцами не чувствовалось. "Чичи! Вам п... ц!" - крупными зелеными буквами написано на каменном заборе одного из придорожных домов села Керла-Юрт. Эту надпись видят водители всех колонн, проходящих на Грозный.

Немногим из наших солдат довелось увидеть врага лицом к лицу. Лишь трупы в разбитых окопах. Обычно чеченцы действуют

мелкими группами, не вступают в открытое огневое противодействие, боятся, потому что на каждый выстрел с их стороны летит море огня.

Те из чеченцев, кто оказался на занятой российскими войсками территории, вынуждены идти к солдатам на поклон. Рассказывали, например, о некогда гордом Саиде, который пошел на такое унижение, что попросил у солдат разрешения съездить в ближайший лес, где еще с той войны остались мины, сам нарубил дров и привез в багажнике своего "мерседеса".

А русских, продолжающих жить с чеченцами, здесь осталось немного. Рассказывали о Ване-трактористе из Казан-Юрта. Чеченцы не убивают его, потому что должен же кто-то на них здесь работать. Прибежали к нашим солдатам два бывших раба, когда все чеченцы ушли из села после обстрела. Один - парень из Белоруссии, последний раз чеченец продал его соседу всего лишь за двух баранов. Второй - мужик с Сахалина, в рабстве провел восемь лет. Оба в плен попали в глубине России, по пьянке.

Да разведчики подкармливают пятерых старух из попавшегося им на пути давно брошенного всеми врачами сумасшедшего дома где-то под Самашками.

"Огонь батарея! Огонь батальон!"

Вторая чеченская кампания в корне отличается от первой. В поход пошли полностью отмобилизованные и хорошо оснащенные части, солдаты и офицеры знают цели кампании и готовы воевать сколько надо, но на этот раз до победы. Большинство командиров российской армии, воюющей сейчас в Чечне, имеют опыт двух, а то и трех-четырех войн. В памяти остались десятки встреч с офицерами - комбатами, ротными, взводными. Портреты большинства из них должны висеть у солдатских матерей в красных углах, вместе с иконами. Именно благодаря умелым действиям офицеров всех уровней потери войск в этой операции минимальны. Например, мотострелковый полк полковника Юрия Петрова в боевых действиях убитым потерял всего одного человека. Кстати, полковник, а также его комбат майор Александр Жохов представлены к званиям Героя России.

Первого октября части 22-й армии, эшелонами переброшенные из Нижегородской области в Ставропольский край, вошли на территорию Чечни с севера. Сбивая заслоны противника точным и беспощадным артиллерийским огнем, мотострелковые батальоны, периодически разворачиваясь в боевые порядки, вышли на Терек и форсировали его. Быстро взято с боями несколько хорошо укрепленных опорных пунктов бандитов. Лишь однажды дневное продвижение составило всего

700 метров. До Грозного оставалось совсем немного, когда части 22-й армии, совершив фланговый маневр, с территории Ингушетии вышли в долину, овладели вершинами Терского и Сунженского хребтов и оказались на подступах к Грозному. По шоссе от передовых позиций до города - десять минут езды на "Опеле". Если никто не остановит, конечно.

Села Самашки, Долинское, Рубежное оказались внизу, на вершинах гор мотострелки и самоходная артиллерия. Тактика действий войск отработана до автоматизма: группы разведчиков, уходящие вперед, засекают цели и по радио передают их координаты, в эти места летят сметающие все живое залпы "Грачей", "Градов" и "саушек", при необходимости артиллерийская обработка повторяется несколько раз. И только потом, не торопясь, поднимается пехота. Солдаты рассказывали, что командующий группировкой "Запад" генерал Шаманов однажды лично запретил атаковать пехотой высоту, когда узнал, что по ней еще не работали авиация и артиллерия и там может быть противник.

Расход боеприпасов огромный, но это никого не смущает. Пусть лучше уйдет в белый свет лишняя сотня снарядов, сгорит в ответ на один выстрел целое село, чем погибнут нынешние Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой. Командир одной из батарей самоходных орудий рассказал, что только по целям в районе села Самашки его батарея выпустила 400 снарядов калибра 152 миллиметра. Кстати, каждый снаряд стоит одну тысячу рублей. Дивизион самоходок гвардейского артиллерийского полка за два месяца выпустил по одной тысяче снарядов на орудие, ракетный дивизион "Градов" - две тысячи зарядов. И колонны КамАЗов со снарядами подходят к позициям одна за другой. В артполку на земле готовой к использованию лежала гора зарядов для "Градов" четыре тысячи единиц.

Пехота уверена, что артиллерия не даст противнику поднять головы, и смешает его с землей. Чеченцы с ужасом ждали 19 ноября - Дня артиллерии. В эту ночь под Грозным творилось нечто ужасное. Зарево и сполохи были по всему горизонту. Стреляли не только "Грады", но и могучие "Ураганы" и "Смерчи". Жутко даже представить, что сейчас на месте их разрывов. Самоходки неподалеку от нашего места расположения стреляли по Грозному всю ночь почти без передышки.

В гвардейском самоходно-артиллерийском полку подполковника Аркадия Королькова за первые два месяца операции к наградам были представлены 58 наиболее отличившихся солдат и офицеров, 10 человек - досрочно к очередным званиям. За этими цифрами - труд многих людей,

сотни спасенных жизней своих солдат.

Сейчас армия боится только одного: приказа "Стой!". Эти слова приходилось слышать много раз от командиров различных уровней. Рассказывали, что командующий группировкой генерал Шаманов обещал снять с себя погоны, если армия будет выведена политиками из Чечни, не одержав победы над бандитами.

Части полковника Сергея Юдина расположились на территории Грозненского газоперерабатывающего завода. Под видом рабочих, а на заводе имелись и подземные коммуникации, здесь занимали оборону до трехсот боевиков. Все они были выбиты отсюда. В этом полку к званию Героя России был представлен командир роты Игорь Заврайский. Его рота, действуя умело и без потерь, захватила высоту, потом, наращивая успех, захватила и вторую, которую оборонял батальон Дудаевского полка. Причем в этих боях в роте Заврайского был ранен всего один человек, да и то в мизинец. Потери противника убитыми составили около 50 человек.

А пленных мы стараемся не брать, - твердо сказал командир полка и подчеркнул, что за своих погибших полк отомстил конкретно тем, кто в этом виноват.

Кому война, а кому мать родна

- Лежу на диване, смотрю телевизор: бегущей строкой объявление военкомата о наборе на контрактную службу. А почему бы не повоевать? Я каменщик, а полгода сижу без работы, - рассказал один из солдат российской армии в Чечне.

Так, прямо с дивана, и пошли большинство из них на войну. Тульские, орловские, ивановские, нижегородские мужики - как будто вся Россия поехала в Чечню на заработки. Только зарабатывают они - автоматом.

Одни из них в мирной жизни были токарями и шахтерами, другие отчаялись найти заработка в деревне. Пулеметчик из Тульской области оказался директором сельского дома культуры, приехал в Чечню заработать клубу на электрогитару.

- Стыдно сказать, кто я был в мирной жизни, - рассказал сибиряк-гранатотметчик: - Товаровед по пушным и меховым изделиям. А в долгах был - как в шелках.

Парень из Воронежа:

- Сказал матери, что поехал в Москву выбивать долги у братков, а сам в Чечню.

- Мой земляк, деревенский, после первой войны в Чечне получил двадцать восемь тысяч - и заплакал: "Сроду в колхозе таких денег в руках не держал..." - рассказал бывший наладчик на ткацкой фабрике из Иванова.

Для большинства контрактников деньги, заработанные в

Чечне, главная часть семейного бюджета. Но тех, кто гонится только за деньгами, презирают.

- У нас три повара в батальоне - готовят так, что пора убивать, - а каждый вечер считают на калькуляторе, сколько за день заработали, потом галетами хрустят, как мыши, - выругался водитель грузовика.

- А я воюю уже семнадцать лет, - рассказал снайпер Максим из Липецка, Но не из-за денег: адреналин меня гонит на войну!

Максим прошел все горячие точки бывшего Союза, воевал в Африке в составе Французского иностранного легиона. Настоящий "дикий гусь". В Чечне не принято спрашивать, какой у кого личный боевой счет, но все же не удержался и, глядя на его снайперскую винтовку, спросил.

- Подтвержденных - семьдесят семь, - не без гордости ответил Максим, Здесь - один. Пока. Всяких убивал: белых, черных, рыжих.

Даже не верится, что Максим закончил университет и два техникума, по основной специальности - металлург.

Встретил я в Чечне и своего коллегу. Юрий работал журналистом в одной из газет Иванова, но понял, что автоматом он заработает больше, чем пером. Эта война для него - вторая. Мечтает когда-нибудь сесть за книгу, потому что впечатлений хватает.

Контрактники в среднем составляют 30-40 процентов от общего количества личного состава российской армии в Чечне. Немало среди них и награжденных за первую кампанию, как, например Дмитрий Солунин, автоматчик из Иванова. Здесь он снова представлен к награде. Если бы вся армия состояла из таких как он, непьющих и рассудительных мужиков, с генами суворовских солдат - война наверняка закончилась бы быстрее и с меньшей кровью и грязью.

"Его хоть каждый день умывай...."

Отличить контрактника от солдата срочной службы в Чечне просто: срочники почти все чумазые. Контрактники за собой следят, все выглядят молодцевато, свежевыбритые. Лишь в одну берлогу, когда зашел, подумал сначала, что попал в общую камеру СИЗО, но нет, пригляделся - на нарах гранатомет, а и из-под грязных подушек торчат автоматы. В палатках контрактников - идеальный порядок: одеяла заправлены, некоторые приспособили печки под отопление соляркой - через медицинскую капельницу. На ночь, говорят, литров сорока хватает. С дровами туго, это артиллеристам хорошо - у них снарядные ящики можно разбивать, а пехота топит печки всем, что под руку попадется. На Грозненском газоперерабатывающем

заводе печки топили рамами из окон цехов, на дрова разбирали полы. О том, что когда-нибудь все это придется самим же восстанавливать, никто не думает.

- Его хоть каждый день умывай, все равно как поросенок, - сказал об одном срочнике сержант-контрактник.

Спросил паренька родом из Москвы, знает ли он, какое сегодня число.

- Не интересовался. Как будет Новый год - ребята скажут.

- Но вот вчера артиллерия особенно сильно стреляла. В честь какого праздника, как думаешь?

- Не обратил внимания. Да каждый день, вроде бы, так же стреляют...

Воды - дефицит, поэтому иной раз приходится выбирать: умыться или выпить чаю.

У солдат, пиливших бревно, чернозем под ногтями был, наверное, еще ставропольский, двухмесячной давности.

- Когда были в бане? - задумался паренек из Пензенской области, - А вообще-то - неделю назад. До этого месяц не мылись.

- Вшей не накопили?

- В голове - нет, - твердо ответил солдат.

- Срочники даже обрадовались, когда мы приехали, сразу повеселели, рассказал контрактник Юра-журналист, - Научили их быстро ставить палатки, дров заготовили, умываться заставляем. Из десяти срочников нормальных солдат - один, не больше.

Впрочем, в Чечне за месяц-два и маменькины сынки становятся настоящими бойцами.

Человек, как известно, такая скотина, что быстро приспосабливается к любым условиям, но русский солдат всем иностранцам даст сто очков вперед в умении мгновенно налаживать элементарный быт. Остановилась колонна в чистом поле, и уже через минуту здесь звенят пилы, стучат топорики, без суеты поставили палатки, печки, нужники, уже и кухня дымит, а скоро и кашей с тушенкой запахнет. Войска за два месяца кампании в Чечне сменили по 15-20 мест дислокации, и всякий раз ставили лагерь. Поступит приказ сниматься с места - в считанные минуты весь скарб - в машинах, а на месте, где был лагерь - чистота.

С трудом поверил, что четыре милых девушки-медички из гвардейского мотострелкового полка всегда сами ставят себе палатку.

- Но мы же военные, - обиделись они.

"А теперь я в медсанбате, на кровати весь в бинтах..."

Через медицинскую роту этого полка прошло за два месяца кампании около 50 человек раненых, рассказала врач-терапевт

старший лейтенант медслужбы Татьяна Леангард. Этой хрупкой девушке из Санкт-Петербурга десятки солдат обязаны своим здоровьем, а то и жизнями.

- Несколько дней, когда шли бои за Рубежное, мы обрабатывали по десять-пятнадцать раненых в день, но обычно меньше.

- Как ведут себя раненые? Есть такие, что кричат от боли, плачут?

- Нет, мы же их парамедолим (то есть вводим обезболивающие препараты В. К.), все ведут себя нормально. Они даже гордятся, что ранены в бою. Один раненый контрактник так переживал, что теперь не сможет отомстить за убитого вЧечне брата... Все хотят вернуться в полк, к друзьям, воевать дальше. Это мы по ним плачем, жалеем каждого.

Девушки - Таня, Ольга, Вера и Валентина - рассказывали мне, как они перевязывали раненых, порой сами по локоть в крови, а я вдруг поймал себя на мысли: да они же чуть не слово в слово рассказывают мне эпизод из моей книги "Заплачено кровью" о работе полковых медиков в Великую Отечественную войну. Господи, как похожи все войны...

Медицинский батальон 3-й мотострелковой дивизии стоит прямо в поле. Чудо, но в палатках здесь - операционная, рентген, даже кресло стоматолога. Медики обеспечены всем необходимым и делают все операции, рассказал его командир подполковник медслужбы Михаил Сазонов. Делали даже операцию по удалению аппендицита, местному мальчишке - вырезали грыжу. Собрали 3,5 литра крови от доноров в батальоне.

- С начала кампании через медбатальон прошло пятьсот одиннадцать человек, - рассказал он, - Раненых и травмированных - из них - семьдесят человек, остальные больные, в том числе шестеро - воспаленьем легких. Эвакуировали вертолетами в госпиталь Моздока сто сорок три человека, остальных вернули в строй.

Больше сотни операций, из них двадцать - сложных провел ведущий хирург медбата Андрей Тищенко. Эта война для него вторая. В первой чеченской кампании через его золотые руки за четыре месяца прошло более двухсот раненых.

- Один солдат был в состоянии клинической смерти, но вытащили, с того света, - рассказал он, - Спасли ногу другому парню, подорвался на растяжке гранаты. Вообще ампутации не было ни одной. Самая сложная операция была три с половиной часа. Оперировали раненого в живот лейтенанта-разведчика Барнаева. Операция прошла успешно, но выходить его не удалось, умер в госпитале.

В палатках медбата было всего несколько человек больных: на фронте третью неделю стояло относительное затишье.

"Пусть пропахли руки дождем и бензином..."

Медицинский и ремонтно-восстановительный батальоны разделяет пустая труба газопровода.

- Это граница, - рассказали солдаты, - Ночью здесь часовые с обеих сторон, случается, что и постреливают для острастки, но мы к медсестрам по сопкам бегаем, в обход.

Командир рембата майор Игорь Спицын в мирной жизни обожает французскую музыку и аквариумных рыбок, а здесь обязан обеспечивать ремонт автомашин и бронетехники. В сторонке стоит несколько попавших в аварии и разбитых выстрелами из гранатометов чеченцев автомашин и БМП. Их ждут в войсках.

- В батальоне только срочники, - рассказал комбат, с удовольствием показывая свое немалое хозяйство, - Девятнадцатилетние парни, а чудеса творят: любой ремонт делают, причем в полевых условиях.

За два месяца рембат вернул в строй 253 единицы автомашин и бронетехники.

Этих парней, с черными руками, в черных от машинного масла телогрейках, с утра до ночи на холоде ремонтирующих машины, после армии любой автосервис должен брать на работу без звука и платить только в твердой валюте...

- Устал я от армии, - с тоской сказал комбат, - Мне сорок пять, а выслуги - тридцать пять лет, и где только не воевал...

И полез помогать ставить новый двигатель на КрАЗ.

"Пишу тебе из горящего танка..."

В каждом батальоне мы забирали письма или просили написать матерям, чтобы весточки с фронта быстрее дошли домой.

"Здравствуй, мама!" - написал молодой солдатик и сидит, шмыгает носом: "Каждый день одно и то же, ну не о чем писать..."

- "Пишу тебе из горящего танка", - со смехом советует контрактник с усами суворовского солдата.

Другой диктует: "Мама, пишу тебе на сапоге погибшего друга. Извини за плохой почерк, он еще дергается..." В армии ценят юмор, особенно черный.

- Пиши, - советует третий, ковыряя в зубах - "Мама, кормят нас хорошо. Баранина уже в рот не лезет, хочется свининки, но чеченцы свиней не держат".

- Попроси у матери иголку, а то я свою потерял, - говорит четвертый, Да пусть она иголку в сало воткнет, чтобы не заржавела.

- А кто у нас сегодня обед готовит? - спросил, войдя в палатку сержант.

- Иван.

- Так он же пушку чистит! Значит, опять наварит, как вчера.

Командир распекает солдат перед строем:

- Ну, пришел к вам друг, ну выпили по сто граммов. Ну, по двести! Ну, на гитаре поиграли, так нет - вам обязательно надо потом пострелять, да еще трассирующими!

Вдруг - очередь из автомата в воздух. Командир пошел разбираться. Вернулся и вполне дружелюбно сказал: "В честь комбата, говорит, стрелял. И трезвый, на удивление!

Хотя обычно на стрельбу, даже из самоходных гаубиц и "Градов", мало кто обращает внимания - привыкли. Да и лишняя очередь в темноту в сторону противника никогда не помешает. А вот на любой выстрел со стороны чеченцев нередко обрушивается и залп батареи.

В Чечне люди научились понимать друг друга с полуслова. Особенно запомнился своей лаконичностью такой разговор в гостях за столом:

- Ну?

- Наверное.

- Да, пора.

И звякнули кружки...

Пока на фронте стояло затишье - почти все батальоны обзавелись очаровательными толстячками-щенками кавказских овчарок, бросивших разбежавшиеся от огня артиллерии отары овец. У девушек из медицинской роты приблудный рыжий персидский котище по имени Персик.

- У нас и коза есть, беременная, и куры, только они не несутся, потому что петуха нет, - говорят девушки.

Когда армия пойдет вперед, всю эту живность придется оставить.

Танец с автоматами

Два месяца слушать только разрывы снарядов и жуткий вой "Градов", и вдруг - настоящая музыка и артисты, да еще девушка, отплясывающая цыганочку и казачка..

Бригада артистов нижегородского гарнизонного Дома офицеров под руководством заслуженного работника культуры России подполковника Анатолия Лашманова за эти дни побывала во всех частях 22-й гвардейской армии. Один концерт был вообще в семи километрах от Грозного. Сцена - два грузовика, электричество - от полевого дизель-генератора и - вот она, музыка. Акустика в горах отличная, а такой благодарной и отзывчивой публики, как солдаты. не встретишь в избалованных

столицах. Майоры Анатолий Скрыльник и Александр Поляшов, танцоры лауреат международного конкурса Сергей Шевченко и Ирина они пели пехотинцам и артиллеристам, разведчикам и медикам, один раз в каком-то километре от села Самашки, еще не зачищенного от боевиков. Артист театра комедии Александр Медведев со своей гитарой дал пятнадцать сольных концертов в окопах боевого охранения.

В разгар концерта в разведбате пришла из поиска группа разведчиков. Один прихрамывает, все бледные от перенапряжения. Сутки наблюдали за чеченцами на окраине Грозного, засекали цели и координировали огонь артиллерии.

- Ну, как там?

- Окапываются. Три дня шли по следам минометчиков, но их перехватили спецназовцы, обидно, - говорит парень с автоматом.

Другая разведгруппа вернулась с задания особой важности: надо было добыть доказательства прямого участия стран НАТО в чеченском конфликте. Разведчики принесли снятые с троих убитых в схватке бандитов новенькие американские камуфляжи, рассказали, что видели и следы германских ботинок, а раньше приносили австрийские бронежилеты, японские радиостанции.

Еще час-два назад они были в смертельной опасности, пришли к своим - а тут концерт!

- У нас половина бойцов всю ночь была в поиске, - рассказал замполит разведбата бакинец Салех Агаев.

Как жаль, что пока нельзя рассказать о парне, взявшем в поисках восемь "языков"-чеченцев, нельзя рассказать о снайпере, мальчишке из Рязани...

В гвардейский самоходно-артилерийский полк во время концерта как раз пришла колонна КамАзов с зарядами для "Градов". И эта апокалипсическая картина навсегда останется в памяти: звучит песня "Как упоительны в России вечера, балы, шампанское и хруст французской булки...", а рядом на цели в Урус-Мартане ведет огонь дивизион "Градов" и их зловещий вой заглушает прекрасную мелодию...

- Ребята! Танцуйте, когда еще доведется! - приглашала солдат ведущая концертов Лариса Кузнецова.

И уходит усталость, ноги сами идут в пляс, когда гремит на все горы "Крошка моя" и "Сто дней до приказа" - нынешние шлягеры в российских войсках в Чечне. Это надо было видеть - солдат, отплясывающих с автоматами с руках, или когда дружно свистит от восторга целый батальон!

Кто нужнее: князь Меньшиков или князь Кутузов?

Были во время концертов моменты, когда, казалось, появись сейчас вдруг светлейший князь Александр Меньшиков с его

знаменитым лозунгом - "Ребята! В городе вино и бабы! Вперед!" и хлынут на Грозный неудержимые батальоны только что танцевавших с автоматами солдат, и он будет взят приступом немедленно на штык и на одном "Ура!

Но не все так просто. Российской армии в Чечне противостоит опытный, не знающий чувства жалости, хорошо обученный убивать враг, которому нечего терять. Солдаты, в отличие от некоторых политиков понимают, что остановиться и договариваться о чем-либо с полевыми командирами бандформирований или с правительством Ичкерии сейчас - это значит обречь на войну в недалеком будущем своих младших братьев и сыновей.

Даже трехнедельную паузу в боевых действиях многие в войсках восприняли, как первую попытку компромисса. А любой компромисс с Чечней сейчас - может быть, первый шаг к предательству армии.

Командованию российской армии приходится решать сложную задачу. Что дешевле: потерять во время штурма Грозного несколько сот или тысяч солдат, но при этом безусловно уничтожить бандформирования, или взять город в блокаду и уничтожать противника артиллерией, зная, что боевики прячутся в подвалах. А если блокада затянется на многие месяцы и за это время армия потеряет те же несколько сот и тысяч Сережек с Малой Бронной и Витек с Моховой, каждого из которых дома ждет мать... О чем думать в первую очередь: государственных интересах или о солдатских жизнях? Как найти компромисс...

Мы уезжали из Чечни, а войска собирались идти вперед. Дай Бог всем этим солдатам, мужикам из Орла и Иванова, Нижнего и Мурманска, их замечательным командирам с прекрасными русскими лицами вернуться домой живыми. Пусть лучше больше работает за них Бог войны - артиллерия.

2. Армия несет потери

Скорбная весть пришла из 245-го гвардейского мотострелкового полка 22-й армии, действующего в Чечне на Грозненском направлении.

Во время боя за высоту у селения Первомайского погибли пять офицеров и семь солдат этого полка. В числе погибших - москвич, подполковник Владимир Васильев, заместитель командира полка. Уроженцев Нижегородской области среди погибших нет.

До этого за два месяца боевых операций 245-й полк потерял убитыми 12 человек. Потери удвоились за один бой...

3.Бандиты "поздравляли" нижегородцев огнем из автоматов

Вернулись домой из двухмесячной командировки на

Северный Кавказ бойцы батальона специального назначения ГУВД области. Вернулись все 50 человек, все живы и здоровы. Хотя без приключений не обошлось.

- В День милиции, - рассказал командир отряда спецназа майор Владимир Порохин, - бандиты несколько раз обстреливали наши блокпосты из автоматического оружия. Правда, предупредили, что будут "поздравлять" с праздником. И потом по ночам были обстрелы блокпостов.

Отряд прикрывал блокпостами Кизляр, обеспечивал пропускной режим на автомобильной трассе, чтобы на территорию России не проникали бандформирования.

Как сообщил заместитель начальника ГУВД полковник Виктор Миронов, сводный отряд свою задачу выполнил с честью, имеет благодарности от руководства МВД Дагестана. Все бойцы отряда будут поощрены и руководством Нижегородского ГУВД, многие из них получат внеочередные звания. Все награждены знаком "Отличник милиции", знаком участника боевых действий.

Недалеко от Кизляра продолжают нести службу нижегородские омоновцы, весь городской отдел милиции Гудермеса, а это 600 человек, сформирован полностью из нижегородцев.

А на Московский вокзал встретить земляков, вернувшихся из очередной кавказской командировки, пришли десятки друзей, жены бойцов. Было много цветов и дружеских объятий. К сожалению, эта командировка на Северный Кавказ вряд ли будет для нижегородцев последней...

4. Солдаты возвращаются. В цинковых гробах

За последние несколько дней резко возросло количество потерь в войсках, выполняющих боевые задачи в Чечне. В Арзамасе позавчера похоронили троих солдат - Романа Карпова, Алексея Спирина и Андрея Цуркана. Они погибли перед Новым годом у Шали, а служили в Софринской бригаде внутренних войск. Четвертый погибший из этой же части похоронен в Сарове.

В 3-й Вислинской мотострелковой дивизии 22 -й армии сегодня должны проститься со старшим лейтенантом Владимиром Лепешниковым и прапорщиком Николаем Коваленко. Они погибли в Старопромысловском районе Грозного, когда попала в засаду колонна рембата, в котором они служили.

Общее же количество погибших во втором походе в Чечню солдат и офицеров 22-й армии составляет сейчас более 40 человек. В комитет солдатских матерей Нижегородской области позвонила жена одного из офицеров и рассказала, что в ближайшее время в город будет доставлено еще несколько гробов с телами военнослужащих 3-й дивизии, погибших в Чечне от

термических ожогов при нападениях бандитов.

Рост потерь в войсках лишний раз подтверждает выстраданную в первой чеченской кампании истину: никаких перемирий с бандитами! Потери последних дней связаны с тем, что бандформирования, почувствовав ослабление натиска федеральных сил в рождественские дни, немедленно нанесли серию чувствительных ударов.

5. Война все ближе

В понедельник 10 января около 13 часов в Нижегородский военный госпиталь поступило сообщение, чтобы здесь были готовы к приему большой партии раненых солдат и офицеров из Чечни. Немедленно здесь были предприняты все необходимые меры. Вечером на аэродром в Истомино выехали семь санитарных машин и десять врачебных бригад.

Во вторник в 1.30 ночи все раненые и больные были доставлены в госпиталь. Всего их было 39 человек, из них семь - на носилках. Двое раненых, находившихся в тяжелом состоянии, помещены в реанимационное отделение. В течение нескольких часов была проведена хирургическая обработка всех раненых, несколько человек прооперированы. Все поступившие в Нижегородский военный госпиталь солдаты и офицеры получают необходимый уход и лечение.

6. Чтобы меньше стала боль...

Сорок два раненых в Чечне солдата и офицера находятся сейчас в Нижегородском гарнизонном военном госпитале. Они были доставлены несколько дней назад с боевых позиций. А вчера в госпитале побывали и навестили раненых солдат глава Нижнего Новгорода Юрий Лебедев, вице-мэр Александр Разумовский и председатель комитета по делам военнослужащих генерал-лейтенант Лев Павлов.

Приехали гости не с пустыми руками: каждый раненый получил от городской администрации по пакету с яблоками, апельсинами, сладостями, сигаретами. Юрий Лебедев душевно поговорил с бойцами, причем гости отметили оптимизм и бодрость духа солдат, даже тяжелораненых.

Глава города распорядился создать рабочую группу по оказанию помощи семьям погибших в Чечне нижегородцев и раненым в госпитале. От городской администрации семья каждого погибшего в Чечне военнослужащего получит по две тысячи рублей. Раненым по излечении и солдатам, вернувшимся из Чечни, будет оказана помощь в получении образования и поправке здоровья в реабилитационном центре. Обещана помощь нуждающимся в жилье семьям погибших солдат.

Юрий Лебедев распорядился также передать в военный

госпиталь четыре телевизора, сто радиоприемников, подписки на газеты, сотовый телефон (чтобы солдаты могли звонить домой) 30 тысяч рублей на оплату телефонных переговоров и бензин для перевозки продуктов для госпиталя.

7. Второго Лебедя армия не вынесет

В первой чеченской кампании Шумиловская отдельная бригада особого назначения внутренних войск всегда была на важнейших направлениях. Она первой вошла в Чечню и уходила одной из последних. Всю первую кампанию бригадой командовал полковник Юрий Мидзюта. Закончилась та война, он вышел в отставку. Но вскоре Юрий Мидзюта возглавил Нижегородское отделение Всероссийского фонда инвалидов МВД, Вооруженных Сил, пограничных войск и ФСБ "Единение".

Фонд немало сделал, чтобы поддержать своих товарищей, помочь войскам, выполняющим свой долг в Чечне. На днях Юрий Мидзюта вернулся из Чечни. Он доставлял гуманитарную помощь фонда в свою родную бригаду.

- Только прилетел в Моздок, увидел лица старых товарищей, почувствовал атмосферу службы - сразу нахлынула ностальгия. Как будто не три года прошло, а три дня, - рассказывает Юрий Ипатьевич. - Встретил заместителя командующего внутренними войсками генерала Додонова и говорю ему: "Готов служить, хоть сейчас принять бригаду, дивизию". Не задумываясь ни секунды пошел бы служить! И сейчас постоянно снится еще та война. Я даже в Новый год сидел и вспоминал. Война - это как наркотик. Все же с 1988 года воюю.

Юрий Мидзюта в свою бригаду из Моздока летел на вертолете. Бригада стояла в горах на границе с Дагестаном, сейчас переброшена на шалинское направление. А это значит, что ей предстоят серьезные дела.

- Бригада стоит заставами. В центре все ухожено, красиво, войска обжились, - делится своими впечатлениями о поездке Юрий Мидзюта. - Но чем дальше - тем больше проблем. И все же солдаты сейчас одеты лучше, чем в первой кампании, лучше питание. Если раньше мы воевали на старой, изношенной технике, то сейчас дают и новую. Отрадно, что я не видел грустных лиц.

Во второй кампании общество явно повернулось лицом к нуждам армии: гуманитарный мост в Чечню действует постоянно.

- Но армия получает минимум положенного из расчетов мирного времени, считает Юрий Мидзюта. - То, чего в армии в мирное время хватает на полгода, например полотенца, простыни, обувь, одежда, в Чечне сгорает за две недели. Ботинки рассчитаны на год, а в Чечне через четыре дня подметки

отлетают. Та же тушенка - через неделю уже в горло не лезет.

Прошло больше трех лет после первой войны в Чечне, и профессионалу сейчас лучше видны просчеты и недостатки ведения нынешней кампании.

- Опять нет должного взаимодействия между командованием. Красноармейцы на внутренние войска, СОБР и ОМОН смотрят свысока, хотя им приходится делать самую грязную работу, - считает Юрий Мидзюта. - Остается у нас какая-то клановость, хотя есть объединенный штаб. Опять треть всех потерь от неосторожности и безалаберности. Сколько солдату ни говори, что нельзя ходить с патроном в патроннике, - не понимает. А потом задел автоматом за куст или палатку - выстрел. Очень мало толковых контрактников. В элитных подразделениях они есть, а в общей массе - мало. Если бы эта кампания началась не сейчас, а через год после Хасавюрта, она пошла бы легче и с меньшей кровью. Солдаты за это время сменились все, прапорщики - процентов на сорок, офицеры - на шестьдесят процентов. Я приехал в свою бригаду и знаю только командование. Младшие командиры заменились полностью за эти три года.

Изменился ли противник за годы "мира"?

- Нисколько! Взгляды чеченцев на русских ничуть не изменились. Ходил я сейчас по Гудермесу, разговаривал с чеченцами - как были они звери, так звери и остались. И изменить их нельзя, - убежден Ю. Мидзюта. - В прошлую войну мы все же с ними договаривались. Встречался я один на один с Исрапиловым, был такой любимец Дудаева, предлагал ему: "Делаешь по мне выстрел - я сразу батарею зарядил и - полдеревни сношу. Понял?" - "Понял". Ночью они делают пробный обстрел. Я сразу батарею заряжаю, полдеревни снес. После этого на две-три недели все стихло. Я ездил на "уазике" свободно. Чеченцы понимают только силу. Им обмануть нас - дело чести. Не верю я и в отряды Беслана Гантамирова. В девять часов утра его восемьсот человек должны были заходить в Старопромысловский район Грозного. Реально зашло триста. Куда девались остальные? Опять разбежались, с оружием! Чеченцам верить вообще нельзя. Гантамиров надеется, что российские войска обеспечат ему восхождение на трон. Другой цели у него нет. Вместо Масхадова станет Гантамиров. Потом, когда подрастет поколение, которому сейчас 12-14 лет, снова война с Россией. Кстати, чеченские дети взрослеют гораздо быстрее наших. Никогда не забуду, например, как однажды десятилетний мальчишка-чеченец стрелял в меня из гранатомета.

Почему в годы Великой Отечественной, когда немцы

объявили русским тотальную войну, когда против наших солдат поднялся весь немецкий народ и те же мальчишки с фаустпатронами, ни один советский генерал, ни один солдат не усомнился, а можно ли победить немецкий народ? Почему же сейчас все чаще можно слышать, что нельзя победить чеченский народ? Хотя по численности он ни в какое сравнение не идет с немецким.

- Дело не в численности. У русских сейчас нет своей национальной идеи, а у чеченцев - есть. Помню, как однажды до стрельбы дело дошло, когда я сказал про волка на их флаге, что это собака. Германию мы задавили, но потом все равно ушли, из Вьетнама американцы тоже ушли. А у нас даже утвержденного гимна нет, слов его никто не знает, а ведь это очень важно. И сейчас войска в Чечне воюют не столько за идею, сколько из чувства мести за своих товарищей. Если гибнет командир полка, а солдаты его любили, то за полком, когда он идет вперед, - пустыня. Нет злее подразделения, в котором убили любимого командира. Когда у меня погиб командир разведроты, я отправил ее на операцию. Так она на центральном рынке в Грозном устроила такую бойню... Ну, возьмут сейчас всю Чечню, оставят там армейскую дивизию, дивизию внутренних войск, пограничники встанут по ущелью, но пройдет полгодика-год и опять начнется то же самое. Нашу армию до такой степени "уронили", что поднять ее сейчас на былую высоту, какой она была в 80-е годы, очень трудно. Но второй Лебедь появиться сейчас не может. Мнение всего общества: банды в Чечне надо добить. А если вдруг появится второй Лебедь, то это будет такое падение армии и ее престижа, что она больше не поднимется.

Не хочется верить, что и через несколько лет в Чечню будут отправлять солдат и гуманитарную помощь... Фонд "Единение" и Юрий Мидзюта для наших солдат в Чечне подарки готовят сейчас.

8. Гарнизонный госпиталь становится фронтовым

Как мы уже сообщали, в Нижегородский военный госпиталь самолетом из Чечни было доставлено сразу 39 раненых и больных солдат, позднее, на следующий день, поступило еще двое офицеров. Если за полтора года первой чеченской кампании, рассказал начальник госпиталя полковник медицинской службы Иван Курилов, здесь прошли лечение 120 российских солдат и офицеров, то за пять месяцев второй кампании - 85 человек. И нынешняя партия раненых самая крупная из доставленных в госпиталь из Чечни за последнее время.

Эти события не стали неожиданностью для медперсонала госпиталя. В последние дни боевые действия в Чечне стали

интенсивнее, ближайшие военные госпитали оказались заполнены ранеными. Эти солдаты поступили из Владикавказского госпиталя.

Информация о том, что в Нижегородский гарнизонный военный госпиталь поступит большая партия раненых поступила сюда в 13 часов. Необходимо было быстро подготовить автотранспорт и врачебные бригады. Стоит отметить, что от аэродрома в Истомино до госпиталя - 55 километров. Это расстояние для тяжелораненых могло стать дополнительным испытанием. Но все они хорошо перенесли дорогу.

- Была создана выездная бригада врачей, - рассказал начальник госпиталя полковник медицинской службы Иван Курилов. - Два хирурга, анестезиолог и терапевт, они оценивали тяжесть состояния раненых.

Командный пункт военно-транспортной авиации сообщил, что в 20.20 в понедельник самолет взлетел. В 1.30 ночи во вторник колонна прибыла в госпиталь, где уже было создано десять врачебных бригад. Из семи раненых, находившихся на носилках, двое были сразу направлены в реанимационное отделение.

- Это младший сержант Сергей Щелканов и старший сержант Виталий Соколов, - рассказал полковник Иван Курилов. - У первого пулевое множественное ранение брюшной полости с повреждением тонкой кишки, перитонит. Ранен 15 января. У второго - минно-взрывная травма, огнестрельное осколочное ранение нижней челюсти, ранение правой кисти, щеки. Потерял девять зубов.

В этой партии раненых двое офицеров, оба майоры, один прапорщик, один омоновец, есть сержант-контрактник. Выходит, что подавляющее большинство из них - солдаты срочной службы. Стоит заметить, что сейчас в боевых частях контрактников - 40-60 процентов, значит, профессионалы в отличие от срочников, гораздо реже получают ранения.

Полковник И. Курилов долго зачитывал список, откуда родом раненые солдаты - Волгоград, Сургут, Башкирия, Карелия и Бурятия, Московская область, Орел, Казань, Пермь, Тамбов, Владимир, Ленинградская и Оренбургская области - словом, "широка страна моя родная". Есть и нижегородцы - один из Перевозского района, второй - из Дзержинска, третий призван Московским РВК, но больной, а не раненый. Все поступившие в госпиталь из разных воинских частей.

Из 39 человек 12 - больные. Из них пятеро с пневмонией, один с сотрясением мозга, остальные - с кожными и желудочными заболеваниями. Все раненые - с огнестрельными и

осколочными ранениями. У троих - повреждения глаз. Один - с ампутированной ногой.

Областные власти готовы оказать помощь руководству госпиталя, но пока в этом, по словам И. Курилова, необходимости нет.

9. Жалость к чеченцам оборачивается гибелью русских солдат

Лишь на десятый день были доставлены на родину погибшие в Чечне старший лейтенант Владимир Лепешников и прапорщик Николай Коваленко... И все эти дни их родные, получившие извещения о смерти, ждали и плакали.

Запаянные цинковые гробы с маленьким стеклом напротив лица. Из самолета гробы были доставлены в Сормово, в гарнизонный клуб 3-й Вислинской мотострелковой дивизии. Здесь и проходила траурная церемония прощания с погибшими.

Из Ново-Смолина приехали родные прапорщика Николая Коваленко. Он служил в ремонтно-восстановительном батальоне и оттуда уезжал в Чечню. У гроба его жена, двое мальчишек, мать и отец, много жен других офицеров и прапорщиков батальона, все в черных траурных платках. Все они стали одной большой семьей: горе объединило. В этом гробу, накрытом трехцветным флагом, мог лежать муж любой из этих женщин.

Невыносимо тяжело слушать бесконечный надрывный плач матерей и жен... Женщины по очереди встают на табуретку, чтобы в последний раз попытаться разглядеть за стеклом на крышке гроба лицо своего сына, мужа.

У гробов застыл почетный караул. Священники начинают обряд отпевания. "Новопреставленным убиенным воинам..." - читает молитву священник и помахивает кадилом.

- Это случилось третьего января, - рассказал прапорщик Сергей Доронин, который сопровождал тела погибших, - На дороге между Алхан-Юртом и Ханкалой. Они поехали выбрать новое место для стоянки батальона. Коваленко заметил двух снайперов, решил одного из них "снять", но тот его опередил. Старший лейтенант Лепешников умер в госпитале от ран.

В том бою были тяжело ранены командир рембата подполковник Александр Головач (осколками в глаз и в ногу) и начальник штаба батальона капитан Аладин. Из полевого госпиталя они доставлены во Владикавказ. В бою погибли и двое солдат, но Сергей Доронин их фамилий и откуда они не знает.

Обстоятельства этого боя лишний раз доказывают, что чеченцы, боясь вступать в открытый бой, бьют подло, из-за угла. Нападение произошло на местности, вроде бы давно занятой российскими войсками. Офицеры рассказали: очень часто бывает, что днем чеченцы изображают из себя бедных мирных жителей, а

ночью стреляют по нашим солдатам. Общество должно наконец понять: гуманизм и жалость к чеченцам призывного возраста на территории боевых действий очень быстро оборачиваются гибелью российских солдат и офицеров. Если сегодня спецназовец при зачистке чеченского селения пожалеет задержанного бородача и отпустит его, то через день-два где-нибудь в российской глубинке о своем погибшем сыне снова будет плакать русская мать.

Мимо гробов, чтоб злее были, прошли строем и простились с погибшими все молодые солдаты, которые сейчас служат в гарнизоне. Можно не сомневаться: эти солдаты, если попадут в Чечню на смену своим товарищам, всегда будут помнить, чем может закончиться гуманизм, и крепко усвоили, что, если хочешь остаться живым, стрелять надо всегда первым.

Чеченцы фактически объявили русским истребительную войну. Исполняющий обязанности президента России и председатель правительства Владимир Путин фактически дал санкцию на беспощадное отношение к бандитам: "Мочить их будем везде, даже в сортире". Мы должны наконец понять, что любой компромисс в конечном итоге приведет к новым цинковым гробам.

10. Жизнь продолжается...

В сентябре 1999-го лейтенант-разведчик Сергей Барнаев ушел с полком в чеченский поход и оставил дома молодую жену Ольгу. Они ждали ребенка, своего первенца. Но 10 октября на Терском хребте чеченский снайпер поставил точку на их счастье. Сергей был убит. Это случилось в разведке. Лейтенант Барнаев погиб, но благодаря ему остались в живых его товарищи. Они его никогда не забудут.

А его юной вдове Ольге пришел срок родить.

- У меня дочка, - рассказала Ольга. - Вес - три восемьсот, рост пятьдесят четыре.

В глазах ее - сложные чувства: и счастье от рождения дочки, и боль, что Сережа никогда их не увидит и не узнает, дочь у него или сын.

Юная мама пока не знает, как назвать девочку - Катя или Настя...

Она вспоминает, как познакомилась с Сергеем, как дружили, венчались, как она провожала его на войну, как ждала... Это все в прошлом. Но все равно - жизнь продолжается. Надо жить, Ольга. Ради дочери, ради Сергея.

11. Окопная правда,

или почему вернулся из Грозного контрактник Сергей К.

Мы встречались с ним на Сунженском хребте 19 ноября, где

тогда стоял их мотострелковый полк. Под горой лежало разбитое снарядами село Самашки. Мы, группа журналистов и артистов, уехали, а через пару дней полк пошел вперед, на Грозный. Что было с ним и с полком за это время? Почему он вернулся, оставил своих товарищей?

- Мы пошли вперед, начались бои и потери. За высоту перед Грозным, между Старопромысловским и Чернореченским районами, потеряли шестнадцать человек, - рассказал Сергей, - Из них четверо - пропавшими без вести. Так мы их и не нашли. Было это перед Новым годом. Как все случилось? Командиры неправильно сделали расчеты. Погибшие - контрактники и срочники. Командир нашей роты был здесь убит. Сначала он пропал, в первый день боев за высоту. На второй день его нашли, бронежилет поднят - пуля в сердце. Чеченцы сняли с него даже ботинки. Нашли с ним других наших солдат, чеченцы добивали их выстрелом в глаз. Погибшие - из Иваново, Владимира, есть из Нижнего. Со всей страны. Когда высоту взяли, нашли там много автоматов, а убитых бандитов всего двоих остальных они успели унести. А всего, по данным разведки, эту высоту обороняли полторы тысячи. Хорошо поработала по высоте наша артиллерия, мы, минометчики, САУ, вертолеты. В иной день выпускали на расчет по двести мин подряд, беглым или одиночным. Мое дело было - подносить боеприпасы.

- Какое в целом настроение у солдат?

- Боевое. Нормально держались все. Поддерживаем друг друга. Только один солдат-срочник не смог чеченца застрелить, в бою, обкуренного, так его отправили на кухню. Говорил, что у него рука не поднялась.

- Как с дровами, водой, питанием?

- Дров нет вообще. Водители спят в в машинах, но включать двигатель не разрешают - с горючим стало туго. Вода - очень редко, только на кухню. Спали - кто в палатках, кто как устроится. Помыться - если сам воды нагреешь. В последнее время брали воду в горячих источниках. Но все равно, когда сюда приехал - все нательное белье сжег, потому что от вшей не избавишься. Мыло, дихлофос - все бесполезно. Только сжигать их надо.

- Почему ты уехал?

- Психика не выдерживает. Не могу больше...Нервы ни к черту. Начались звуковые галлюцинации. Кажется, что меня зовут, прихожу туда - никто не звал. Больше туда не хочу. У меня мать поседела за два с половиной месяца. Бывает, что ползешь по грязи, голову не поднять - так снайпера стреляют.

Сергей срочную служил в погранвойсках, на китайской

границе. Физическая закалка его не подвела, тем более что служил в горах. В Чечню поехал по двум причинам: хотелось подзаработать и - надоело слышать, как в Москве взрывают дома с маленькими детьми.

- Есть ребята, кто нормально терпят, но есть и такие, кто не выдерживает. Уезжают. Конфликты бывают. Допустим, если заснул, а надо идти на пост, то контрактник даст по котелку.

- Серьезная ли убыль по болезни?

- Стараемся лечиться своими силами, народными средствами, малиновым вареньем. Если воспаленьем легких заболел - отпускают.

- У офицеров как настроение?

- Об офицерах... Лучше бы я их не видел. Тоже нервы сдают.

- Как, на твой взгляд, сколько еще могут идти бои за Грозный?

- Грозный возьмут, вопрос только во времени. Потери будут. Думаю, что с ними все же разделаются. Но дерутся чеченцы здорово. Есть среди них поляки, чехи, даже московские ребята. Снайпера из Эстонии, женщины. Это по данным радиоперехватов. Видел у них новый БТР-90, которых нет на вооружении даже у нас. Как чеченцы покупают их в России, как перевозят? Ошибок у нас много, показухи. Эту высоту, за которую потеряли шестнадцать человек, мы вообще не дожны были брать. Эта задача была поставлена другому полку. А брал наш. Видимо, тот полк не подошел вовремя. Взаимодействия между полками вообще никакого нет. Бывает, что артиллерия по своим палит. У вертлетчиков тоже психика нарушена. У нас в третьей роте был трактор, ладно солдат успел выскочить - вертолет его птурсом замочил.

- Были ли встречи с местными жителями?

- Нас ненавидят даже пятилетние дети. Видел, как чеченцы плевали в ведра с водой местным русским жителям, когда они пришли за водой. Солдат еще побаиваются.

... Проходя по редакционному коридору, Сергей удивился: "Как у вас тут светло... Никак не привыкну к электричеству."

12.Вертолетчик из Нижнего Новгорода спас машину и людей

Это случилось над Ханкалой: бандиты, которые вели огонь из тяжелого пулемета ДШК, подбили вертолет, выполнявший боевую задачу. Летчик был тяжело ранен: пули пробили легкое, селезенку, руку. Казалось, боевая машина, потеряв управление, рухнет, и тогда неизбежно погибнут находящиеся в ней люди.

Невероятным усилием воли тяжелораненый летчик сумел справиться с управлением, довел пробитый пулеметными очередями вертолет до аэродрома и посадил его.

Летчик в тяжелом состоянии, потеряв много крови, был госпитализирован, ему сделали операцию. К нему из Нижнего Новгорода выехал отец.

Эту историю рассказали председатель комитета по делам военнослужащих городской администрации генерал-лейтенант Лев Павлов и командир вертолетного полка. Но оба они с сожалением просили не называть фамилию героя-летчика: у чеченских бандитов к ним особая ненависть. Не исключено, что бандиты попытаются разыскать летчика или его родных, если узнают его фамилию.

Командир вертолетного полка рассказал, что только что подписал представление к ордену Мужества на нашего земляка. Ранее, в первую чеченскую компанию, он был награжден медалью Нестерова.

А нам остается только ждать того времени, когда имена героев можно будет называть, не опасаясь последствий для их судеб.

Между тем операция по взятию Грозного, как сообщило федеральное командование, вступила в завершающую стадию. В ней принимают участие и части, в которых служат немало нижегородцев. Но пока сведений из Грозного о наших земляках нет, поскольку связь с войсками затруднена.

13. Вчера пел песни, а сегодня ранен...

Еще один наш земляк вернулся из Чечни. Это водитель взвода связи отдельного разведывательного батальона 22-й армии Вадим Н. Мы встречались с ним в предгорьях южнее Грозного, когда в разведбат приезжала с концертом группа нижегородских артистов. "Как раз в мой день рожденья", - вспомнил Вадим.

Что было дальше с разведбатом?

- Числа третьего декабря батальон пошел на Грозный, - рассказал Вадим. - За это время в батальоне был убит один солдат-контрактник, не помню откуда. Раненые были, шесть человек, в основном контрактники. Командир роты Хамитов только получил звание капитана и был ранен, когда наша разведгруппа попала в засаду. В поиск тогда пошли десять человек, и шестеро были ранены.

Вадим просмотрел видеопленку из Чечни, узнал всех своих боевых товарищей, командиров. Я тоже помню, как командир роты Хамитов, симпатичный парень-сибиряк, из поиска пришел прихрамывая - и сразу на концерт, не сняв снаряжения, с автоматом в руках. На видеопленке он подпевает певцу, и вот, оказывается, тяжело ранен, в госпитале... Его фотография была опубликована в номере "НР" от 4 декабря.

Вадим смотрел пленку и комментировал:

- Этот живой был, когда я уезжал, а этот ранен... Этот контрактник уволился, эти ребята еще воюют... Старшина наш, живой. Когда наша рота тремя группами ушла на задание, из штаба группировки сообщили, что чеченцы за ней следят. Мы стали связываться с группами, чтобы предупредить, - нет связи. Вот тут стало страшно за ребят: вдруг на засаду напоролись! Минут пятнадцать не могли связаться. Когда они все вернулись живыми - столько было радости и объятий! Страшно было ездить по чеченским дорогам - все время риск получить пулю снайпера. Сам всегда ездил в бронежилете, и на стекло в машине вешали бронежилет. Но обходилось без аварий все это время.

- Всех ли ребят демобилизовали сейчас, кого положено по закону?

- Нас уезжало семь человек. Но четверо дембелей остались служить еще, подписали контракт. Никто их не упрашивал, сами так решили...

- Как настроение у ребят?

- Сначала было боевое, Да и сейчас нормальное, только уставать стали. Если бы не зима, то можно воевать, а то холодно. Спали в палатках. С дровами также плохо. С питанием нормально, мясо всегда. Баню сами делали, за водой ездили, но далеко. Вот письма ходят плохо. За почтой ездит замполит, в штаб группировки.

- Как проходит адаптация к мирной жизни, Вадим?

- Привыкаю по маленьку. Война пока не снится. Но вспоминаю ее все время. Что дальше? Думаю работать водителем, права у меня двух категорий. Письма ходят плохо.

Теперь для Вадима Н. война в Чечне - только по телевизору. Он свой долг выполнил достойно. А разведбатальон 22-й армии - где-то на юге Чечни, в горах.

14. Они штурмовали Грозный

Хлебом-солью и оркестром встречали нижегородцы первый эшелон солдат, штурмовавших Грозный. Правительство таким образом сдержало слово, когда пообещало, что с завершением штурма Грозного из войск в Чечне будут увольняться те, кто выслужил положенный срок.

- Три дня назад еще стреляли, - рассказывают бравые парни, выходя из вагонов.

На их лицах дым пожаров чеченской столицы, еще долго придется отпариваться в банях, но самое для них страшное - позади.

Весной 1996 года здесь же встречали 245-й гвардейский мотострелковый полк, никто тогда не думал, что нашим солдатам предстоит еще раз уходить на войну и снова возвращаться.

Оркестр играет "Прощание славянки", солдаты построились в каре на импровизированный митинг здесь же на станции.

Исполняющий обязанности командира 3-й Вислинской мотострелковой дивизии полковник Михаил Перевезенцев тепло поздравил солдат с возвращением. Воины дивизии выполнили свой долг, именно ее части вынесли главную тяжесть последних боев за Грозный, на площади Минутка, в Аргунском ущелье. Минутой молчания почтил строй память погибших товарищей. Не всем довелось вернуться домой. С начала боевых действий дивизия потеряла убитыми 59 человек, двое пропали без вести, 110 солдат и офицеров ранены. Но потери бандформирований в несколько раз больше, и победа все-таки за нами. Именно эти парни из многих областей нашей страны, в том числе и нижегородцы, сломили фанатичное сопротивление бандитов и наемников. Все они солдаты срочной службы, отслужили в армии по полтора года, но поскольку в Чечне день засчитывается за два, все они будут демобилизованы сейчас.

Как сказал заместитель начальника Нижегородскрого гарнизона по воспитательной работе полковник Валерий Лазарев, все 630 прибывших первым эшелоном солдат за несколько часов получат проездные документы и по домам отправятся ближайшими поездами. Все они, как и обещало правительство, получат и причитающиеся суммы за участие в боевых действиях. А вот награды пока задерживаются. Кстати, к орденам и медалям было представлено более 550 солдат и офицеров дивизии, но это не окончательная цифра.

Некоторые родители солдат узнали, что их сыновья возвращаются из Чечни и приехали на вокзал даже из дальних мест. Ну как не гордиться сыном, например, родителям Романа Шаронова - возмужал, окреп! У его мамы как раз сегодня - день рожденья, двойной праздник. Вместе едут в Тулу теперь уже бывшие сержанты-саперы Роман Танасов и Александр Певзов, им есть что вспомнить: для них бои за Грозный как для ветеранов Великой Отечественной -. Сталинград. Еще придется осознать, что они пережили и через какой ад прошли, пока же, - "все нормально, ничего особенного", - успокаивают они родителей. Еще день два и - дома, долгожданный дембель.

Сегодня на смену демобилизованным солдатам срочной службы из Нижнего Новгорода отправляются еще 500 добровольцев, набранных по контракту в 18 областях центральной России, их старших братьев. Им предстоит добить остатки бандформирований в Чечне.

15. В развалинах Грозного

Жизнями 423 своих сыновей заплатила Россия за взятие

столицы чеченских бандитов... И эти цифры, скорей всего не окончательные. Еще идут бои по уничтожению последних групп боевиков, продолжается зачистка города. Еще льется кровь.

Развалины вокруг Минутки, главной площади Грозного, брали штурмом батальоны 245-го гвардейского мотострелкового полка. Часть его солдат только что вернулись из Чечни. Все они из разных мест огромной нашей Родины. Роман Булхов, старший сержант, стрелок, из Владимирской области, Дмитрий Елизаров, пулеметчик, из Брянской, механик-водитель БМП Алексей Носов - из Ярославской области. Почти полгода назад ушли они в этот поход. Ушли 19-летними мальчишками. Когда-то они слушали рассказы ветеранов Великой Отечественной, сейчас приедут домой и расскажут дедам о своей войне. их дедам.

"Не знаешь, что тебя ждет за дверью..."

- Двадцать четвертого января полк колонной, без боя, въехал в Ханкалу. Там встали лагерем. На следующий день пришел приказ наступать на Грозный, рассказывают ребята. - Прошли частный сектор, без боя. Закрепились. Чеченцы сопротивления пока не оказывали. Проверили красное здание, никого, пошли на кинотеатр. На крыше его заметили боевика, начали стрелять. Сразу по нам открыли огонь чеченские минометы. И началась пальба...

- Наш второй батальон на площадь Минутку вышел самым первым... Шли мы фронтом примерно полтора километра. Одна рота брала пятиэтажку, но обычно дом штурмовали взводом, - рассказал Дмитрий, - Один наш штурмовой взвод попал в окружение, это уже на самой площади Минутка. "Духов" перед нами было человек шестьдесят, миномет "Утес" у них был, много снайперов, гранатометчиков много, ПТУРСы, пулеметчики, и простые автоматчики... Наша артиллерия хорошо помогала. Мы им даем координаты дома, они накрывают, из САУ или "Градами". Один раз видел, как тяжелая ракета попала в девятиэтажный дом, оттуда до этого громко кричали "Аллах акбар!". Дом весь рассыпался...

- Снайперы и гранатометчики чеченцев сидели на верхних этажах домов, обычно человек по двадцать. Все у них было пристреляно. Даже если на секунду машина задержится на повороте, - рассказал механик-водитель Алексей Носов, уже стреляют. Я только успевал проезжать эти повороты, того и гляди "поймаешь" выстрел гранатомета. ПТУРСы за мной постоянно охотились. Один раз из гранатомета попали, но в фальшборт. Раненых вывозить было очень сложно. К раненым они еще подпускают, а вот вывозить - всегда под обстрелом...

- Боеприпасы старались экономить. Когда мы уезжали, их

оставалось еще на три дня боя. Просто так не стреляли. Сделаешь два-три выстрела и смотришь, если они отвечают - и мы добавляем...

- По лестнице бежишь, гранату кидаешь в дверь. Это самое страшное, потому что не знаешь, что тебя ждет за этой дверью. И снайперы с крыши палят. Перебегаешь из здания в здание и чувствуешь, что ты под их прицелом...

"Комбат, батяня..."

- Наш комбат майор Булавинцев Сергей Николаевич - это золотой человек, рожден быть воином. Он нам всегда дух поддерживал. И командир роты старший лейтенант Новичков, тоже Сергей Николаевич, настоящий воин. Всегда бой продумывали четко, чтобы нашими жизнями не рисковать... Мы знали, что если даже попадем в окружение, комбат нас никогда не бросит, такого быть не может! Даже если один человек останется - не бросят...

- Наш комбат бой планировал так, что пока одна рота воюет, другая отсыпается. Ночь поспали, умылись, и в бой. Есть у нас такой прапорщик Ращупкин, прирожденный тыловик. Все старался достать побольше, сало мешками привозил, горячие обеды. Печенье - коробками, сигареты из гуманитарной помощи, конфеты...

"Убили негра..."

- Чеченцев убитых видели много. Ребята говорили, что был среди них и один русский. Видели убитых негров, арабов, афганцев. Шесть суток подряд они орали "Аллах акбар!" "Духи" сидели в соседней пятиэтажке, слышно было, как разговаривают между собой. Наш гранатометчик им кричит: "Махмуд, ты стрелять не умеешь! Приезжай на наше стрельбище, мы тебя научим!" Ставили бутылки на подоконник, чтобы засечь снайперов. Убитые у них в основном здоровые мужики. Подростки или дети погибшие нам не попадались. Своих убитых они стараются забирать, а наемников просто бросают...

- Я видел клочки тела, по остаткам одежды определили, что это была женщина. Кругом щепки от снайперской винтовки. В нее попал выстрел из гранатомета. Она по рации нас дразнила. Говорила, что ее зовут Ольга. - "Я вас убивать не буду, но берегите свои яйца..."

- У них боеприпасов в подвалах было - на три войны хватит...У чеченцев все снаряжение и обмундирование - натовское, все новенькое.

- Боевой дух у них был сильный, но мы его сломали. А сначала кричали нам, чтобы мы им сдавались... Как же, дожидайтесь...

- На третий день боев, когда роты пошли брать здания, чеченцы вывесили белые флаги. А вдруг обман или ловушка? Я как раз привез боеприпасы. Наши начали по ним стрелять для пробы - они в ответ, значит не собирались сдаваться. Комбат приказал пленных не брать...

"Первоклашки рисуют убитых русских..."

- В подвалах мирных жителей мы вообще никого не видели... Раньше встречали, все женщины говорили, что им надоела война. А фотографии увидим в домах - из мужчин одни боевики в семьях. В одной школе видел детские рисунки. Первоклашки рисуют про войну, как чеченцы русских убивают...

"Не успеваешь испугаться..."

- У нас в роте за все время боев за Грозный вообще ни одного убитого не было. Раненых было много, меня вот осколком в ягодицу зацепило, Диму - в руку. А укомплектована рота была почти по штату - девяносто шесть человек, из них человек двадцать контрактников. Есть такие, кто вторую войну воюет, и даже четвертую...

- Раненых на "бэхе" (БМП - В.К) доставлял в санроту, оттуда их через десять минут вертолетом отправляли в Моздок. Тяжелораненых почти не было. Потери в основном от снайперов, гранатометчиков. У нас снайперы хорошо действовали, их специально обучали во Владикавказе.

- Самые тяжелые минуты? Ни разу не думал, что мне сейчас страшно. Когда ранили, хотелось вернуться к ребятам. А так - азарт. Когда пристреляешься, то чувства страха нет...

- Когда едешь на "бэхе", то думаешь лишь о том, что сейчас надо скорость переключить, за поворотом добавить газу, чтобы быстрей проехать опасную зону. А когда приехал - уже и бояться нечего. Не успеваешь испугаться...

"Где эта улица..."

- В Грозном на улицах не дома, а груды кирпичей, как в Сталинграде. Помню только улицу Черноглазова, потому что я по ней ездил постоянно на "бэхе, боеприпасы возил. По мосту через Сунжу проезжал...

- Ни разу не пришло в голову узнать, как называется улица, на которой мы воюем. Да и какие там вывески... Сгорело все, что может гореть.

- Выстрелы и залпы были слышны все время. "Духи" не стреляли, только когда молятся, полчаса в день, не больше...

- Я удивился за все время боев только один раз, когда увидел: внутренние войска идут в бой строем, и возвращаются из него - тоже строем. Но туда шли сто пятьдесят человек, а обратно - пятьдесят.

"Контрактникам отрезали головы..."

Разведчики Павел и Михаил из Костромской области, Константин из Белгорода и Андрей из Московской области. Хорошо запомнил их лица, как они слушали песню "Крошка моя...", когда приезжал к ним в разведбат с группой артистов. И вот - встреча. Ребята рассказали, что было потом, после концерта...

- Ходили брать Волчьи ворота, это вход в Аргунское ущелье. Наша группа была из 28 человек. И на засаду нарвались. Семь человек тогда потеряли убитыми, тринадцать ранеными, а всего в тот день в батальоне было десять убитых и двадцать девять раненых. Нам сказали, что поселок зачищен, а там оказалась засада, нас ждали...

- Пятерых наших убитых потом обменяли на чеченцев. Контрактникам они головы отрезали, а срочникам - уши. Я сам это видел... Замполит наш, старший лейтенант Шлыков был тогда ранен. (Помню этого смелого парня из Курска, военная косточка, он провожал нас из разведбата в Моздок - В.К).

"Будет надо - вернемся..."

Чувствуется, что парни за полгода войны и походов устали. Им нет и 20 лет, а глаза - как у много повидавших 50-летних мужиков.

- Ну, а если жизнь так сложится, что через несколько лет в Чечне опять война?

- Домой хочется... Поработать бы, стрелять надоело. Но если будет надо - вернемся, - твердо ответили разведчики.

16. Есть такая профессия: Родину заЧищать

Сто дней работали в Чечне шестьсот сотрудников нижегородской милиции. Гудермесский РОВД, полностью сформированный из нижегородцев, стал для ГУВД области таким же райотделом, как Сормовский или Канавинский. Наши земляки вернулись на днях из Чечни, заслужив благодарности как местного населения, так и командования группировки и руководства МВД России. О том, в каких условиях приходится работать в Чечне нижегородской милиции, о своих впечатлениях от поездки в Грозный мы представляем репортажи нашего специального корреспондента.

Фугасы для колонны бензовозов

Водители на дорогах Чечни в местах, удобных для засад боевиков всегда особенно внимательно поглядывают по сторонам и проверяют, под рукой ли автомат.

- В этом лесочке "чехи" восемь "Уралов" сожгли, восемнадцать человек погибли, - рассказал, показывая на рощу впереди, старший нашей машины капитан Александр Зорин.

Показалась колонна автомашин, как раз напротив этого лесочка. Только промчался первый встречный бензовоз, как впереди, в пятидесяти метрах от нашей машины - взрыв! Водитель резко ударил по торзмозам, но через секунду нажал на "газ". Оглянулся - сзади на левой обочине дымится воронка. Мимо нас проносятся встречные бензовозы. Вроде бы тихо.

- На дороге в километре от блокпоста у Джалки - взрыв на обочине, доложил по рации в дежурную часть Гудермесского РОВД капитан Зорин, Вышлите сюда оперативную группу, пусть проверит обочины дороги.

Едем дальше, на Аргун. Если бы диверсант не поторопился, то вместо этого репортажа в газете, может быть, появился бы некролог.

А вечером мы узнали, что прибывшая на место взрыва оперативная группа под командованием начальника криминальной милиции Гудермесского РОВД подполковника Виктора Хисматулина обнаружила в этом лесочке на обочине дороги восемь неразорвавшихся фугасов, от каждого из них в

глубь леса уходило примерно по триста метров проводов. Пустая пластиковая бутылка на дереве служила диверсанту ориентиром: он должен был включить взрывное устройство, когда первая машина поравняется с бутылкой. Фугасы явно предназначились для колонны бензовозов, с которой мы случайно встретились именно в этом лесочке и именно в эту минуту. Не сработали они, наверное, чисто случайно.

Оперативная группа еще рах прочесала селение Джалка и на свалке за одним из домов на глубине более метра нашли армейский деревянный ящик, в котором было пять килограммов тротила, изрядный кусок пластида, несколько мин, гранаты, россыпью патроны, большая катушка провода и растяжки, словом полный набор диверсанта.

Именно в этом лесочке 9-го января группа нижегородцев, сотрудников Гудермесского РОВД, вела бой с отрядом Хаттаба.

- Только мы обогнали на машине нашу колонну, - вспоминает В. Хисматулин, - как из лесочка по нам открыли огонь. Первый бронетранспортер загорелся от первого же выстрела из гранатомета, но хорошо, что не растерялся экипаж второго: огнем прикрыл всю колонну и дал ей возможность развернуться и отойти.

А группа подполковника Хисматулина все это время, случайно оказавшись впереди предназначенной для уничтожения колонны, вела бой. А потом он, майор Вячеслав Шулев, доктор Игорь Смирнов и группа милиционеров эвакуировали двенадцать человек раненых из состава колонны. После этого боя комендант зоны безопасности Гудермесского района генерал-майор Александр Столяров написал на группу Хисматулина боевые характеристики, и отметил, что каждый из нее достоин награды, ордена Мужества.

В этом бою группа В. Хисматулина помогла отряду спецназа, которым командовал подполковник Сергей Куликов, сын бывшего министра внутренних дел России.

"Добро пожаловать в ад!"

У надписи с таким "оптимистическим" содержанием на бетонных плитах блокпоста при въезде в Грозный скучают трое омоновцев. Желающих въехать в город и осмотреть его достопримечательности не видно. Проезд прессы затруднен, и, наверное, не только потому, что остается риск нарваться на мину или на пулю какого-нибудь очумевшего боевика, скрывающегося в развалинах: Грозный сегодня - даже не Сталинград, это - Хиросима.

Постовой на КПП внимательно посмотрел на пропуск капитана Зорина, оглядел пассажиров нашего УАЗика и кивнул:

"Можете ехать".

Развалины вдоль дороги тянутся на многие километры. То и дело приходится объезжать воронки от бомб. Особенно впечатляют остатки дома на проспекте у виадука, под которым когда-то был ранен генерал Романов. Наши артиллеристы стреляли вдоль улицы, поэтому снаряды, как долотом, постепенно отбили фасад на всю длину многоэтажного дома. Только в этот дом попало, наверное, несколько сот снарядов.

На всем пути до площади Минутка нам попалась лишь одна живая душа седая старушка, она куда-то брела, волоча за собой тележку. Невозможно понять, по каким улицам мы ехали, потому что многие дома снесены до фундаментов вместе с номерами и указателями улиц. На каком-то перекрестке, как виденье, сидит еще одна старушка. Торгует сигаретами. Рыночная экономика пробивается даже из грозненских развалин! Покупателей у нее не было трое суток. Изредка проносятся бронетранспортеры с солдатами, но у них нет денег, а менять пачку "Примы" на гранату бабушка не соглашается. Наверное, после пережитого штурма этой старушке не страшна и атомная война.

На площади Минутка мне доводилось бывать в марте 1996 года и она уже тогда производила страшное впечатление. Сейчас же площадь стала еще шире исчезли окружавшие ее многоэтажные дома. Бомбами разметало даже развалины, кругом одна щебенка и кирпичная пыль. Беженцы рассказывали, что саперы взрывали дома вместе с засевшими на крышах снайперами. Окрестности площади напоминают эпицентр взрыва атомной бомбы. Омоновцы из Чувашии на блокпосту рассказали, что несколько кварталов в этом районе было снесено залпами ракет с кораблей Каспийской военной флотилии. Под ногами хрустят осколки стекла, звенят гильзы и осколки. На части стены уцелела вывеска: "Зубной врач", чуть дальше из развалин торчит изрешеченная пулями реклама: "Выход в Интернет". Сейчас здесь выход в преисподнюю. Трудно поверить, что на этих улицах совсем недавно кипела жизнь. Здесь даже уличные фонари перебиты пополам - такая была плотность артиллерийского огня. Вообще, впечатление такое, что федеральные войска брали штурмом город, который обороняла полумиллионная армия, как будто противник стрелял буквально из каждого окна.

Еще один блокпост на площади у расколотого пополам огромного памятника. Рядом валяются башня от сгоревшей в труху БМП и гранитные головы "каких-то революционеров, наверное", сказали солдаты. Представляю, как среди этих развалин жутко по ночам. "А это наш Паша, лучший в районе тракторист", вдруг засмеялся один из солдат, показывая на бойца,

сидевшего на укреплении из мешков с песком. Рядом рвется на цепи огромный черный пес. Собака помогает находить мины.

Единственное оправдание столь беспощадному разрушению города стремление максимально уменьшить потери штурмовавших его российских солдат. Хотя, наверное, проще было бы взорвать Грозный одной атомной бомбой, чем расходовать десятки тысяч мин, снарядов, бомб и ракет. Все равно результат получился, как после атомной бомбежки, ну разве что радиации нет. Новые чеченские власти, создающиеся сейчас под крылом федеральных войск, настаивают на восстановлении Грозного. Есть план призвать в части МЧС и железнодорожные войска 10 тысяч чеченских юношей, которые бы разбирали завалы. Можно себе представить, какой заряд ненависти к русским получат эти юноши, когда начнут работать в этих развалинах... Наконец, восстановление Грозного, где на десятки квадратных километров - одни развалины и полностью разрушены все коммуникации, может обойтись в огромные суммы. Наверное, проще закрыть город раз и навсегда и привозить сюда впечатлительных иностранных туристов, чтобы смотрели, запоминали и внукам-правнукам рассказывали, что бывает, если разозлить русского медведя.

"Не стреляйте! Здесь живые люди"

В Старопромысловском районе, западной части Грозного, разрушений гораздо меньше. На домах, в которые все же угодили по пять-семь снарядов, надписи: "Не стреляйте! Здесь живые люди". Вряд ли артиллеристы видели эти надписи. На газонах то и дело попадаются клочья собак - неосторожные животные чаще людей подрываются на растяжках гранат. Старопромысловский район был спасен от сплошного разрушения во многом благодаря стремительному броску Нижегородского и Дзержинского ОМОНов и 245-го гвардейского мотострелкового полка.

Омоновцы предложили осмотреть город с крыши техникума, где они расположились. Интересно, что некоторые окна в здании были заложены не мешками с песком, а ... книгами. С одной стороны техникума - микрорайон, с другой - давно заброшенный завод.

- Новый год встретили на соломе, молча, а первого января вошли в город со стороны Первомайского, - рассказал командир взвода Сергей Косарев, Вошли раньше солдат двести сорок пятого полка. Они нас еще чуть не обстреляли. В этом здании боевиков было человек тридцать, выбили их и пошли вперед.

Омоновец с двумя зарубками на прикладе автомата рассказал, как они дрались здесь целых три недели, показал, откуда по ним стреляли снайперы - с холмов за частными

домами.

- Сейчас здесь тихо, - зажмурился на весеннем солнце омоновец.

Мы стояли здесь 26-го февраля, и именно с этих холмов 2-го марта бандиты открыли огонь по колонне подмосковного ОМОНа, входившей в Грозный с запада. Погибло двадцать человек...

Дома напротив техникума стоят почти без стекол, но попаданий снарядов не видно. Лишь в одном доме рухнул крайний подъезд.

- Это саперы перестарались, - рассказали омоновцы, - Хотели взорвать только лестничную клетку на первом этаже, чтобы снайпер не мог забраться на верхние этажи, но не рассчитали заряд.

В соседнем панельном многоэтажном доме живет всего одна семья. Чеченец Имран с матерью, бывший предприниматель, и русская старушка, которую они приютили. Первое время омоновцы их подкармливали, сейчас они получают помощь от МЧС. Покричали этого Имрана, но он, наверное, как раз ушел за хлебом. Вошли в одну из незапертых квартир на первом этаже. В комнате шаром покати, мародеры вынесли все. На полу только три маленьких клубка пряжи, да старое женское пальто.

Пошли на завод, посмотреть могилку убитого боевика. На стене краской надпись: "Мы волки Ичкерии". В цехах зловещая тишина. Что-то скрипит. Мародеры с завода вынесли, пожалуй, все, что можно, кроме стен.

Могилка на газоне, с палками в виде креста, на нем висит старая кепка, рядом - старые кроссовки..

- Яйца у него собаки сожрали, - рассказал об убитом омоновец.

Чеченцы всегда выносят своих убитых. Этот был наемником из русских или украинец. Но все же закопали и его, а то воняет.

- Стоять! Ко мне! - скомандовал омоновец, увидев в цеху троих мужчин.

- Мы проволоку ищем, - рассказал один из задержанных мародеров, и протянул жеваный паспорт. Чеченец, прописка грозненская. Черный, страшный, не дай бог приснится такой...

- А если бы вам вместо нас гантамировцы попались? - спросил омоновец, возвращая задержанным паспорта.

- Не надо, - испугался чеченец.

- Вы что, своих боитесь больше, чем руских омоновцев?

- Гантамировцы сейчас обязательно бы избили, а могли бы и расстрелять, - сказал чеченец, - Они перед русскими выслуживаются.

Когда возвращались с завода на базу отряда, по дороге

промчалось два джипа, набитых молодыми бородачами. Из окон машин торчат автоматы. Это и были гантамировцы, союзники федеральных сил.

- Те же бандиты, только с новыми русскими документами, - сказала о союзниках федералов пожилая чеченка, попавшаяся нам навстречу.

Индира + Аслан...

На одной из улочек Старопромысловского района работает рынок. Из машин МЧС жителям раздают воду и белый, почти невесомый и безвкусный хлеб, испеченный из американской муки. Чеченские дети отзывчивы на доброе слово, охотно представляются и доверчиво рассказывают, где они были во время боев, все бойко говорят по-русски.

- Меня зовут Салем, учусь в восьмом классе, - рассказал мальчуган, - Но уроков не было семь месяцев. Да и наши учителя сами ничего не знают, лучше бы я в России учился. У меня папа шофер, в нашей семье никто из мужчин не воюет, - заверил он меня.

- А я Ислам Магомедов, учусь в пятом классе, - рассказал мальчик с глазами-маслинами, - Нас вывозили в Сержень-Юрт, там учились в школе. Я люблю биологию, хочу, когда вырасту, стать главным в гараже.

И вопрос, от которого сжалось сердце:

- Дядя, а война совсем-совсем кончилась? Нас больше не будут бомбить?

Рыженькая девчушка, почти прозрачная, Вера Дашкова, попросила рубль и рассказала, что все это время она пряталась здесь с мамой в подвале. Еще одна русская девочка лет восьми-девяти, ангельское создание по имени Кристина. Мама рассказала, как она боялась, что девочку увидит кто-нибудь из боевиков - "Растерзали бы ребенка...", вздохнула женщина.

Одна из женщин, узнав, что мы из Нижнего Новгорода, радостно воскликнула:

- А у меня кума в Лысковском районе, Лебедева Татьяна! Меня звать Галя, я полубашкирка-полурусская.

- Как же вы тут жили все это время?

- А куда нам было идти? Ехать некуда. Два года без пенсий... Разве бы я здесь стояла с протянутой рукой, мне семьдесят шесть лет, - ответила старушка.

- Я ингушка, - рассказала другая женщина, - Ваххабиты убили моего сына. Забрали видео, привязали к дереву и застрелили. У меня сохранилась пуля из его тела, знаю, кто его убил... Старший сын в Кемерово, в органах работает, не успел меня забрать, третий сын в Ульяновске.

Черноглазая девочка лет десяти написала углем на стене "Индира + Аслан", но, заметив, что я за ней наблюдаю, застеснялась и убежала.

В селе Энгель-Юрт, куда мы ездили на операцию по задержанию подозреваемого в похищении людей, остановились возле школы. Как раз зазвучал колокольчик на урок. В коридоре - стенд с надписью "Участники Великой Отечественной войны" и 11 фотографий аксакалов в папахах и с наградами. Эти ветераны и отговорили горячую молодежь от сопротивления русским войскам: село с населением в шесть тысяч человек было сдано без боя и потому осталось неразрушенным.

Постучав, захожу в класс. Приветливо поздоровался. Удивленные и любопытные детские глазенки. Учительница сначала растерялась, но потом что-то сказала по-чеченски, дети встали и дружно поздоровались по-русски. Это был третий класс.

- У нас урок, - учительница почему-то сделала паузу и смутилась, родного языка.

Посмотрел детские тетрадки, ребятишки охотно листают страницы и показывают пятерки и четверки по чеченскому языку. А вот дневник в этом классе только у одного мальчика, не хватает и учебников, наглядных пособий нет вообще, рассказала худенькая молодая учительница. Тем не менее, занятия в школе в период военных действий в районе прекращались только на неделю, и гриппом никто не болел. Здесь учится 625 детей, есть в селе и вторая школа. - "У нас в каждой семье по четыре-пять детей", с гордостью сказала учительница.

Не хочется верить, что эти милые ребятишки когда-нибудь возьмут в руки автоматы и будут стрелять в своих русских ровесников...

...В Гудермесе после комендантского часа патрули привели в дежурную часть милиции мальчишку. Муртаев Мурат, 15 лет. Задержан, при обыске у него нашли пистолет с глушителем. Стоит, в грязных брюках, шмыгает носом. А ведь мог бы в темноте выстрелами в спины перебить весь патруль.

...Симпатичный малыш лет пяти на улице Гудермеса у киоска, где торгуют видекассетами со снятыми чеченцами сценами последних боев за Аргун, пытками пленных русских солдат и казнями контрактников. На вопрос, как его звать, малыш вдруг вскинул ручонку: "Шамиль Басаев! Аллах акбар!" Из дома вышел его отец, молодой бородач в тельняшке, глянул зверем и увел ребенка за руку.

Офицер военной контразведки рассказал, что в отряде Арби Бараева, на счету которого 162 убийства, немало подростков, которых приучили сначала к наркотикам, а потом убивать.

А в Энгель-юрте тогда, после посещения школы, мы с оперативной группой во главе с подполковником Хисматулиным пришли в дом некоего Шухруддина. Были сведения, что он похищал в России людей. Его младший брат и отец, солидный мужчина в папахе, не знают, где сейчас Шухруддин.

Это был тяжелый разговор...

- Скажи своему брату, что если он сам не придет ко мне в отдел через три дня, мы придем сюда в село, и будет нас уже не десять человек, и разговаривать будем по-другому, - жестко сказал Хисматулин.

А у дома как-то незаметно собралось десятка два бородачей с неприветливыми лицами. Надо было проверить еще один дом, но решили не испытывать судьбу, сели в машину и уехали.

"Без паспорта в туалет не сходить!"

После обеда неугомонный начальник криминальной милиции Гудермесского РОВД Виктор Хисматулин опять куда-то засобирался. Поехали в поселок Новогрозненское. Есть информация, что сюда должна поступить крупная партия наркотиков. Кстати, за три месяца работы нижегородцев в Гудермесе здесь было изъято почти 32 килограмма марихуаны, 42 грамма героина, 80 граммов опия, уничтожено 800 кв. метров наркосодержащих культур.

По дороге подполковник Хисматулин, исколесивший за три месяца весь Гудермесский район, рассказал, что у чеченских сел своя криминальная специфика. Новогрозненское специализируется на продаже наркотиков и оружия, селение Комсомольское - на торговле белыми рабами. Например, некий Коля Любов, бывший русский, похитил из Буйнакска более двадцати человек. И во всех селах без исключения вырабатывают из ворованной нефти бензин.

На шоссе, где начинается Новогрозненское, длинный ряд торговцев таким самогонным бензином. Десятилитровая банка стоит всего 35 рублей. Водители покупают такой бензин только от большой нужды, потому что от него очень быстро портятся моторы. Это не беспокоит: испортил мотор, столкнул машину в пропасть, пригнал себе из России новую. Бензин этот следует изымать, что криминальная милиция и делает: более 105 тонн за три месяца. Но сколько ни изымай этот бензин, чеченцы все равно им торгуют. Для многих из них гнать такой бензин на самодельном аппарате так же естественно, как держать корову.

На горизонте за Комсомольским третий день горит один такой заводик. Приехали, заложили две тротиловых шашки, отбежали - взрыв и черный дым до небес. Чеченцы, стоявшие на окраине села, провожают наш "УАЗик" неодобрительными

взглядами: "кормильца" лишились. За три месяца в Гудермесском районе было уничтожено 147 таких "предприятий".

Едем улицами Новогрозненского. Много молодежи. Парни, по тюремной привычке, сидят группами на корточках, провожают нас недобрыми взглядами. Поселок, чтобы не терять канал транспортировки наркотиков, старейшинами был сдан тоже без боя, поэтому разрушений не видно.

Остановились на КПП за южной окраиной села. Дорога уходит в мрачные горы. Пока Хисматулин с опергруппой ходил в село, смотрю, как работают постовые. Интересно наблюдать, с каким трудом сдерживают свои чувства гордые чеченцы, водители автомашин, когда у них проверяют документы малосимпатичные потомки Чингис-хана с раскосыми глазами, омоновцы из Бурятии. Кстати, на блокпостах в Чечне все чаще, чтобы чеченцы впредь уважали бы не только русских, можно встретить башкир, бурят, тувинцев, чувашей.

- Не было у меня никогда паспорта, - оправдывается чеченка лет тридцати, - Только метрики.

- Я такой старый, зачем мне водительские права? - пытается отшутиться мужчина лет шестидесяти.

- Документы есть? - спрашивает постовой пассажиров очередной автомашины. В салоне с любопытством блеснули черные глаза юной горянки.

- Сейчас без паспорта даже в туалет не сходишь! - со злостью ответила ее мать.

С первых дней воссоздания в Гудермесе милиции здесь начала работать и паспортно-визовая служба. Первые 50 российских паспортов нового образца были вручены в Гудермесе 22 февраля, рассказал начальник паспортно-визовой службы УВД республики подполковник Али Мугуев. В день здесь стараются сейчас выдавать до 550 новых паспортов, в основном юным гражданам, но потребность на год - более 100 тысяч.

...В очереди за документами в паспортно-визовую службу Гудермесского РОВД невольно обратил внимание на молодую чеченку - высокая, красавица глаз не оторвать. Девушка рассказала, что ей 21 год, не замужем, закончила восемь классов, но паспорта у ней никогда не было, потому что в свободной Ичкерии их никому не выдавали. Завтра надо ехать в Ростов-на-Дону, подошла очередь ложиться в кардиологическое отделение больницы, но сейчас без паспорта из Чечни через блокпосты не проехать. А чтобы получить временное удостоверение личности, на полгода, надо собрать несколько справок. Посмотрел на список, какие требуются справки. Да-а, в Нижнем Новгороде даже мне, чтобы их достать, потребовался бы не один день. Справка из

школы - "А если школа разбита?", справка о прописке из ЖЭУ - "Давно нет никакого ЖЭУ!", "Справка с места работы" - "У нас нет никакой работы". И здесь в очереди девушка простояла четыре дня.

- Хочу уехать жить в Россию, в Ставропольский край, у меня там есть родственники, - сказала девушка.

Ей все-таки пошли навстречу и удостоверение личности выдали через полчаса.

"Стакан семечек и столько же патронов"

- В первое время, как собаки по ночам залают, мы за автоматы хватались, - вспоминает начальник Гудермесского, а в "той жизни" Павловского РОВД полковник Сергей Конышев.

Его отряду в 600 человек, полностью сформированного из нижегородцев, с 25 ноября было поручено восстанавливать в Гудермесе порядок и законность. Вопросы обустройства ("сначала спали вповалку, присесть негде было") и обороны приходилось решать параллельно. Сначала за любой мелочью обращались к коменданту района. Но вскоре, оглядевшись, нижегородцы решили показать, кто в Гудермесе хозяин.

- Первый раз пришли на рынок с проверкой - торговцев как ветром сдуло, - рассказал С. Конышев, - Смотрим, а под прилавками не только банки с огурцами, но и цинки с патронами, хочешь картошку покупай, а хочешь гранаты.

Как было раньше удобно бандитам: зашел на рынок, купил стакан семечек и заодно пополнил боезапас - в другой карман патронов насыпал.

Очень скоро на перекрестках и возле важнейших зданий Гудермеса появились блокпосты с нижегородскими милиционерами.

- Я шла утром на урок, - рассказала завуч местной школы, русская женщина, - и вдруг меня окликнули у блокпоста. Но так вежливо спросили, кто я и куда иду, что я даже расплакалась.

При Дудаеве и Масхадове трое начальников милиции Гудермеса, по отзывам местных жителей, были отъявленными бандитами. Последний такой "шериф", с четырехклассным образованием, но в звании бригадного генерала, любил принимать посетителей, по американской моде положив ноги на стол. Скоро гудермесцы поняли, что жаловаться этому "шерифу" на что-либо бесполезно.

Очень важно было завоевать доверие жителей. Скоро жители Гудермеса стали понимать, что нижегородцы пришли в их город наводить порядок всерьез и надолго. Все чаще люди стали обращаться в милицию с заявлениями о преступлениях, в основном совершенных несколько лет назад. Всего за три месяца,

рассказал полковник С. Конышев, в дежурную часть РОВД поступило 499 различных сообщений, по которым было возбуждено 103 уголовных дела.

Быстро стали набирать обороты служба криминальной милиции, уголовный розыск, участковые, отделы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и экономической преступности. Дежурная часть Гудермесского РОВД, которую возглавил Андрей Егоров (Канавинский РУВД), получив необходимое оснащение, очень скоро стала выполнять все возложенные на нее обязанности в полном объеме.

На первый взгляд, если судить по статистике, криминогенная обстановка в Гудермесском районе значительно спокойнее, чем в Павловском. За три месяца, например, всего одно убийство, один грабеж, три разбоя. В Павловском районе такое фиксируется за сутки. Но если в России в порядке вещей, чтобы сожитель зарезал сожительницу, то в Чечне такого просто не может быть. Здесь, в отличие от России почти нет краж, потому что любой аул - это одна большая семья. Кроме того, с бытовыми преступлениями разбираются старейшины, российской милиции сюда со своими законами лучше не соваться. Вот торговля людьми, наркотиками, незаконное ношение оружия - это в Чечне есть. Когда же нижегородцы занимались расследованием таких преступлений, как служебный подлог, превышение служебных полномочий, взятка, присвоение государственного имущества - чеченцы порой даже не понимали, что же в этом преступного. "Кровная месть?" - "Русским до этого нет дела!" Совсем другой менталитет, и с этим надо научиться считаться.

- Но все же основная масса чеченцев - законопослушна, - убежден полковник С. Конышев, - Чеченцы не терпят лжи, не переносят матерщины, особенно в присутствии женщин.

Не сразу, но привыкли жители Гудермеса и к комендантскому часу. Кстати, за его нарушение за три месяца было задержано 178 человек, в основном местных пьяниц, что немного для города с 40-тысячным населением.

Достаточно искры, чтобы все пошло насмарку

Начальник Гудермесского РОВД уже начал получать от жителей благодарственные письма. Наладились контакты с чеченской интеллигенцией. Казалось бы, мир в городе и районе становится необратимым. Старейшины твердо дали понять пытающимся проникнуть в город бандгруппам, что здесь им делать нечего. А ведь в первую войну большинство мужчин города были боевиками.

И вдруг ЧП. Одно за другим.

Двое контрактников-армейцев нажрались водки и куражиться

пошли в селение Джалку. Хозяина с детьми выгнали из дома, а хозяйку изнасиловали. И отрубились. Собрались мужчины села. Как они сдержали себя, чтобы сразу не растерзать насильников - удивительно. Чеченская женщина после такого позора должна была по обычаю наложить на себя руки. В Джалку поехал полковник Сергей Конышев. Почти на верную смерть. Одно неосторожное слово и - пуля в лоб из толпы. Удалось уговорить чеченцев не брать в руки оружие. Но из-за двоих русских раздолбаев обстановка в районе чуть не взорвалась.

Через несколько дней на блокпосту не остановилась по требованию автомашина. Началась погоня, милиция была вынуждена стрелять по колесам. Одна из пуль случайно попала в водителя и он умер. Им оказался 16-летний мальчишка, без спроса взявший машину у отца. У здания РОВД собралась возмущенная толпа местных жителей. И вновь полковнику Конышеву пришлось идти разрешать конфликт, рискуя получить пулю. Уговорил людей разойтись, родным погибшего организовал поминки.

А вскоре "отличились" чеченцы. Из Калужского ОМОНа, находившегося в оперативном подчинении С. Конышева, пропали двое бойцов. Потом их вернули, но с перерезанными глотками. Ребята подружились было с чеченскими девушками, а те сдали их бандитам. Теперь надо было удерживать своих, чтобы сдержать от мести чеченцам за убийство товарищей.

Союзники

В Гудермесском районе с возвращением федеральных сил постепенно стали создаваться органы власти и из местных кадров. Мэр Гудермеса - женщина, бывший директор школы Малика Гезимиева. По оперативным данным, многие ее ученики в бандах, и сама она поддерживает связи с бандитами. По отзывам людей, близко ее знающих, Малика Шамсутдиновна по своему характеру и темпераменту похожа на героинь народной артистки Нонны Мордюковой. Рассказывали, например, такой эпизод: " Зашел к ней в кабинет какой-то чеченец, бумагу подписать. Она нахмурилась, повертела бумагу, подписала, а потом как закричит: "Ты почему, скотина, вошел без стука! Когда у вас будет культура!"

О понимании Маликой Шамсутдиновной основ законности свидетельствует такой фактик: однажды она написала начальнику Гудермесского РОВД полковнику С. Конышеву заявление с просьбой под ее личную ответственность отпустить задержанного нижегородской милицией одного подозреваемого в серьезном преступлении. Полковник Конышев, прочитав послание мэра города, схватился за голову: таких просьб в его практике еще не

бывало.

Повидать Малику Гезимиеву не удалось, поскольку она не любит кабинетный стиль работы. Но и положительных отзывов о ней много. Мэр Грозного действительно много сделала для восстановления в городе работы коммунальных служб, наведении элементарного порядка на улицах. Гудермес сегодня - это огромная помойка. Дворники здесь не работали несколько лет. Даже такому крупному организатору борьбы за чистоту улиц, как начальнику управления благоустройства администрации Нижнего Новгорода Владимиру Лапаеву работы здесь хватит на три месяца. Однажды пришлось наблюдать, как у здания мэрии десятка два женщин шустро махали лопатами, раскидывая только что выпавший снег. Здесь же стояли, руки в карманы, десятка три мужчин. Лопат им, конечно, не хватило.

Малику Гезимиеву выдвинул во власть 26-летний авторитет Ямадаев, который возглавляет местное ополчение из 120 бойцов. При желании, говорят местные жители, он может свистнуть и к нему тут же придут триста вооруженных мужчин. А вот куда они повернут свои автоматы - вопрос. Представители федеральной власти не доверяет Ямадаеву, но вынуждены считаться и даже сотрудничать с этой силой, которая не пускает в город бандитов с гор.

В Гудермесе живет муфтий Чечни Кадыров. Его охраняют несколько десятков вооруженных до зубов мужчин в новеньких американских камуфляжах, лихо разъезжающих по городу на джипах. Местные жители, не боясь гнева Аллаха, говорят, что вся охрана муфтия Кадырова - бандиты.

Наконец, в городе расположены и многие другие представительства возрождающейся власти в Чечне, лояльной Москве. Вообще властей в городе много, каждая из них считает себя главнее другой, но у кого реально в городе власть - зависит порой от времени суток и конкретной ситуации. А старейшины в Гудермесе думают, что в городе все в конечном счете решают они.

Когда обстановка стала несколько стабилизироваться, Гудермесский РОВД получил директиву начать набор в милицию из местного населения. На призыв откликнулось около 300 человек. Главные критерии отбора - желание работать в милиции и отсутствие криминального прошлого, которое, впрочем, нетрудно скрыть. Отобрали 75 человек, зачислили их в штат РОВД в качестве стажеров, выдали форму и оружие. Все чеченцы-милиционеры приняли Присягу на верность России.

Скоро некоторые новоиспеченные сотрудники милиции на службу стали приходить без вверенного им оружия. "Где автомат?" Сотрудник подает справку от главы сельской

администрации, из которой следует, что ему разрешено продать оружие "в связи с тяжелым материальным положением". Другой продал автомат, потому что нет средств лечить больную жену. Вот с какими "кадрами" приходится работать в Гудермесе нижегородской милиции. Есть и серьезные сотрудники, которые действительно искренне помогают в деле наведения порядка в городе. Но им приходится считаться и с обычаями кровной мести, и с круговой порукой чеченцев.

Комендант

- Главное, с чем пришлось прежде всего столкнуться - огромное количество беженцев, - сказал при встрече комендант зоны безопасности Гудермесского района генерал-майор Александр Столяров, - В городе не было ни воды, ни газа, ни электричества, вырублены все деревья.

Генерал Столяров в начале второй чеченской компании был заместителем командующего оперативной группы войск "Запад", куда был назначен с должности заместителя командующего 22-й армии. Когда в начале ноября прошлого года встал вопрос, кого назначить комендантом Гудермеса, который вот-вот будет взят, выбор пал именно на генерала Столярова. Его хорошо знают, как человека исключительной воли, умелого организатора.

- Я поднял российский флаг в Гудермесе двенадцатого ноября, куда прибыл с оперативной группой в пятьдесят человек, - рассказал генерал Столяров, - С чего начал наводить порядок в городе? Главное - воля к победе, поэтому собрал все оставшееся руководство, твердо поставил задачи и тут же начал контролировать беспрекословное исполнение. Быстро пересчитали население и беженцев, оказалось, что в районе проживает сто сорок тысяч человек, наладили снабжение продовольствием.

Через несколько дней в городе, в котором совсем было остановилась жизнь, появился газ, электричество, стало налаживаться снабжение водой. А сейчас в Гудермесе фактически создана система жизнедеятельности, с первого декабря работают школы, больницы, вышло два номера районной газеты, в которой публикуются даже стихи местных поэтов, заработал один канал телевидения.

Именно генерал Александр Столяров, сам нижегородец, настоял, чтобы временный РОВД в Гудермесе был сформирован из нижегородцев, поскольку его хорошо знают в области, а это облегчает работу.

Пять месяцев ежедневного адского труда, чтобы Гудермес стал наконец оживать - во многом здесь заслуга его коменданта.

У комендатуры всегда ждут приема несколько чеченцев,

которые больше надеются на слово генерала Столярова, чем на обещания Малики Гезимиевой.

- Пришел похлопотать, чтобы мне скорее стали платить пенсию, рассказал, например, 67-летний Хамзат Магомедович Темирбулатов, - Я сорок лет отработал на железной дороге помощником машиниста, но два года без пенсии. У сына Малики, которого она назначила пенсионными делами заниматься, ничего не могу добиться. А за Столяровым, народ говорит, главное слово, он поможет.

"Работы здесь на десять лет..."

В руководстве группировки войск и сил МВД России в Чечне еще двое известных нижегородцев. Заместитель начальника ГУВД Нижегородской области полковник милиции Сергей Кучерук возглавляет штаб группировки, а начальник Волго-Вятского РУБОП генерал-лейтенант Иван Кладницкий - первый заместитель командующего. Встреча с ними прошла в Ханкале.

Стоя над подробной картой Грозного и окрестностей, полковник С. Кучерук детально рассказал о ходе военного этапа операции по уничтожению бандформирований:

- Войска вытеснили банды в южную часть Грозного, в Черноречье, где были заранее заминированы большие площади. Более тысячи бандитов попали на минные поля и были там уничтожены. Здесь и был ранен Басаев. Параллельно подразделения СОБР и ОМОНа вели отработку таких населенных пунктов, как Аргун, Шали, Комсомольское. За трое суток после взятия Грозного было задержано около трех тысяч боевиков, взято более четырех тысяч единиц различного оружия, много боеприпасов. Сейчас главная задача - проводить профилактические мероприятия в тылу и зачищать освобожденные войсками населенные пункты.

С. Кучерук отметил, что СОБР и ОМОНы из Нижегородской области в операциях в Чечне показывали себя с самой лучшей стороны и действовали практически без потерь.

Генерал И. Кладницкий в самом начале предупредил, что все о действиях подчиненных ему спецподразделений в войне в Чечне рассказать сможет только через пять лет.

На столе у генерала - пачка фотоснимков. Это командиры бандформирований. Немало знакомых всем лиц - Масхадов, Басаев, Арсанов.

- Исмаилов Исламбек - убит, Исрапилов - убит, - рассказывает о своих "подопечных" генерал Кладницкий, - Удугов здесь, в Чечне. Гелаев - знаем, где находится. Недавно задержали врача, который ампутировал ногу Басаеву. Раньше у чеченцев руководство шло из единого центра, сейчас этого нет. Некоторые

командиры действуют сами по себе. Есть элементы растерянности.

Генерал Кладницкий полистал распечатки радиопереговоров полевых командиров бандитов. Интересны свидетельства, как тяжко им приходится под огнем российской артиллерии, как они советуются друг с другом, куда отступать.

- Но они тоже сканируют все наши радиопереговоры, - сказал генерал.

Целая пачка захваченных документов сотрудников спецслужб Ичкерии. Немало среди них и женщин.

За последнее время спецподразделения под руководством генерала Кладницкого провели четыре широкомасшабных операции по уничтожению бандформирований.

- Пять суток ходил наш СОБР на операцию, без воды и тепла. Выследили банду из сорока человек. Шестнадцать взяли в плен, остальных уничтожили, рассказал генерал, - На днях наш разведчик обнаружил в горах лагерь бандитов, принес его схему. Привязали ее к местности, а потом нанесли бомбо-штурмовой удар. На следующий день насчитали там триста пятьдесят трупов боевиков. Об этой операции еще никто не знает...

Генерал Иван Кладницкий рассказал, что его спецподразделения задерживали чеченских разведчиков, попадались им и женщины-снайперы, и украинцы, воюющие в отрядах Басаева, и арабы.

- Все они были, судя по взятым у них рабочим тетрадям, которые они заполняли в учебных лагерях, настоящими отличниками боевой подготовки, отметил генерал, - и бились до последнего. А вообще - работы нам здесь, в Чечне, на десять лет... - давая понять, что разговор пора заканчивать, сказал Иван Иванович.

17. "Трехсотые"

Пока одни раненые солдаты разговаривают со своими мамами по сотовым телефонам, предоставленных бесплатно компанией "Сотел-НН", другие, ожидая своей очереди позвонить, тихонько рассказывают, как они оказались в госпитале. "Груз-300" - так принято называть раненых на войне. Им повезло, они не стали "грузом-200". Хотя каждый из них постоял на краю смерти.

"Терпимо..."

- Стал снимать гранату с растяжки и усики разогнулись, - рассказал Константин из Воронежа, - Полк десантников здесь стоял, потом уехал, после них много осталось боеприпасов. Я взял запал, смотрю - он уже без кольца. И первый щелчок. Стал выкидывать, она и взорвалась. Оторвало два пальца. Бегом побежал в санчасть. Испугаться не успел. Крови было много... А

вообще терпимо...

Ранен Константин был 16 февраля, под Тарги. Его военная специальность механик-водитель 3-го класса, служил в ремроте, в Чечне пробыл месяц.

- Домой звонил, слышно хорошо, - рассказал Костя, - Письмо тоже написал, левой рукой. Здесь с 16 марта, до этого был во Владикавказском госпитале.

Как же теперь жить без пальцев...

- Попробую устроиться на работу, - не унывает Костя, - Я автослесарь. Еще отец обещал помочь устроиться учиться.

"Глубокий тыл..."

Женя из 14-го погранотряда:

- Обстреляли, недалеко от Тавтороя, попали в ногу, пулей из автомата навылет. В Чечне с 10 февраля. Почти два года отслужил, после госпиталя в часть приеду и надо увольняться. Двадцать суток шли по Чечне, маршем. Стояли лагерями, передвигались.

- Больно было, когда ранило?

- Да нет, лечить больнее, чем когда попало.

Еще один парень с гипсом на руке.

- Снайпер его ранил, - подсказали ребята.

Пуля попала в кость и дырка в ней - с пятак.

- Я водитель, но машину потерял, когда колонна попала под минометный обстрел, вот и перевели в пехоту, - рассказал солдат.

Еще раненые - из Таманской и Кантемировской дивизий.

- Я водитель, ехал на "Урале" из Червленой, с боеприпасами, нас обстреляли из минометов, это в двадцати километрах от штаба западной группировки. Все документы сгорели в машине. Ехали днем вроде бы наша территория, глубокий тыл...- рассказал один из них.

- Мы тоже колонной шли, попали под обстрел. И подмоги не было, четыре "Урала" всего, без сопровождения. Ничего не дали, ни "бэхи", ни "зушки"... Только что проезжали через село - было чисто, и вдруг, когда мы его проехали, часа через два сообщают, что село "чехи" взяли, - рассказал второй раненый.

"Малолетки будут мстить..."

- Едешь селами - лбы у дорог стоят! Они на тебя смотрят такими глазами - убить готовы! А тебе нельзя. Я бы рад автомат передернуть и всех их перестрелять. Одних женщин оставить. Остальных всех перестрелять. Ему двенадцать лет, он берет "муху" и ползет...- начал рассказывать третий.

- Ну перебьем мы взрослых боевиков, а потом эти малолетки будут нам мстить за своих убитых отцов. У них же кровная месть. Или всю Чечню стереть... Наверное, в Афганистане погибло

меньше, чем сейчас в Чечне.

- Осколками задело, и переломы таза, - рассказал о своем ранении водитель-таманец. - Двое суток без сознания. Раз очнулся, глаза открыл вроде в бэтре еду. Потом чувствую, как маску с наркозом надевают на голову. В себя пришел в Моздоке. Две недели лежал - ни вправо, ни влево повернуться не мог.

- "Чехи" из Грозного хотели пройти в Алхан-юрт, а там саперы поле заминировали, сорок человек боевиков подорвалось, их потом "кошками" вытаскивали. Пять человек вытащили, хотели поменять на медичку, которая попала к ним из нашей колонны. Но чеченцы не согласились меняться, потому что их убитые были с отрезанными ушами, - рассказал солдат.

Зашел разговор о женщинах-снайперах, воюющих на стороне бандформирований:

- По рации разговаривали с женщинами, девчонками из Челябинска, обеим по 19 лет, они биатлонистки. Успокаивали, что убивать нас не будут, а стреляют только по коленкам, да в пах. Мне вот коленную чашечку и раздробила пулей...

- Пацаны рассказывали, что в Моздок привезли москвичку-снайпера, двадцати пяти лет. Ее чуть не убили...

- А у нас поймали одну такую и сразу разорвали двумя БМП, пока офицеры не видят...

"Пуля в грудь ушла..."

Под капельницей лежит Михаил, родом из Архангельской области, пулеметчик 56-го десантно-штурмового полка. Воевал шесть месяцев, начал с Дагестана. Бледный, на руке следы от ожогов - "схватился за ствол пулемета..."

- Ранило числа второго марта. В Аргунском ущелье, где весенняя кошара, будь она проклята, - Михаилу трудно говорить, - Из автомата попали. Одна пуля палец перебила, другая в грудь ушла. Легкое насквозь пробито. Сознание потерял не сразу, страха не почувствовал. Сначала в Ханкалу, в госпиталь, там пулю вытащили и в Моздок, оттуда сюда бортом.

- Как сейчас себя чувствуешь?

- Как сказать... Осложнения пошли. Из легких вчера выкачали жидкости с пол-литра.

Михаил рассказал еще, что в последних боях у них было человек по пять за сутки "двухсотых", да раненых человек по пятнадцать. Роты хватило на трое суток.

- Потом батальон подошел. Знаю, что всех вывели из роты, кто остался.

Из Чечни домой он писал, но ни одного письма не получил. Сейчас удалось позвонить матери.

"По-другому смотрю на все..."

Эдик Миронов, наводчик-оператор БМП, родом из Башкирии, а служит в мотострелковом полку, в котором удалось побывать с группой моральной поддержки в ноябре прошло года. Он хорошо помнит концерт артистов Нижегородского гарнизонного Дома офицеров, который они дали на Сунженском хребте.

- Когда вы от нас уехали, мы пошли на село Подгорное, - стал вспоминать Этик, - Наша рота низиной шла, а на высотке шестая рота в засаду попала. Рота отошла, а два пулеметчика остались прикрывать отход. Потом двое суток до них не могли добраться, а когда пришли, они уже были убиты. Оба срочника, фамилий не помню. Их представили к званию Героев России. В этом же бою убило зам. командира полка. На горе у Первомайского стояли недели две. Спустились вниз, около Грозного стояли еще неделю, потом обошли его и входили в город с запада, на площадь Минутка. Там у нас погибло много солдат, из нашей роты человек восемь-девять, и раненых человек пятнадцать. Все развалины брали с боем. Грозный зачистили, денька два отдохнули, пятого февраля наших дембелей уволили, а шестого мы пошли в горы. Рядом с Комсомольским стояли, сначала мирная жизнь была, а потом опять бои начались.

Эдик получил травму в машине, когда вытаскивали сапера, подорвавшегося на мине в разведке .

- Чувствую, что изменился я за это время сильно, - сказал он, По-другому теперь смотрю на все...

Как теперь смотрит на мир солдат, понятно, если его товарищи, с которыми он разговаривал, через час погибали, а лучшему другу миной оторвало обе ноги и он умер от болевого шока...

Эти несколько раненых солдат со всей нашей огромной страны - лишь малая частичка рассеянной по госпиталям боли, и она почти незаметна для тех, кто здоров и живет обычной мирной жизнью. Но этой боли больше с каждым днем.

18. Разведчики погибают первыми

Ушел из кадра. И из жизни

В кабинете заместителя командира 84-го отдельного разведывательного батальона майора Салеха Агаева просматривали видекассету, снятую вашим корреспондентом в ноябре прошлого года, когда часть стояла в Чечне на Сунженском хребте. Офицеры и солдаты узнавали себя на экране, своих боевых товарищей.

- Стоп! Это же Курбаналиев, погибший под Дуба-юртом! - вскрикнул кто-то из солдат.

Курбаналиев в кадре был одну-две секунды. Стоявший перед ним разведчик чуть переступил и закрыл лицо погибшего через

несколько недель разведчика. Ушел из кадра... А вскоре и из жизни. Потом на видеопленке разведчики нашли еще двоих своих погибших товарищей. Они тоже лишь чуть-чуть мелькнули в кадре. Если бы тогда знать, что они погибнут...

Восемнадцать солдат и офицеров потерял убитыми во второй чеченской кампании 84-й отдельный разведбат 3-й мотострелковой дивизии 22-й армии. Их имена сейчас выбиты на памятнике, который 21 июня был открыт в расположении батальона. Солдаты и офицеры смотрели ту фронтовую видеокассету, где они стояли в одном строю рядом с погибшими, и каждый думал: "А ведь и я мог бы оказаться в числе этих восемнадцати..."

Глаза и уши

Двадцать восьмого сентября 1999 года разведбат, как передовой отряд группировки российских войск, вошел в Чечню с севера. Тщательно подогнав снаряжение, проверив связь, оружие и боеприпасы, разведгруппы одна за другой уходили в свой первый боевой поиск. Уходили 19-летние, под командованием всего на три четыре года старше себя лейтенантов, в ночную мглу, в чужие холмы, в неизвестность. Ясной была только задача: установить опорные пункты противника, его численность и вооружение.

В журнале боевых действий батальона - ежедневные скупые записи. "Поставленная боевая задача выполнена. Потерь личного состава и техники нет". - эти строчки характерны для первых недель кампании.

Противник, не рискуя вступать в бои с лавиной российских войск, отходил, почти не оказывая сопротивления, лишь изредка выставляя засады. Надо отдать должное: воюют чеченцы и наемники грамотно и осторожно. Впереди российских мотострелков шли разведгруппы. Если разведчики устанавливали расположение противника, немедленно по рации условными сигналами вызывали огонь артиллерии. Беспощадные залпы "Градов" и самоходных артиллерийских установок сметали опорные пункты, а затем вперед вновь шли разведчики. Шли, рискуя каждую секунду подорваться на мине, получить в лоб пулю снайпера. Радисты тревожно слушали эфир. Если связь вдруг прерывалась, в батальоне старались не думать о плохом .

В каждом поиске разведчики могли попасть в засаду. Удача во многом зависела от мастерства командиров, осторожности каждого бойца. Надо уметь увидеть след в траве, тонкую проволоку от гранаты на растяжке, услышать дальний стук лопат. Каждый звук имел значение.

Из журнала боевых действий батальона: "...Установлено

активное движение автотранспорта между Алхан-Юрт и Шаами-Юрт, как в дневное, так и в ночное время... В засаде на броде боестолкновение с противником. Взяты документы убитого полковника Вооруженных Сил Чеченской республкии... В районе моста в засаде уничтожено две автомашины с боевиками и бензовоз КамАЗ, взяты образцы документов и боеприпасов....Уничтожено две пулеметных точки. Обнаружена группа боевиков и опорный пункт. Работа оптических приборов отмечена в квадрате 90551... Вызвали огонь артиллерии по обанруженным двум огневым точкам... Захватили бевика, устанавливавшего растяжку с гранатой..."

Разведбатальон выполнял задачи командующего группировкой "Запад" и действовал в интересах не только 3-й мотострелковой дивизии, но и соседей. Разведчики всю кампанию были "глазами и ушами" командования. Приходилось выполнять и задания особой важности. Например, успешно была проведена операция, в ходе которой надо было добыть вещественные доказательства прямого участия стран НАТО в чеченском конфликте. Это было 21 ноября. Тогда разведчики, устроив засаду, уничтожили пятерых бандитов. На них было обмундирование и снаряжение одной из стран НАТО, которое потом показали по центральному телевидению. И Запад на некоторое время перестал открыто поддерживать чеченский режим.

Первая кровь

Два с половиной месяца разведбатальон, все дальше продвигаясь в горы южной Чечни, воевал без потерь. Но все понимали, что рано или поздно беда случится. Разведчики, как и обычно, уходили на двое-трое суток, порой на 10-15 километров.

Десятого декабря одна из разведгрупп под Чири-Юртом установила штаб Басаева, но попала в засаду. Завязался бой. Разведчики сбили противника с высоты, потом на ее склонах нашли трупы десяти бандитов. В этом бою двое разведчиков получили ранения и погиб сержант Михаил Зосименко. Он успел уничтожить пулеметный расчет в окопе и троих автоматчиков. Бандиты обошли старшину и расстреляли его в упор.

Разведчики друзей не бросают

Чем дальше в горы уходили разведгруппы, тем упорней становилось сопротивление боевиков. Группа старшего лейтенанта Петра Захарова на подступах к Дуба-Юрту установила несколько схронов бандитов, уничтожила караван с оружием. В схватке было убито двое чеченцев, один из которых оказался ближайшим сподвижником Басаева. Разведчикам с трудом удалось уйти от погони.

Шестнадцатого декабря, в густом тумане, в засаду попала разведгруппа старшего лейтенанта Михаила Миронова. Разведчики, оказавшись в окружении, приняли неравный бой. Сообщение по рации о случившемся принял командир разведгруппы старший лейтенант Александр Хамитов. Его группа только что заняла важную высоту, впереди был противник, готовый атаковать. Но Александр не мог оставить в беде своих товарищей. С половиной своей группы офицер пошел на помощь группе Миронова. Скрытно группа Хамитова зашла во фланг противнику и открыла шквальный огонь. Боевики вынуждены были ослабить натиск на окруженных разведчиков. Старший лейтенант Хамитов получил в бою многочисленные ранения в бедро, истекал кровью, но не покинул поле боя и лично уничтожил пулеметный расчет боевиков.

Благодаря смелому маневру разведгруппы старшего лейтенанта Хамитова была спасена большая группа разведчиков. Этой бой закончился без потерь. Если бы не помощь Хамитова, кто знает, сколько цинковых гробов ушло бы в Россию... Александр Хамитов, когда его окровавленным эвакуировали вертолетом в Моздок, думал о чем угодно, только не о том, что через несколько месяцев он будет стоять в Кремле рядом с президентом России, а на его груди засверкает золотая звезда Героя России... В двадцать четыре года...

А в том бою обе группы разведчиков, соединившись, заняли еще одну высоту и с боем удерживали ее до подхода пехоты.

Новый год в Волчьих воротах

Селение Дуба-Юрт раскинулось на входе в Аргунское ущелье. Волчьи ворота - так называется этот стратегически важный пункт. Здесь боевики крупными силами, которыми командовал Хаттаб, готовились дать упорный бой российским войскам, чтобы не пустить их в южные районы Чечни.

Разведчики получили приказ разведкой боем установить силы противника в этом районе. А до Нового года оставалось три дня...

Сначала напоролась на засаду у Дуба-Юрта одна разведгруппа. На помощь ей пришла группа старшего лейтенанта Соловьева. Разведчики потеряли двоих человек ранеными и отошли на исходные позиции. На следущий день, 30-го декабря, в поиск на бронетехнике пошли две разведгруппы. В ходе выдвижения одна БМП подорвалась на мине. Пока обходилось без потерь...

В 23 часа 30-го декабря одна из разведгрупп завязала в Дуба-Юрте бой с превосходящими силами противника. Удалось захватить несколько единиц стрелкового оружия, миномет и

большое количество боеприпасов. Своих убитых чеченцы не оставляли. В три часа ночи в этот район выдвинулось еще две группы разведчиков. К шести часам утра разгорелся бой. На южной окраине Дуба-Юрта группа старшего лейтенанта Владимира Шлыкова попала в окружение. Разведчики, неся потери, все же закрепились в одном из зданий. На помощь окруженным уже спешила группа старшего лейтенанта Миронова, но боевики встретили ее огнем и не дали возможности пробиться к окруженным.

К девяти часам утра 31-го декабря по тревоге были подняты оставшиеся подразделения батальон - связисты, ремонтники, взвод тылового обеспечения... Надо было помочь разведчикам выйти из окружения, спасать живых, вынести раненых и убитых. Эвакуационную группу возглавил заместитель командира батальона по воспитательной работе майор Салех Агаев, настоящий бакинец и настоящий комиссар. Не в первый раз ему приходилось бывать в подобной ситуации. Когда 15 декабря одна из групп разведчиков попала в засаду, майор Агаев с подкреплением выдвинулся в район боя, ударил во фланг и огнем обеспечил отход группы. И вот - похожая ситуация. Под шквальным огнем группа майора Салеха Агаева отразила атаку бандитов и броском пробилась к окруженным в Дуба-Юрте. Майор Агаев вынес двоих раненых, а вся его группа десятерых и одного убитого.

- Обстановка осложнялась тем, что в сплошном тумане нам не могли оказать помощь вертолеты, - вспоминает майор Агаев, - Но позднее к нам на помощь пришли танкисты. Очень тяжело вспоминать этот бой...По нам стреляли даже из мечети. Четверых погибших не смогли сразу найти, их позднее обменяли на убитых командиров бандитов.

За эвакуацию раненых и убитых майор Агаев был награжден орденом Мужества... Через полтора месяца, в феврале, Салех Агаев отличится еще раз, когда с бронегруппой вызволил попавших в засаду разведчиков. А в начале марта он с группой прорвался на высоту, где вели бой разведчики, организовал ее оборону и эвакуировал раненых. Вскоре после этого награжден вторым за кампанию орденом Мужества.

"В немилосердной той войне..."

Из журнала боевых действий батальона и наградных листов на погибших в тот день разведчиков вырисовывается по-армейски скупая на краски картина самого тяжелого боя, в котором погибли 10 и получили ранения 29 разведчиков...

Сержант Владимир Щетинин был убит снайпером, когда вылезал из своей подбитой гранатометчиком боевой машины. В

бою до последней минуты вел огонь из пушки и пулемета БМП, помогая огнем эвакуировать раненых товарищей...

Младший сержант Станислав Куликов погиб от снайперской пули в конце боя, когда группа начала отход. В бою действовал умело и храбро, прикрывая огнем группу, которая эвакуировала раненых.

Рядовой Владимир Серов убит снайпером, когда обеспечивал отход группы. Его товарищи помнят, что он был ранен, попал под перекрестный огонь противника, но продолжал вести бой...

Сержант Александр Захватов убит выстрелом из гранатомета. Вел бой в окружении, был ранен, сумел застрелить снайпера, снова ранен. Товарищи видели, как он отстреливался, пока не исчез в разрыве.

Рядовой Николай Адамов, водитель БМП, убит снайпером. Когда боевая машина попала в засаду и была подбита, Николая тяжело ранило, но он все же обеспечил высадку из машины своих товарищей.

Сержант Виктор Ряховский сгорел в башне БМП. Когда его боевая машина была подбита, он занял место наводчика в башне и вел огонь. В БМП попал еще один выстрел гранатомета, но Виктор продолжал вести огонь, обеспечивая отход своих товарищей. Отстреливался до последней минуты жизни.

Сержант Сергей Яскевич убит прямым попаданием выстрела из гранатомета. Когда его БМП попала в засаду, умело организовал круговую оборону. Сергею оторвало ногу, но он продолжал вести огонь, уничтожил две огневых точки боевиков.

Рядовой Сергей Воронин убит снайпером. Когда группа попала в засаду, он был тяжело ранен, но отстреливался до последнего мгновения.

Рядовой Эльдар Курбаналиев тоже погиб от пули снайпера. Его БМП была подбита, но Эльдар вел огонь, прикрывая своих товарищей.

Сержант Владимир Шаров погиб от прямого попадания выстрела из гранатомета. До последней секунды с пулеметом прикрывал фланг попавшей в засаду группы.

Рядовому Александру Коробке разрывом мины оторвало обе ноги и тяжело ранило в голову. Он промучился до 29 апреля и умер. В бою под Дуба-Юртом, когда разведчики попали в окружение, умело вел бой и уничтожил двух пулеметчиков. На видеопленке Саша, стоявший во время съемки в строю во втором ряду, тоже мелькнул в кадре всего на одну-две секунды. Разведчики во время просмотра пленки несколько раз возвращали эти кадры, где он был еще живым. По отзывам его однополчан, это был очень скромный парень, благодаря ему остались живы

многие его товарищи.

Волчьи ворота защищали отряды Хаттаба и Басаева, в общей сложности около тысячи бандитов. Разведчики установили силы противника, но потом мотострелкам, танкистам и артиллерии пришлось драться здесь целую неделю.

- Перед этой операцией мы готовились к Новому году, - вспоминает майор Агаев, - В Моздоке купили для ребят шампанское и мандарины. Но всем нам было не до праздника... Очень тяжело было на душе после таких потерь.

"Спасибо за детей..."

После Дуба-Юрта были новые бои, ночные поиски, засады. Разведчики батальона первыми вышли на окраину села Комсомольского, за которое шли особенно ожесточенные бои, и, как вспоминает майор Агаев, "тащили за собой пехоту". Список погибших в батальоне пополнился еще на несколько имен. И бандиты поставили еще несколько десятков шестов с зелеными флажками на своих могилах.

84-й отдельный разведывательный батальон, на знамени которого ордена Красной звезды и Боевого Красного знамени - едва ли не единственная часть объединенной группировки российских войск в Чечне, где за одну кампанию награжден весь личный состав, а некоторые по два-три раза. Кроме досрочно ставшего капитаном А. Хамитова, награжденного золотой звездой Героя России, к этому званию представлены старшие лейтенанты А. Соловьев и П. Захаров (посмертно).

Батальон вывели из Чечни, когда он полностью выполнил свой долг. Солдаты срочной службы были демобилизованы. А вскоре майор Салех Агаев получил от мамы Леонида Высоцкого письмо: "...Только благодаря таким прекрасным людям и отличным профессионалам как вы, наши дети смогли выстоять и не сломаться в тяжелых условиях войны. Сын вспоминает о вас с теплотой и благодарностью. Я бесконечно счастлива, что в самое трудное для сына время рядом с ним оказался глубоко порядочный и небезразличный к судьбам людей человек. Огромное спасибо вам за все, что вы сделали для наших детей..."

Если бы еще можно было вернуть матерям погибших сыновей...

19. Батальон милосердия

"Было!"

Через 231-й отдельный медицинский батальон 3-й мотострелковой дивизии 22-й армии за 7,5 месяца второй чеченской кампании прошел каждый пятый раненый российский военнослужащий.

Побывавшие в батальоне начальник тыла Вооруженных сил

России генерал-полковник Исаков и начальник Главного военно-медицинского управления генерал-полковник медицинской службы Чиж отметили, что из медицинских частей объединенной группировки российский войск он сделал больше всех.

Часто этому медицинскому батальону приходилось находиться чуть ли не на боевых позициях, случалось, что за трое суток он перемещался три раза, а всего за время кампании медбат менял место своей дислокации 14 раз. Каждый раз все палатки и медицинское оборудование надо снять, погрузить на машины, свернуть их колонну. Сколько надо побегать, покричать...

-Было! - тяжело выдохнул командир медбата подполковник Михаил Сазонов.

Его отец, гвардии казак, в годы Великой Отечественной с кавалерийским корпусом дошел до Вены, и он, закончив, Горьковский медицинский институт, пошел служить в армию. Четырнадцать лет в Монголии и на Дальнем Востоке работал хирургом первой категории, пятый год командует медицинским батальоном. За вторую чеченскую кампанию награжден двумя орденами.

-Второго октября мы развернули батальон, - вспоминает Михаил Сазонов, И в тот же день приняли первых пятнадцать раненых. Самый большой поток раненых был, когда батальон стоял в селениях Гойты, Старые Атаги, Урус-Мартан, Алхан-Юрт. По 60-80 человек в день. Принимали раненых не только из армии, но и ОМОНов, СОБРов, внутренних войск. Было все: от ангин и гастритов, до ампутаций после минно-взрывных ранений.

За вторую чеченскую кампанию через 231-й отдельный медицинский батальон прошло 5250 больных и раненых, из них раненых - 998 человек. Летальных исходов было пять.

В медбате М. Сазонова мне довелось побывать в ноябре прошлого года, когда он стоял под Керла-Юртом в тридцати километрах от Грозного. Помню, как поразило тогда, что в палатках в чистом поле - стоит первоклассное медицинское оборудование, вплоть до рентгенкабинета и кресла стоматолога, везде идеальный порядок, а в батальоне опытные врачи и медсестры почти всех специальностей.

-В этой кампании медицинское оснащение войск было поставлено гораздо лучше, чем в первой, - сказал подполковник М. Сазонов, - Дефицита лекарств, проблем с кровезаменителями, с плазмой не было. Случалось, срочно потребовалась кровь первой группы. Помню, как солдат Кузнецов стоял в карауле, сдал кровь и опять идет в караул. Медсестра Родионова - сдаст кровь и идет работать. В Урус-Мартане нам срочно была нужна кровь. Рядом стояли разведчики. Позвонили им, ребята прибежали

бегом, чуть ли не босиком: "Берите сколько надо! Я всю роту приведу!". С конца ноября нам было выделено достаточное количество эвакоконвертов, это теплые спальные мешки для раненых. Любого лежачего раненого мы отправляли в тепле. На батальон постоянно работали три вертолета. Мы знали, что практически в любое время за сорок минут можем отправить раненого в госпиталь вертолетом. Благодаря вертолетам было спасено большое количество раненых. Случалось, что обращались напрямую к командующему группировкой "Запад" генералу Шаманову и он сажал нам свой вертолет даже в два часа ночи.

Чужая боль становится своей

В батальоне было сделано несколько сот сложных операций. Казалось бы, разве запомнишь каждого раненого. Он помнит все:

-Спросите любого нашего врача и он вам начнет называть фамилии: лейтенант Барнаев, первый из пятерых, кого мы не смогли вытащить. Он поступил шестого октября. У него жена должна была рожать в декабре. Фетисов поступил пятнадцатого октября, Соловьев, лейтенант из разведбата, четвертого февраля. Ему пришлось ампутировать левую руку. Любой из нас помнит, как мы пытались спасти солдата Рому, которому снайпер попал в сердце... Чужая боль становилась своей. У одной медсестры, так выпало, три случая смерти - при ней. У женщины начался стресс. Стала считать, что она виновата: что-то не доделала. Были случаи, когда раненые находились в состоянии клинической смерти. Когда все жизненно важные функции организма не работают. Нет давления, дыхания, не определяется пульс даже на крупных артериях. Пока везли, он еще был живой, привезли - в клинической смерти, агония. У одного солдата было пулевое ранение в шею. Задет ствол спинного мозга. Мои реаниматологи его три часа вытаскивали из смерти. Ночью, в дождь посадили вертолет и отправили его в Моздок. Пацан выжил. Помню, как привезли майора из внутренних войск, и двоих собровцев. Пришлось делать им ампутации голеней. В Урус-Мартане поступил старший лейтенант с повреждением сосудов предплечья. Надо или руку отнимать, или эвакуировать, а время позднее, вертолета нет. Если бы хирург капитан Потапов не сделал бы парню шунтирование, это полтора часа упорной работы, то пришлось бы ампутировать руку. В Керла-Юрте солдату блок двигателя упал на кисть, она висела на лоскутке кожи. Мои ребята с ним работали часа три, сшили основные артерии вены, восстановили кровоснабжение. Нелетная погода, туман, вертолета не было. Я принял решение везти его за сто шестьдесят километров. Раненый был в одном УАЗике, во втором охрана. В пять часов вечера они ушли, успели проскочить опасные

участки, раненого доставили в Моздок в восемь вечера, оттуда сразу на самолет и в ростовский госпиталь. Через неделю приехал главный хирург округа Сергей Николаевич Татарин: "Ну, мужички, молодцы. Руку вы парню спасли".

Ленивый моется, а трудолюбивый чешется...

Медицина на войне - не только сложные операции по спасению раненых. Надо было не допустить инфекционных заболеваний.

-Вода в первое время, когда мы вошли в Чечню была не очень хорошая, вспоминает М. Сазонов, - Солдаты увидели арбузное поле. Как ни кричи, что там поставили растяжки, все равно пошли за арбузами. Ели их немытыми и за все время у нас, может быть, было всего около ста случаев кишечных заболеваний. Гепатита было не более двадцати случаев. В гражданских учреждениях их бывает больше. Педикулез был. Но как ругать солдата и даже офицера за вшей, если он три недели сидит в окопе, если приходилось умываться снегом? У нас ни одного раненого не ушло на эвакуацию со вшами. Вши заводятся у "трудолюбивых", которые любят чесаться. Есть такая армейская мудрость. С педикулезом боролись на всех уровнях. Прожаривали матрасы, одеяла, обмундирование. Редко были и простудные заболевания. Опыт Великой Отечественной войны подтверждается: в окопах организм мобилизует все защитные механизмы. Разведчики в горах под Дуба-Юртом спали на броне, на земле и - ни ангин, ни воспаленья легких.

Солдаты не могли воевать плохо

-Истерик у раненых не было, - рассказал М. Сазонов, Некоторые даже отказывались от эвакуации. Не было случаев, когда солдаты хотели бы дольше поболеть. Чуть подлечившись, приходит ко мне солдат и просит разрешить ему вернуться в часть: "У меня машина стоит, мне здесь делать нечего, я себя прекрасно чувствую". Помню, как подполковник Устинов, он обеспечивал части группировки водой, заболел пневмонией, мы его должны были лечить, а он за работой забыл о своей болезни. Очень важна для нас была поддержка общественного мнения. Мы знали, что нас поддерживают в тылу. Разве можно забыть посылки, письма... Каждый солдат у нас на Новый год получил целлофановые пакеты с подарками. Богородская кондитерская фабрика нас завалила конфетами, печеньем и пряниками. Получили посылки, а на пачке печенья детской рукой написано: "Дорогому солдатику от девочки Лены". Ну как может солдат после этого плохо воевать! Может быть ее мама всего четыреста рублей получает, а она нам эту пачку печенья и банку сгущенки посылает...

Спутники

В медицинском батальоне треть личного состава - женщины. Они были в равных с мужчинами условиях.

-Старался их заменять. Некоторым давал дней по десять отпуска, рассказывает Михаил Михайлович, - Старшая операционная сестра Людмила Владимировна Островская в декабре получила письмо: мать и брат лежат в больнице, шестилетняя дочка живет у соседей. Я отправил ее домой. Возвращаться ей было необязательно. Месяца не прошло - вернулась. Мама и брат выписались из больницы, дочь пристроила, она приехала и работала с нами до конца.

О своих боевых спутниках подполковник М. Сазонов рассказывает, как о самых близких людях:

-Старшая сестра отделения реанимации Софья Константиновна Родионова. Очень тяжелая работа. Начальник санитарно-сортировочного отделения - майор Виталий Анатольевич Коваль, у него было одно из самых тяжелых отделений. Медсестра Мухина Инна Анатольевна, из госпитального взвода. Изумительная сестра по квалификации и душевному состраданию. Капитан Потапов, майоры Сидоренко, Вяткин, Тищенко, Власов, Майоров, Марина Александровна Сук, Соколова, Крыськова Алена, Светлана Сергеевна Зубова, Седова Ирина Олеговна, Светлана Николаевна - прекрасная операционная сестра, трудяга, каких поискать. Перечислять можно весь батальон. Капитаны Трофимов и Горохова, прапорщик Горбюк... Солдат Женя Малышев, моторист, который семь с половиной месяцев один обеспечивал свет всему батальону. Двадцать четыре часа в сутки он был на ногах. Я его первым к награде представил! Степан Федорович Строев, водитель водовозки, солдат срочной службы. Он за водой ездил за 60-70 километров, без охраны! Награжден медалью Суворова.

В батальоне каждый знал, что коллектив его не бросит, всегда посочувствуют, помогут, выслушают. А представьте себе состояние молодых женщин, врачей и медсестер, когда к концу дня - восьмидесятый раненый, и крови и стонам, кажется, не будет конца...

-Стоп! Выдохни! Почему слезы? Все, все, все... - подойдет и успокоит комбат. И снова - за операционный стол. - "Скальпель. Зажим. Пинцет". Нельзя, чтобы из-за твоей усталости и слез где-нибудь в Самаре или в Сибири матери получали похоронки на своих мальчишек-солдат...

Медикам батальона в Чечнем часто приходилось оказывать помощь и местным жителям. Чеченцы несли к русским врачам своих больных детей.

-Помню, как из Энги-Чу к нам привезли девочку двух с половиной лет, вспоминает еще один эпизод М. Сазонов, - Она выпила дома 12 таблеток теназипана. Девочка была вся синяя, глаза закатываются. Состояние - крайне тяжести. Вен нет, пришлось колоть ее в висок. Через пять-шесть часов реанимации ребенка спасли. Стоит рядом один старый чеченец, только и сказал: "Да-а..." Может быть у тех чеченцев, которые видели, как русские врачи помогают их детям, желание воевать пропало. Приходила гуманитарная помощь мука, детские вещи - отдавали ее местным жителям. Всем батальоном помогали в Алхан-Юрте большой семье, в которой не было ни одного мужчины.

"Люблю вас и горжусь вами"

-В Ростове ко мне вдруг подошел один солдат: "Вы из медбата Сормовской дивизии? Передайте вашим медсестрам, что я живой! Спасибо им!" - вспоминает М. Сазонов.

Ради этих слов благодарности спасенного тобой солдата, наверное, стоит работать сутками.

Есть у командира медбата необычный сувенир с чеченской войны: флаг со словами благодарности. На флаге первая подпись - начальника тыла Вооруженных Сил генерал-полковника Исакова: "Молодцы!", потом подписи еще нескольких генералов. "Преклоняюсь перед вашим мужеством, полковник Генштаба Данильченко". "Вы сделали все, что могли и даже больше, о вас будут помнить сотни спасенных вами людей. Люблю вас и горжусь вами. Начальник штаба группировки".

20. В Аргунском ущелье

...В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны.
(М. Лермонтов, "Валерик")

Волчьи ворота

На перестрелки в Чечне солдаты и мирное население обращают внимания не больше, чем прохожие на перезвон трамваев где-нибудь на Черном пруду. Двое бойцов неподалеку продолжали спокойно пилить бревно. Не прибавили шагу и даже не оглянулись, заслышав пальбу, солдаты с бачками для каши. Продолжали умываться девушки-медсестры. Пожилая чеченка в ауле Дачу-Борзой, когда где-то недалеко в горах начали рваться мины, спокойно читала книгу, сидя на лавочке у своего разрушенного дома. А на горе в "зеленке" нет-нет да и мелькнет оптика снайперской винтовки. Когда стрельба кончается, начинают тоскливо куковать кукушки и жизнерадостно квакать лягушки.

Бросишь гранату, полчаса молчат, - сказал лейтенант, командир взвода.

Пока тихо, идиллия, как в Швейцарии: на живописных склонах зеленых гор пасутся коровы, в небе поют птицы.

- Вон оттуда, из-за реки, снайпер стрелял, - показал комбат на развалины здания, - Щелк, щелк - над головой. Накрыли. Сходили посмотреть, четверых нашли. Одного уже шакалы сожрали, лишь резиновые сапоги остались. В эти леса еще лет тридцать нельзя будет ходить...Волчьи ворота - так называется проход в Аргунское ущелье. Здесь шли особенно ожесточенные бои. Деревья на вершинах гор стоят абсолютно голые: все листья сбиты пулями.

Виталий Чаганов, радиотелеграфист, показал на склонах Волчьих ворот места, где сидели боевики. Блиндажи покрыты тяжелыми бревнами. Таскали их пленные. В оставленных окопах - матрасы и тряпки, засохшие остатки хлеба. Здесь нашли целый склад наркотиков и минометы с арабской вязью на стволах. Местность отсюда просматривается на многие километры. Впереди все время горит нефтяной факел - ориентир на Ханкалу.

Шесть суток шли бои за вход в Волчьи ворота. По данным разведки, их обороняло до тысячи боевиков. Кладбище в ближайшем ауле Чишки, где боевики, стараясь успеть до захода солнца, хоронили своих погибших, заметно увеличилось. На склоне горы российские солдаты в память своих погибших товарищей поставили большой деревянный крест.

У русских ушки на макушке

Сейчас в Аргунском ущелье стоит Шумиловская отдельная бригада оперативного назначения внутренних войск, контролирует дорогу, по которой в Шатой и к грузинской границе идут колонны с грузами для войск.

Как только колонна входит в зону ответственности бригады, командиры дают сигнал тревоги и из палаток выбегают солдаты. Каждый быстро занимает свое место в окопе над дорогой. Пулеметы, автоматы, зенитные установки и минометы готовы немедленно открыть шквальный огонь по горам напротив позиций. Колонна прошла - отбой. Но всегда в готовности вести огонь дежурные расчеты.

Возле аула Зоны пятеро солдат копали траншеи.

- Давно работаете?

- Вторую неделю долбим. Если бы чернозем - на день работы. А то такие "самородки" попадаются - вдвоем не сдвинуть.

Грунт - сплошная щебенка. Приходится сначала отбивать ее киркой.

- А не боитесь, что с этой горы гранату на позиции забросят?

- Не долетит, - ответил солдат. - Она через три секунды взрывается.

Неуютно стоять между гор или ехать на броне по дороге. Не

покидает ощущение, что из "зеленки" за тобой кто-то все время наблюдает. Ночью же на взводных опорных пунктах, раскиданных вдоль горных дорог особенно жутко: мгла - зги не видно. Так и хочется выпустить в темноту длинную очередь.

- Ничего, мы уже привыкли, - говорят солдаты.

Привыкли, что десять дней без хлеба, что с трудом лезет в горло перловка с тушенкой. Если сядут батареи радиостанций и потребуется помощь, вся надежда, что в случае чего соседние заставы услышат шум боя. Зато вода родниковая, говорят солдаты. Случается, что по ночам на растяжках, расставленных вокруг застав для обороны, подрываются кабаны, лисы, а то и боевики.

Если в эти условия посадить солдат любой армии стран НАТО, через неделю их можно будет брать голыми руками...

Саперу нельзя ошибаться

Партизанская война в Чечне - в разгаре. Нападения на колонны случаются почти ежедневно. И каждый день саперы перед прохождением колонны проверяют миноискателями свой участок дороги.

Старший дрессировщик собаки Вячеслав Крючков и двое его товарищей Сергей Снегирев и Алексей Селюнин фугас на обочине дороги нашли ранним утром. В нем оказалось четыре килограмма пластида. Вполне хватило бы, чтобы разнести в клочки тяжелый "Урал" с боеприпасами. Вячеслав рассказал, как он нашел фугас, а потом взял его на руки, как младенца. Солдатам помогают собаки. На счету умницы-овчарка Шерри не один десяток найденных мин и фугасов. Есть в бригаде и собаки специального назначения. Их задача уничтожение огневых точек противника. Огромный пес молча мчится на затаившегося в кустах с пулеметом бандита и рвет ему глотку. В свободное от службы время эти собаки - добрейшие существа.

Десятки объектов разминировали за время второй чеченской кампании саперы Шумиловской бригады. Руководит ими старший инженер бригады майор Андрей Коновалов. Он настоящий мастер своего дела. После окончания военного училища в 1991 году прошел с миноискателем Нагорный Карабах, Северную Осетию, Ингушетию. В перерыве между войнами закончил академию. За прошлую чеченскую кампанию имеет несколько наград. Под Новогрозненским с минного поля вытаскивал попавших туда омоновцев. В нынешнюю кампанию саперы Шумиловской бригады полностью разминировали Шатой. Сейчас здесь около пяти тысячей жителей, а было, когда пришли шумиловцы, всего сто пятьдесят. Бутылка водки здесь стоит 300 рублей, пачка сигарет - 80. Как-то чеченцы предложили брянским омоновцам барана за

бутылку водки, надо было на свадьбу, но те отказались: "И сами выпьем". Водкой в Шатое раньше не торговали. Одного предпринимателя, решившегося на этот бизнес, по приговору шариатского суда незадолго до прихода русских закопали живьем в землю вместе с его детьми.

Список найденных в Шатое саперами Шумиловской бригады взрывоопасных предметов различных конструкций впечатляет: только за последние три месяца уничтожено 42 фугаса, в домах снято 3,5 тысячи мин и растяжек. Саперы нашли в Шатое и окрестностях две базы боевиков и пять схронов. Кстати, в схронах было много продуктов, закупленных боевиками на Украине. Лишь один найденный склад с оружием и боеприпасами, в том числе и с переносными зенитными ракетами "Стрела" дал бы боевикам возможность уничтожить несколько колонн. Склад нашли после упорных поисков, в земле на глубине более метра.

Каждый выход саперов на задание может закончиться бедой. Бандиты прошли хорошую подготовку и мины ставят с сюрпризами. К каждой мине нужен индивидуальный подход, сказал майор Коновалов. В сложных ситуациях за разминирование он берется сам. Если мину нельзя обезвредить - взрывают на месте.

- На нервы не жалуюсь, но напряжение бывает, - говорит он. - Надо всегда просчитывать ситуацию.

Майор Коновалов воевал и не увидел, как начал ходить его сын, не уверен, что услышит его первые слова - бригада воюет и он должен быть вместе со своими товарищами...

"Аллах акбар!" - "Воистину акбар!"

Самый жаркий бой за последнее время бригада приняла 25 апреля. Внизу, у бурного Аргуна, проходила в Шатой растянувшаяся на пять километров колонна центроподвоза, которую сопровождала рота 245-го гвардейского мотострелкового полка. Шумиловцы на своем участке в районе аулов Дачи-Борзой и Ярышмарды должны были обеспечивать безопасность прохождения колонны.

- Если нас "чехи" просто убивают, - сказал один из офицеров бригады, то солдат двести сорок пятого полка они убивают с удовольствием.

Как обычно, саперы провели инженерную разведку дорогу, фугасов не обнаружили. Над дорогой пролетели вертолеты обеспечения. А в это время в "зеленке" на склонах гор уже сидели в ожидании колонны наемники из отряда Хаттаба. Всего, как потом определили, не менее 50-70 человек, с гранатометами и автоматическим оружием.

Едва лишь выбрался обоз

В поляну, дело началось...

Они открыли огонь ровно в 9.40. В том же самом месте на подходах к аулу Ярышмарды, где 16 апреля 1996 года в засаду попала колонна 245-го полка. Тогда полк понес здесь большие потери. В ущелье до сих пор ржавеют две "бэхи" этого полка. Хаттаб надеялся повторить успех, он был уверен, что условия местности и внезапность позволят ему уничтожить здесь колонну полностью, а русские командиры вновь "наступят на те же грабли", то есть не сумеют ей вовремя помочь.

Колонна под кинжальным огнем остановилась. Опять как у Лермонтова : "И градом пуль с вершин дерев отряд осыпан..." Водители и охрана выскочили из машин, но бежать было некуда: слева - почти отвесные горы, справа ущелье, в котором мчится быстрый и мутный Аргун, а за ним - море огня со склонов гор. Счет шел на секунды. Загорелась БМП, в колонне были убиты четверо солдат, несколько человек получили ранения, остальные укрылись за броней, ожидая каждый миг получить выстрел из гранатомета. "Аллах акбар!", подбадривая себя, кричали наемники, "Воистину акбар!" тихо отвечали русские, меняя магазины автоматов.

- Дежурный расчет батареи открыл огонь через двадцать секунд, как услышал стрельбу на дороге, - рассказал командир минометчиков старший лейтенант Андрей Воронков, - А через сорок секунд огонь вели все шесть минометов батареи.

Комбат показал на худенького солдатика. Он под пулями боевиков бегом притащил на батарею два ящика мин общим весом сто двадцать килограммов.

Двести тридцать пудовых мин (кстати, 1957 года выпуска) с разлетом осколков в двести метров каждой батарея выпустила по боевикам за несколько минут. Это было море огня. От выстрелов станины минометов ушли в грунт на 70 сантиметров. Иные из них потом приходилось выдергивать из земли "Уралами". Боевики вынуждены были резко снизить интенсивность стрельбы.

Одновременно по склонам горы открыла огонь зенитная установка, за которой находился капитан Александр Иволгин.

- Стреляли две группы боевиков общей численностью пятьдесят-шестьдесят, - рассказал рядовой Иван Елькин, радиотелефонист батареи зенитных установок, - Капитан Иволгин израсходовал один боекомплект, это пятьсот патронов, мы начали заряжать второй. Пули свистели, но страха в эти минуты не чувствовали. Командир взвода старший лейтенант Бердников корректировал огонь. Только зарядили второй боекомплект, "чехи" начали стрелять по нам из 30-миллиметрового орудия, снятого с БМП. Первые два выстрела попали в землю перед нами,

а осколки третьего - в машину с зенитной установкой.

Никто из расчета установки, хотя она была под шквальным огнем боевиков, не ушел из боя до конца. Эти обыкновенные на вид мальчишки, их ровесники резвятся на дискотеках, еще не осознают, что спасли Россию от потока гробов. Иван Елькин показал на машине с зенитной установкой пробоины от осколков. Наверное, его мама хорошо молится Богу... Девчонки к такому прекрасному парню должны становится в очередь.

Одним из осколков был тяжело ранен авианаводчик майор Михаил Некрасов. В самом начале боя он вызвал вертолеты огневой поддержки и указал им координаты. Вертолеты прилетели из Ханкалы через 15-20 минут и благодаря данным майора Некрасова открыли по позициям боевиков точный и мощный огонь.

Начальник штаба бригады полковник Владимир Массан, находившийся на командном пункте бригады, с началом обстрела немедленно отправил в район боя резерв во главе с майором Дмитрием Петровым. Его группа должна была с северной окраины Ярышмарды подавить огневые точки противника и дать возможность колонне выйти из обстрела. За считанные минуты группа майора Петрова прибыла на место боя и, действуя смело и решительно, сумела овладеть инициативой боя. Особенно отличился здесь десант бронетранспортера во главе со старшим сержантом Станиславом Генераловым. Пятеро шумиловцев точным огнем заставили боевиков уйти в глубь леса. Преследуя противника, группа майора Петрова вышла на позиции боевиков.

Одновременно с позиций у аула Ярышмарды вели огонь по бандитам бойцы взвода лейтенанта Ильи Мальцева.

- Мы израсходовали, как подсчитали после боя, около девяти тысяч патронов, - рассказал он, - Все солдаты действовали отлично.

В эти же минуты, едва заслышал шум боя, командир бригады генерал-майор Юрий Горячкин, находившийся на дороге в голове колонны, когда она входила в Ярышмарды, организовал отпор противнику с левого фланга. Зенитная установка и здесь не дала возможности бандитам вести по колонне прицельный огонь.

Около пятидесяти минут шел этот бой. В сложной тактической обстановке совместными усилиями автоматчиков, зенитчиков, минометчиков бригады и вертолетчиков нападение банды Хаттаба было отбито. Колонну удалось сохранить, она понесла минимальные потери.

Не обошлось без потерь и в Шумиловской бригаде. Умер от ран майор Некрасов и погиб, в самом конце боя, старшина Татьянин из разведроты. Майор Некрасов посмертно представлен

к званию Героя России, старшина Татьянин - к ордену Мужества.

Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал...

Как и во времена Ермолова и Лермонтова, в этих же местах вновь умирают русские солдаты и офицеры...

Еще шел утренний бой 25-го апреля, а радисты бригады слушали репортаж Удугова, что в Аргунском ущелье разгромлена колонна российских войск, уничтожено восемь автомашин с грузами, убито более пятидесяти человек.

- А много горцы потеряли?

- Как знать? - зачем вы не считали!

- "Да! Будет, - кто-то тут сказал,
Им в память этот день кровавый!"

После боя на дороге у Ярышмарды шумиловцы также не считали потери противника. Подниматься на крутые склоны гор и искать там погибших, зная, что боевики выносят убитых, не было особого резона. Наверное, от банды мало что осталось, учитывая ужасающую плотность огня. Вечером в этом районе была замечена группа чеченских разведчиков, ее обстреляли и заставили уйти. На следующий день разведгруппа шумиловцев, ходившая в эти горы, нашла там много следов крови.

Но вечером этого же дня и наутро следующего другие группы банды Хаттаба пытались еще раз перехватить колонну. Эти попытки были также успешно и без потерь отбиты.

Что снится командиру бригады
Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьям,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал...

Командир Шумиловской бригады генерал-майор Юрий Горячкин - коренной сибиряк. Прошел все ступеньки от командира взвода. Закончил академию. С бригадой с августа прошлого года прошел от Кизляра до Шелковской. Потом были Ножай-Юртовский и Казбековский район, через горы провел бригаду в Ведено. Затем - Шали и, наконец, Шатой. Здесь бригада в ходе операций ликвидировала десять баз боевиков, захватила огромное количество оружия и боеприпасов.

-Сегодня обстановка здесь довольно напряженная, - под шум вертолетов, то и дело пролетающих по ущелью, сказал генерал, - И по ночам стреляют, и днем. Тактика противника: нанести удар и отойти. А утром 25 апреля мы как чувствовали, что день будет

тяжелым. Я с головой колонны прошел Ярышмарды и начался массированный обстрел. Мы с флангов открыли сильный огонь из зенитных установок и не дали боевикам вести прицельный огонь. Сразу начала работать артиллерия бригады, вертолеты помогли. Солдаты из колонны тоже вели огонь. Потом вывели колонну из зоны обстрела. Довели ее до Шатоя, взяли там другую колонну, довели ее до Дуба-Юрта, все нормально. Вернулся за второй колонной и как только она вошла в Зоны, разгорелся второй бой, минут на сорок. Потери - двое раненых. Утром, в 10.30, был еще один бой. Без потерь.

Еще шел утренний бой 25-го апреля, а радисты бригады слушали репортаж Удугова , что в Аргунском ущелье разгромлена колонна российских войск, уничтожено восемь автомашин с грузами, убито более пятидесяти человек.

-Все эти три боя тщательно проанализировал, - рассказал генерал Горячкин, - Вспомнил, как гранаты рядом рвались, пули свистели, как я бегал вдоль колонны, как таскал солдата за ворот, заставлял его сесть в БМП и стрелять. Тысячу раз мог погибнуть.

Генерал Юрий Горячкин убежден, что силой проблему Чечни не решить.

-Столько войск держать на территории республики нельзя, - сказал он. Но внутренние войска надо усиливать. Артиллерией и авиацией. Подавляющее большинство боевиков - чеченцы. Есть наемники - арабы, украинцы, прибалты, даже поляки. Тем, кто замарал себя кровью, нет пути назад. Мирные чеченцы боятся мести бандитов и поэтому их не выдают. Когда мирные жители будут оказывать помощь властям, жизнь будет налаживаться быстрее. Надо быстрее обезглавить верхушку боевиков. Люди очень боятся полевых командиров. Многие боевики хотят уйти из банд, но боятся мести. Наемники пытаются покинуть Чечню, но это трудно.

Генерал Горячкин убежден, что больше половины потерь у нас - из-за собственной халатности и недисциплинированности. За время кампании в Чечне Шумиловская бригада потеряла пять человек погибшими.

- Если есть твердое управление командирами, то потерь мало. Когда твердое управление - и солдат хороший, - так считает генерал.

Что снится командиру бригады?

- В декабре снилось: еду на БМП по краю пропасти, начинаю падать. Просыпаюсь и уже заснуть не могу. Сейчас снится идущая колонна, начинается бой просыпаюсь - и опять не спится.

Боевые подруги

Женщин в бригаде - процентов семь личного состава.

Санинструкторы, писари, делопроизводители различных служб. Есть такие, кто уже по восемь раз бывал в командировках. Есть матери-одиночки, у одной - четверо детей. А что делать? Детей поднимать надо, а в больнице медсестра получает всего триста рублей. На вопрос, кем она раньше работала, одна девушка простодушно сказала: " В морозильнике, трупы по полкам раскладывала".

О чем они говорят, женщины на войне? О вшах. В трех командировках одна нашла трех вшей, а в четвертой - сразу четырех. О том, будут ли и дальше платить в Чечне "боевые". Говорят об оставшихся дома детях, мечтают после войны съездить отдохнуть на море. Не забывают, что с каждой из них здесь может случиться беда.

- И в плен страшно, и себя убить - тоже страшно... Хорошо еще, если заставят овец в горах пасти, а если попадешь в банду одна на полсотни мужиков...

Забавно слушать, как женщины рассказывают о боевых эпизодах. Без крутой мужской лексики рассказ не обходится. В критических ситуациях все они ведут себя по разному. Рассказывали, что когда боевики обстреляли вертолет с женщинами, у одной начался нервоз, у другой - случился нервный срыв, а девчонки, пережившие ад в Грозном в августе 96-го, про эту стрельбу к вечеру и забыли.

- Женщины показывают себя очень хорошо, - сказал генерал Ю. Горячкин, Да и раненому солдату легче, когда его лечит красивая девчушка. Никаких скидок на женский пол не делаю. Но то, что ты женщина, я об этом помню.

Врач-ординатор медицинской роты бригады Ольга Демидюк, награжденная орденом Мужества за первую чеченскую кампанию, рассказала, что сейчас в Чечне солдаты очень редко обращаются к врачам за помощью. Ребята адаптировались к местному климату, закалились, да и не хотят болеть просто по материальным соображениям. Отправят домой - не получишь "боевых". Командир медроты майор Виктор Багрий сказал, что за первые два месяца кампании через роту прошло почти 700 человек раненых и больных, но в основном из других частей внутренних войск. Сейчас раненых нет. Стоматологу же хватает работы, в этот день он, зарядив автомат, уехал на дальнюю заставу лечить солдатам зубы. Но не прикладом автомата, конечно. Лекарств в бригаде достаточно. Успевают врачи лечить и местное население. Хотя в окрестных аулах есть и свои врачи, и лекарства. Русские лечат бесплатно.

Магомед не будет воевать

В полностью разрушенном горном ауле Зоны Шатойского

района осталось всего две семьи. У разрушенного дома сидел молодой бородатый мужчина. В разговор вступил охотно. Звать его Магомед, закончил 11 классов, 26 лет, служил до 1992 года в российской армии. Профессии нет. Никогда нигде не работал, если не считать домашнего хозяйства. В его тейпе - семьсот человек. Двое его братьев живут в России.

- До первой войны в селе было сто двадцать дворов, - рассказал Магомед, - Населения было больше тысячи человек. Был магазин, школа с компьютерами. Люди работали в колхозе, был лесхоз, карьер. Было, где заработать. После первой войны половина людей разбежалась.

Дом Магомеда был разрушен еще в первую войну. Власти выделили на восстановление дома три тысячи кирпичей, но их не хватило. Хотя по бумагам дали девять тысяч кирпичей. Кое-как все же отстроился. И опять в дом попал снаряд.

- В Шатойской район ваххабитов не пускали, - говорит Магомед, - Когда начались обстрелы, в селе из тех, кто оставался, погибли четыре человека. В первую - человек пятнадцать погибли. Один раз танк на автобус с людьми наехал. Другой раз бомба в дом попала, вытаскивали погибших из развалин. Мечеть разрушили в первую войну. С трудом собрали деньги, восстановили опять разбили. Когда сюда пришли ваххабиты, нас оставалось всего восемнадцать человек. Хаттаба я два раз видел, с ним было человек триста. Больше половины - арабы, дагестанцы. Видел у него несколько русских.

- Не пытались ваххабиты тебя с собой увести?

- Пускай бы попробовали. Такие дела у нас не проходят. Самое крайнее, что они могли со мной сделать - убить. В любом случае потом наш род не оставил бы этот позор на себе.

В разгар второй войны Магомед ушел к родственникам в Атаги. В одном доме жили человек по пятьдесят. Он не отрицает, что в республике было и воровство заложников, и грабежи - "полный беспредел". Но в Зонах, да и во всем Шатойском районе, говорит, людей не воровали, муфтий это строго запретил.

- Лично я, да и многие, Масхадова не выбирал, - рассказал Магомед, Вообще на выборы не ходил. Люди, выбирая его, думали, что он все же с образованием, полковник российской армии. Какая может быть независимость Чечни... Чтобы быть независимым, надо иметь свой бюджет, экономику. Пособия и пенсии из Москвы получаем, зарплату тоже. Люди поработают, доходит дело за зарплаты, а им говорят: "Из Москвы не привезли".

Начался дождь и он ушел в свой дом с кое-как отремонтированной крышей.

Ибрагим хочет мира

Шумиловская бригада не только воюет. Постепенно налаживаются контакты с местным населением.

- В основном люди просят оказать им медицинскую помощь, - рассказал генерал Ю. Горячкин, - Было несколько случаев, когда люди подрывались. Просят помочь ремонтировать дороги. Посильную помощь мы оказываем. Если мы будем отворачиваться от беды, это будет не по-человечески. Здесь много таких, кому война не нужна, кто хочет просто мирно трудиться. И таких больше, чем боевиков.

На улицах селения Дачу-Борзой, на свою беду оказавшегося у входа в Волчьи ворота, постепенно возрождается мирная жизнь. Женщины копаются в огородах, мужчины коротают время, сидя на лавочках у своих разбитых домов. Много детей, некоторые таскают какие-то мешки. Все с любопытством провожают глазами колонны автомашин по дороге.

У главы администрации села горе - недавно от ракеты погибли отец, жена, брат и четверо, поэтому встретиться удалось лишь с его заместителем, Ибрагимом Далдоевым.

В селе до войны проживало 420 семей. Многие еще не вернулись из беженцев. Во время боев здесь оставалось около 150 человек. Всего в селе за вторую войну погибло двадцать человек. В первую войну погибших было меньше. Село разрушено процентов на семьдесят. Школа разбита. Электричества в селе нет. Кое-как подлатали крыши и стены, но внутри домов многое разрушено. Скотины в селе погибло тоже процентов семьдесят. Работы в селе нет давно. Если кто и работал, давно не получал зарплаты. Колхозную землю люди разделили и обрабатывают, кто как сможет.

- Для нормализации жизни нужна работа, - вздохнул Ибрагим Далдоев, Чтобы люди могли заработать себе на кусок хлеба. А единственные работы здесь - восстановительные. Сейчас ремонтируем своими руками газопровод, но нужна солярка. Единственная помощь, которую получает село - от командира бригады. Гуманитарной помощи, по пять килограммов муки на человека, по сто граммов подсолнечного масла на семью и по двести граммов сахара, хватило на неделю. Пенсии старикам дали за три месяца, пособия детям - за месяц. В селе около трехсот детей, но не учатся они с 1993 года, потому что зарплаты учителям не давали. Ни учебников, ни тетрадей нет. Оставшиеся учителя месяц назад начали вести занятия на квартирах. Но все равно почти все дети до 18 лет неграмотные. Семнадцатилетним недавно выдали паспорта, у тех, кто старше, документов нет. В селе давно не было свадеб. Молодые люди просто сходятся и живут. Давно никто не требует калыма за невесту.

В Дачу-Борзое живут трое участников Великой Отечественной войны. День Победы в селе они никак не отмечали.

- Никаких боевиков в селе не было, - уверяет Ибрагим Далдоев. - Мы их даже не пускали в село. Предупреждали российское командование, что у нас в селе нет ваххабитов, но нас все равно обстреливали. И сейчас бывает, что людей без документов задерживают и куда-то увозят. Поехал человек в Грозный, сестре крышу латать, его огнеметом спалили. Другой поехал помогать родным и пропал без вести. На запросы власти не реагируют.

- Как по-вашему, стоит ли России вести переговоры с Масхадовым?

- Я Масхадова президентом не считаю. Народ за ним не стоит. Президент, как отец, должен беречь свой народ, жить в ладах с соседями. Это не правитель. Мне нет разницы, какой статус будет у Чечни, лишь бы у людей была работа и нормальная жизнь. Порядок надо начинать наводить с Москвы, а не отсюда. Война народу надоела. Надо жить, детей растить, радоваться жизни, такой природе...

По мнению генерала Юрия Горячкина, Ибрагим Далдоев несколько сгустил краски, рассказывая о положении в селе. В Дачу-Борзой под видом мирных жителей возвращаются боевики. Никто их, конечно, не выдает, боятся. Каждый здесь - с восточной хитринкой и без выгоды для себя ничего не сделает.

Чеченец посмотрел лукаво

И головою покачал.

Лермонтов!

- Когда мы сюда пришли, старейшины села пригласили меня на сход, рассказал генерал Юрий Горячкин, - Обсуждали, как будем жить, будем ли мы стрелять. За это время с нашей стороны ни одна пуля в село не залетела.

Но до мирной жизни в Чечне еще очень далеко... Хотя, если смотреть с вертолета, в домах многих сел Чечни горит свет. В Аргуне свет во всех многоэтажках. А в Ханкале, едва здесь сел наш вертолет, начали палить куда-то самоходные артиллерийские установки.

Россия. Первые впечатления

- Надо же: все стекла целые! - удивился лейтенант Шумиловской бригады, вернувшийся из долгой командировки в Чечню, когда посмотрел на окна домов в первом же российском городе, где мы делали пересадку.

- Смотрите, на маршрутном такси номер, как у моей "бэхи"! - удивился второй.

Газон, по которому давно ходят люди, машинально обошли

стороной "Вдруг растяжка..."

... За неделю этой командировки в Чечне погибло 22 российских военнослужащих, ранения получили 75 человек. Война продолжается. По дороге в Аргунском ущелье сейчас идет на Шатой очередная колонна машин. И, может быть, в горах ее опять ждут...

21. В НОВОГОДНЕЙ ЧЕЧНЕ

стреляют, взрывают, пляшут и поют

Звезду прапорщику Бобкову!

Лес радиоантенн над потемневшими от дождей и утопающими в липкой грязи армейскими палатками - так выглядит штаб объединенной группировки российских войск в Чечне. Этот окруженный рвами и траншеями палаточный городок неподалеку от Ханкалы должен был взлететь на воздух в новогоднюю ночь вместе с брызгами шампанского. И взлетел бы. Если бы не прапорщик Бобков. Именно он обнаружил 120-метровый подземный ход, отрытый бандитами к лагерю от окраины Грозного. Подкоп был взорван нашими саперами.

Прапорщика Сергея Бобкова по кличке "Старый" знает вся Чечня. Семечек столько не нащелкать, сколько он за две чеченских кампании обезвредил мин и взрывоопасных предметов: 40 тысяч. Пять раз подрывался. Показал иссеченный осколками контейнер, рядом с которым обезвреживал мину. В "Старом" тоже сидят несколько мелких осколков. Разобраться с ними обещал после войны.

Бобков награжден тремя орденами Мужества и множеством медалей. Несколько раз его представляли к званию Героя России, но из опасения, что и пред очи президента страны во время награждения предстанет, благоухая "ароматом", бумаги отзывали. Прапорщик, ничуть не обижаясь, приняв с утра 100-150 граммов "для анестезии", как он говорит, продолжает снимать на дорогах мину за миной и не дать ему Героя стало просто нельзя. На 300-летие инженерных войск, 21 января, "Старый" приглашен в Кремль, чтобы получить из рук президента Владимира Путина звезду Героя России.

- Солнышко, заводи, - приказал прапорщик Бобков своему водителю-срочнику, и заляпанный грязью "бэтр" помчался по разбитой колее.

Взорванный бетонный виадук на окраине Грозного - особая гордость Бобкова. По этой дороге во время штурма города драпали на джипах отступающие бандиты. Его группа не дала им дорогой уйти в горы, заставила бежать по минным полям.

- Килограммов двадцать пластида потребовалось, - рассказал "Старый", кивнув на развалины виадука, - А на этом поле перед

Грозным седьмого августа девяносто шестого я насчитал шестьдесят наших сгоревших БМП...

Подполковник Александр Ткачук, начальник инженерной службы 42-й гвардейской дивизии, рассказал, что каждый день на дорогах в ее зоне ответственности саперы обезвреживают 2-3 мины.

Когда все это кончится... Диверсионная война кажется бесконечной.

- Для нормализации обстановки в Чечне нужно наше присутствие и время, сказал командующий Объединенной группировкой войск на Северном Кавказе генерал-лейтенант Валерий Баранов.

Вновь сформированная 42-я дивизия с каждым днем набирает сил, ее солдаты и офицеры постепенно обживаются на чеченской земле.

Гирлянды на погонах

У станции Ханкала нам навстречу попалось несколько солдат, увешанных яркими елочными гирляндами, как пулеметными лентами. Рынок - единственное место в Ханкале, где теплится жизнь. Пожилая чеченка пытается продать солдатам-контрактникам золотые цепочки и серьги, которые не блестят даже на солнце. Ювелирные украшения лежат на столике, а рядом груды ржавого металлолома...

Молодая чеченка с французским именем Луиза торгует в развалинах собственного дома, стоявшего у станции.

- Товар я беру в Аргуне, - рассказала она о специфике торговли в Чечне, - Туда его привозят другие люди из Хасавюрта. На каждом блокпосту за провоз приходится платить. Одна поездка обходится в шестьсот рублей. Бывает, что товар лежит, а денег нет и есть нечего.

У Луизы шестеро детей, до войны она работала на хлебокомбинате, который давно в развалинах. Муж - водитель, тоже без работы: гараж разбит снарядом, а машина неисправна.

Сопровождавшие нас офицеры-саперы купили на рынке чахлую елочку за 250 рублей и гирлянды. До Нового года оставалось двое суток...

Дед Мороз приехал к сыну

В Ханкале на взлетной полосе среди прилетевших на замену солдат в камуфляжных куртках выделялся один человек: в зимнем пальто и с бородой.

- Еду из Новосибирска к сыну на Новый год, он служит в Урус-Мартане, рассказал 65-летний Николай Иванович Стадниченко. - Вот и бороду специально отрастил: я массовик-затейник по профессии.

Потом мы узнали, что этот Дед Мороз благополучно добрался до сына и тот долго не мог прийти в себя от неожиданной встречи.

А вот Снегурочки мы в Чечне не встретили. Да и трудно представить здесь девушку в голубой шубке, по колено стоящую в грязи.

Солдат и конфетке рад

Три тонны подарков от нижегородцев привезли в гвардейские 245-й мотострелковый и 99-й самоходно-артиллерийский полки директор департамента по делам военнослужащих городской администрации генерал-лейтенант Лев Павлов и член военного совета 22-й армии полковник Анатолий Киреев. Конфеты, пряники, "мыльно-рыльные" принадлежности. Особо ценный груз - медицинское оборудование, на 10 тысяч долларов. Его предоставил Василий Новиков, председатель Нижегородского отделения общероссийского фонда социальной поддержки военнослужащих.

За колоннами с гуманитарным грузом для солдат бандиты на дорогах Чечни охотятся специально. Если бы не бдительность саперов и охраны колонны, подарки от нижегородцев взлететь на воздух могли бы два раза. Фугасы обнаружили вовремя.

Был и еще один неприятный случай. В Моздоке коробки с подарками, пока не пришли машины из полка, на ночь перегрузили в склад мотострелкового полка имени Кубанского казачества. Полковник поблагодарил взвод молодых солдат за быструю выгрузку и вдруг сказал: "А теперь покажите, что вы украли". Солдаты по команде расстегнули ремни и на землю посыпались пачки сигарет, конфеты, пряники, зубные щетки. Несколько человек ухитрились украсть из коробок фотоаппараты и радиоприемники. Рекорд поставил солдат, стоявший в строю, как баба на последнем месяце беременности: 24 банки тушенки. На вопрос, откуда он родом, парень, ответил: "Земляк Ельцина".

Как это ни горько признать, но часть гуманитарной помощи при перегрузке разворовывается солдатами тыловых частей. Дети криминальной России...

Подарки солдатам нижегородских полков были вручены перед строем на поле неподалеку от Урус-Мартана. Лучшие подразделения получили и по ящику шампанского.

Залпы в третье тысячелетие

Разведчики украсили елочку противогазами и солдатскими фляжками и внешне в 245-м полку больше ничего не напоминало о приближении Нового года. Такие же туманные горы вдали, буксующие в непролазной грязи грузовики, в сгущающейся мгле - силуэты часовых у палаток.

Руководитель группы моральной поддержки член Военного совета 22-й армии полковник Анатолий Киреев и исполняющий обязанности командира 245-го полка подполковник Сергей Рыжков в палатке с по-фронтовому накрытым столом поздравили своих боевых товарищей, а когда за одну-две минуты до Нового года началась беспорядочная стрельба, все вышли на улицу. Черное небо было расцвечено осветительными ракетами и трассами пулеметных очередей. А ровно в полночь над горами пятью зелеными точками из осветительных мин завис знак полка, буква W.

В нижегородских полках встреча Нового года обошлась без ЧП. Но в целом по объединенной группировке войск в Чечне от неосторожного обращения с оружием в новогоднюю ночь погибли семь военнослужащих. Еще пятеро - в столкновениях с боевиками. Сообщений по центральному телевидению об этом не было. Наверное, важнее была информация, что в Москве в Новый год от петард получили травмы 23 человека.

А в 12.30 первого января первые залпы третьего тысячелетия выпустил 99-й гвардейский самоходно-артиллерийский полк. Стрельба велась "Градами" и САУ по заранее разведанным целям в горах, на расстояние около 15 километров. День выдался по-весеннему теплый, неподалеку играла музыка готовящихся к концерту артистов, приехавших к артиллеристам, а в небо с тяжелым гулом летели снаряды.

- Опять покойников с гор повезут, - сказали солдаты с наблюдательного пункта, - Они их в Урус-Мартане хоронят.

В стереотрубу хорошо было видно кладбище. Не меньше сотни шестов с зелеными повязками. Это означает, что здесь похоронены боевики, за которых предстоит отомстить.

- Стреляем сейчас редко, - рассказали солдаты, - В июне за один день, был случай, выпустили восемьсот снарядов.

Пехота ругалась, что по местности, обстрелянной "Градами", потом невозможно проехать даже на БМП.

Разведчики 245-го полка показали, как они определяют цели. С помощью передвижной станции наземной разведки (ПНСР) можно засечь любой движущийся объект на расстоянии до 15 километров. И цель появилась: автомашина на дороге между селами Танги и Рошни-Чу. Приборы мгновенно определили до нее расстояние: 4988 метров. Через наушники разведчик определил, что двигалась легковая автомашина. И такая электроника может на многие километры постоянно прощупывать всю местность в зоне ответственности полка.

- Под Комсомольским я так определил прорвавшуюся оттуда группу бандитов, - рассказал разведчик, - Артиллеристы дали

залп. Нашли фрагменты двадцати трех трупов.

С такой техникой, умелыми и храбрыми солдатами, и говорить, что "нет военного решения проблемы Чечни...". Как будто нынешняя Чечня, где бегают бандиты, вооруженные лишь легким стрелковым оружием, больше и сильнее гитлеровской Германии. Германию победили, наконец извели бандеровцев, "лесных братьев", а с Чечней справиться не можем. Стыдно...

"Контрабасы"

В 245-м гвардейском мотострелковом полку солдат срочной службы всего 40 человек. Остальные - контрактники, или "контрабасы". Мужики - со всей России. А вот из Москвы нет ни одного.

Мужчинам, привыкшим к утреннему кофе и ежедневной ванне, в Чечне делать нечего. Здесь выдерживают только неприхотливые в быту и непривычные к разносолам. "Мы их руки мыть научили!" - рассказал о своих подопечных санинструктор батальона. Вода - проблема. За ней надо далеко ездить, а потом экономить. Ежедневная поездка в горы за дровами превращается в боевую операцию. Надо готовить бронегруппу, занимать близлежащие высоты. Обязательна инженерная разведка маршрута движения. Деревья пилят обыкновенными двуручными пилами под охраной БМП и солдат с автоматами. Случается, что вместе с дровами привозят и раненых.

- Дома я фермер, - рассказал снайпер Александр из Ярославской области, - Землицы государство мне выделило, а на трактор и коров банк дает ссуду под такой процент, что легче застрелиться, чем ее выплатить.

Вот и поехал мужик на войну, винтовкой зарабатывать деньги на покупку корову. За первые полгода заработал орден Мужества, медали "За отвагу" и "За воинскую доблесть".

- А мне надо двадцать тысяч на новый тракторный двигатель, - рассказал другой ярославец.

- У меня своя автомастерская, - рассказал контрактник из Липецка, Арендную плату власти подняли втрое, а прибыли нет. И дело бросать жалко. Вот и поехал сюда. Ну не воровать же идти, стыдно!

Немало таких, для кого война стала профессией. Многие прошли Афганистан, Приднестровье, первую чеченскую кампанию. Деньги для них - дело второстепенное. Спустить за отпуск в кабаках 50-60 тысяч - "Ну и хрен с ними!". Кончились заработанные потом и кровью "боевые" - новый контракт на полгода.

- Домой приедешь - сюда тянет, - с недоумением сказал разведчик Виталий из Брянска.

И снова поднимающая адреналин в крови атмосфера войны, риск, настоящее мужское братство.

Стреляет ...песня

Для начальников Нижегородского и Новосмолинского гарнизонных домов офицеров подполковников Анатолия Лашманова и Сергея Ткаленко эта поездка в Чечню с концертами была не первая. Вместе с ними побывали там раньше лауреат международного конкурса артистов эстрады Сергей Шевченко и певец майор Александр Поляшов, победители всероссийского конкурса солдатской песни "Виктория" Ирина Литвинская и Татьяна Щелкова.

- Здесь я по-настоящему почувствовал значение слов Суворова: "Музыка удваивает, утраивает армию", - сказал Анатолий Лашманов.

Сначала, пока артисты устанавливали аппаратуру на импровизированной сцене - грузовик с откинутым бортом - солдаты стояли уставшие, равнодушные, почерневшие от дыма солярки и холода. Но с каждым аккордом светлели лица и теплели глаза. У тех, кто видел смерть боевых друзей, песни "Комбат" и "Офицеры" вызывают особые чувства. Надо было видеть лица солдат, когда им со сцены пел под гитару свои песни о чеченской войне начальник штаба 245-го полка подполковник Олег Шатохин... А когда в сторону Урус-Мартана понеслись первые аккорды армейского хита "Крошка моя", ноги зрителей сами шли в пляс. Автомат - другу, бушлат - в сторону и - ну месить грязь сапогами! Пляшущий от восторга батальон - это незабываемая картина. Здоровые мужики, причем абсолютно трезвые, радовались и веселились, как дети. Их жены глазам бы своим не поверили... Когда юная Светлана Шевченко танцевала "Цыганочку" и "Казачок", стоял такой восторженный свист, что, наверное, звенели уцелевшие стекла в Урус-Мартане.

- Полгода не слышал музыки и песен, одни выстрелы, команды и мат, а тут - такая женщина! - сказал один из солдат.

Концерт кончался и зрители расходились по своим сырым окопам, в ночь и туман. Может быть, под пули. Но после концертов это были уже другие солдаты: песня придала им сил.

Шесть концертов дала фронтовая бригада артистов в нижегородских полках. Они пели, подчас с температурой, простуженные, но силы им придавали благодарные глаза солдат.

"Неправда, друг не умирает..."

После первой поездки в 245-й полк в середине ноября 1999-го, когда он стоял на Сунженском хребте, здесь появилось много знакомых. Прошло больше года, полк за это время штурмовал Грозный, где были большие потери, немало поколесил по

чеченским дорогам. Доведется ли встретить знакомые лица...

О встрече с Юрием из Иванова, сменившим перо журналиста на автомат, даже не мечтал: дома не знали, где он сейчас, остался ли в живых... Помню, как тогда, в ноябре 99-го, на Сунженском хребте, Юра, закинув автомат за спину, уходил в свой взвод. И вот - новая встреча. Сколько же довелось ему испытать за эти четырнадцать месяцев после первой нашей встречи...

- Сначала стояли перед Долинским, это километров двенадцать от Грозного, - начал Юрий свой рассказ, - потом по хребту пошли до его пригородов, в Старопромысловский район. Жили в разбитых домах, потерь пока не было. Затем стояли в поле, мороз был жуткий. Новый год встретили недалеко от поселка нефтяников. Обошли Грозный с севера, наступали вдоль железной дороги. Пригороды - полностью разрушены. Там стоял Волгоградский полк, у него были большие потери. Солдаты говорят нам: "Ребята, куда вы пошли...".

А 245-й полк шел на площадь Минутку. Всем было ясно, что предстояли самые тяжелые бои и кто-то должен погибнуть.

- Накануне Татьянина дня, 24 января, ночью, мы вышли к кинотеатру. Шли штурмовыми группами, - продолжал Юрий, - Минометчики на руках несли свои трубы, падали, потому что везде развалины, арматура торчит. Мы нагрузились огнеметами, шли, как аквалангисты. Нам надо было взять школу и девятиэтажку. Я был командиром группы из девяти человек, самые слабенькие из роты, одни срочники. Зашли в дом в виде скобы и в этот момент началась стрельба. Кинжальный пулеметный огонь. Командир первой штурмовой группы куда-то спрятался, вместо нее пошли вторая и моя. Ночь сидели в доме, как мышки. Оказались в одном доме с боевиками, здесь же был их главный опорный пункт. А у меня не было связи: сели аккумуляторы рации. Целые сутки меня обстреливали свои, но никого не убили. Днем заняли весь дом, а потом по нам свои стали стрелять, из танков. Вечером послал двоих бойцов в батальон, сказать, чтобы перестали нас долбить. Ночь была "веселая", чуть до рукопашной не дошло с чеченцами. Сколько их было - не знаю, стрельба стояла плотная. Страшно, но нельзя было показывать это перед пацанами. А мальчишки просто лежали, ни рукой, ни ногой не могли пошевелить от страха. Они даже стрелять не могли. Неразбериха была полная. Вернулись в кинотеатр. Потом оттуда методически разрушали все дома поблизости. Много было интересного, но всего не расскажешь.

Из группы Юры погибли трое солдат, трое были ранены...

И после этой встречи под Урус-Мартаном он снова ушел в свой взвод.

"Живые мы, живые!" - кричали в видеокамеру на Сунженском хребте Алексей Аминов и Ашот Агинян. И снова встреча, но только с Алексеем.

- Погиб мой друг, - рассказал он сейчас, - Числа двадцать пятого февраля, под Харсеноем. Зажали нас тогда, одиннадцать человек. Шестерых наградили посмертно...

Услышав музыку, улыбнулся:

- Мы живучие, мы пехота! - и побежал плясать под мелодию "Крошки".

Мать Алексея даже не знает, что ее сын воюет.

Начальник штаба полка

Подполковник Олег Шатохин воевать начал старшим лейтенантом в спецназе в 1988 году в Нагорном Карабахе. Там был ранен первый раз. Потом были события в Тбилиси, Баку, война в Абхазии, Южной Осетии. Первую чеченскую компанию начинал заместителем командира батальона в 245-м полку. Командовал батальоном. В феврале 95-го под Грозным был тяжело ранен из пулемета. Между войнами закончил академию имени Фрунзе. Сейчас ему 34 года. Начальник штаба 245-го полка. Награжден орденом Мужества, медалями. О наградах ни думать, ни говорить не любит.

Подполковник Шатохин в редкие минуты отдыха пишет песни. Перед второй чеченской кампанией стал лауреатом конкурса песен ветеранов военных конфликтов. Последнюю посвятил своему первому комбату и другу, погибшему Герою России подполковнику Владимиру Васильеву.

Рабочий день начальника штаба полка начинается в 5.30 утра, заканчивается далеко заполночь. Пока шел этот разговор, подполковник Шатохин то и дело давал различные распоряжения. Надо было блокировать школу в Урус-Мартане.

- Возможно, сегодня будет нападение на нашу колонну. Там постоянно стреляет снайпер, - сказал он, - А пока блокируем село - духи уходят. Стоящее там подразделение МВД охраняет только себя.

Несколько дней назад женщина из части внутренних войск в сопровождении троих солдат пришла в Урус-Мартан к стоматологу. Бандит расстрелял ее прямо в зубоврачебном кресле. Поэтому, когда вскоре солдаты 245-го задержали чеченца с автоматом, на прикладе которого было двадцать зарубок, они решили его судьбу без лишних формальностей.

Зона ответственности полка раз в пять больше, чем положено по уставу. Несколько месяцев 245-й ведет антипартизанскую войну. Каждый день на контролируемых дорогах полковые саперы находят по одному-два фугаса.

- Основная часть боевиков сейчас живет в населенных пунктах, рассказал Шатохин, - У всех - легитимные документы. Целые отделы внутренних дел работают по выдаче паспортов бандитам. Платят сто долларов и через неделю забирают российский паспорт нового образца. Задерживаем бандита, и чем он круче, тем круче у него удостоверение: "Специальный сотрудник ФСБ. Всем властям оказывать содействие". Бандиты сейчас с нормальными документами и пьют чай в теплых домах. Нужны адресные зачистки по оперативной информации, но МВД этим и не может, и не собирается заниматься. На блокпостах все продается и покупается. А по горам бегают только отморозки. На серьезный штурм какого-нибудь крупного населенного пункта у бандитов сил нет. Они понимают, что будут тут же уничтожены.

Возвращайтесь живыми!

Из справки о боевых действиях 245-го гвардейского мотострелкового полка во второй чеченской кампании: с конца сентября 1999 года полк освободил населенные пункты Кречетово, Порубежное, высоты Терского хребта, Побединское, Радужное, Артемово, городок Маяковского, городок Иваново, Грозный, Танги, Комсомольское, Урус-Мартан. Провели успешные бои по уничтожению бандформирований на юге Чеченской республики. Заместитель командира полка подполковник Владимир Васильев (посмертно) и командир четвертой роты гвардии лейтенант Виталий Заврайский удостоены звания Героя России. Еще несколько человек, в том числе командир полка полковник Сергей Юдин, представлены к этому званию. В полку награждено 105 офицеров и 1305 солдат и сержантов. С начала контртеррористической операции полк потерял 74 человека убитыми и 321 раненными. Подтвержденные потери противника составили 182 человека убитыми и 29 ранеными. Взято в плен 14 бандитов, задержано лиц, по которым ведется следствие - 569. Захвачено более сотни единиц различного стрелкового оружия, тысячи единиц боеприпасов. За месяц саперы полка снимают на дорогах Чечни 18-20 фугасов.

- А самые тяжелые бои, которые полк вел в Чечне - за Грозный. Если бы не 245-й, площадь Минутку тогда брали бы еще месяц, - уверен подполковник Шатохин.

Мы уезжали в мирный Нижний Новгород, а офицеры и солдаты 245-го и 99-го полков оставались в Чечне, чтобы завтра снова идти на засады, разминирование, в разведку, вести огонь из орудий. И так хотелось, чтобы все они вернулись домой живыми...